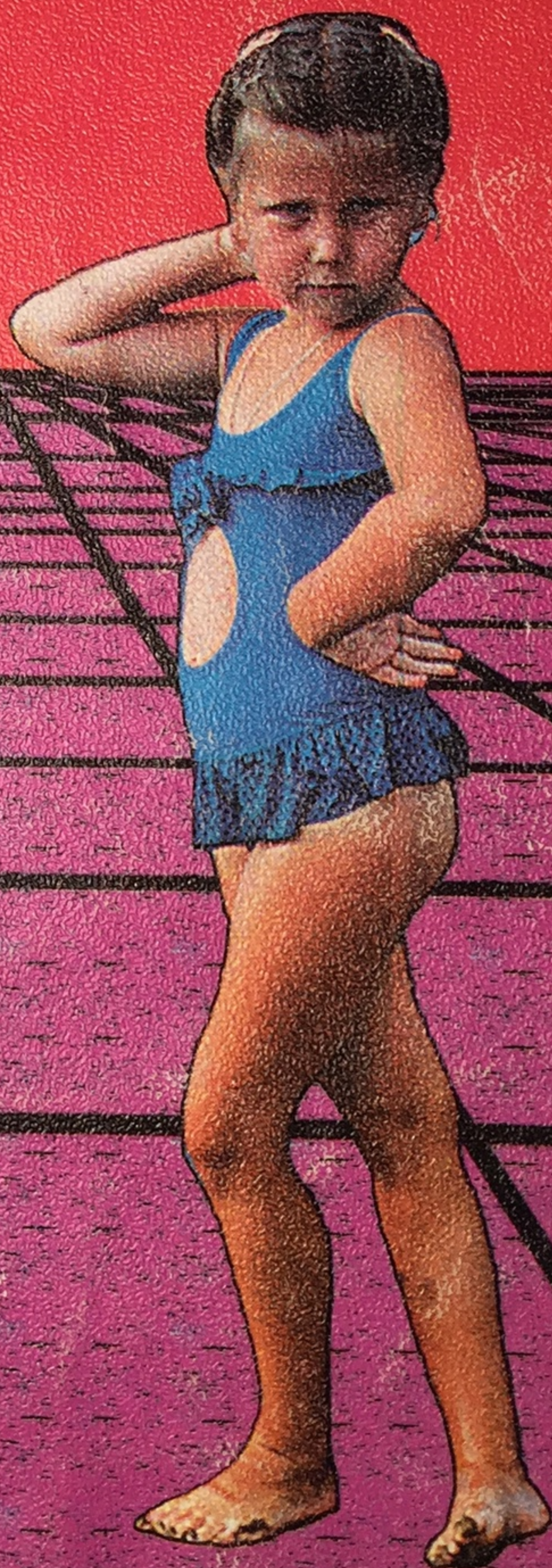

ПСИХОАНАЛИЗ ДЕТСКОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

ЗИГМУНД ФРЕЙД
КАРЛ АБРАХАМ
КАРЛ-ГУСТАВ ЮНГ
ЭРНСТ ДЖОНС
ШАНДОР ФЕРЕНЦИ

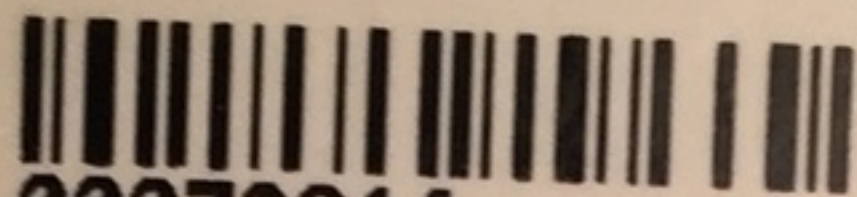

ПСИХОЛОГИЯ
РЕБЕНКА

ЦБС №2 СВАО

-110---86---96---218

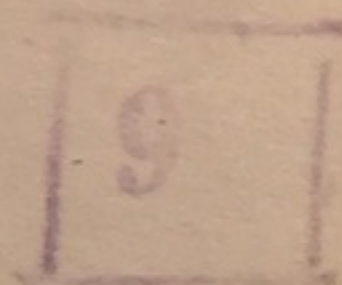
-49--50---52---5-165

00073214

76131-1

Handwritten signature or initials.

76137

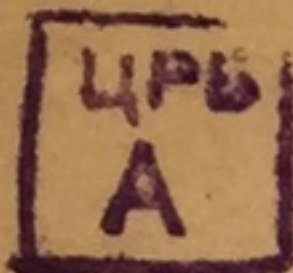
пф 08

ПСИХОАНАЛИЗ ДЕТСКОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

*Зигмунд Фрейд
Карл Абрахам
Карл-Густав Юнг
Эрнст Джонс
Шандор Ференци*

ПОДАШЕНО

«СОЮЗ»
Санкт-Петербург
1997

ББК 88,8
П 86

Серия: ПСИХОЛОГИЯ РЕБЕНКА

Перевод с немецкого *М. В. Вульфа* и *В. А. Белоусова*

Под редакцией проф. *Вал. А. Лукова*

П 86

Психоанализ детской сексуальности / *З. Фрейд*,
К. Абрахам, *К.-Г. Юнг* и др.; Пер. с нем.;
Под ред. *В. А. Лукова*. — СПб.: Союз, 1997. —
223 с. — (Психология ребенка).

ISBN 5-87852-050-8

В сборник вошли классические работы *З. Фрейда* и
его учеников и сподвижников *К. Абрахама*, *К.-Г. Юнга*,
Э. Джонса и *Ш. Ференци* по психоанализу детского
возраста.

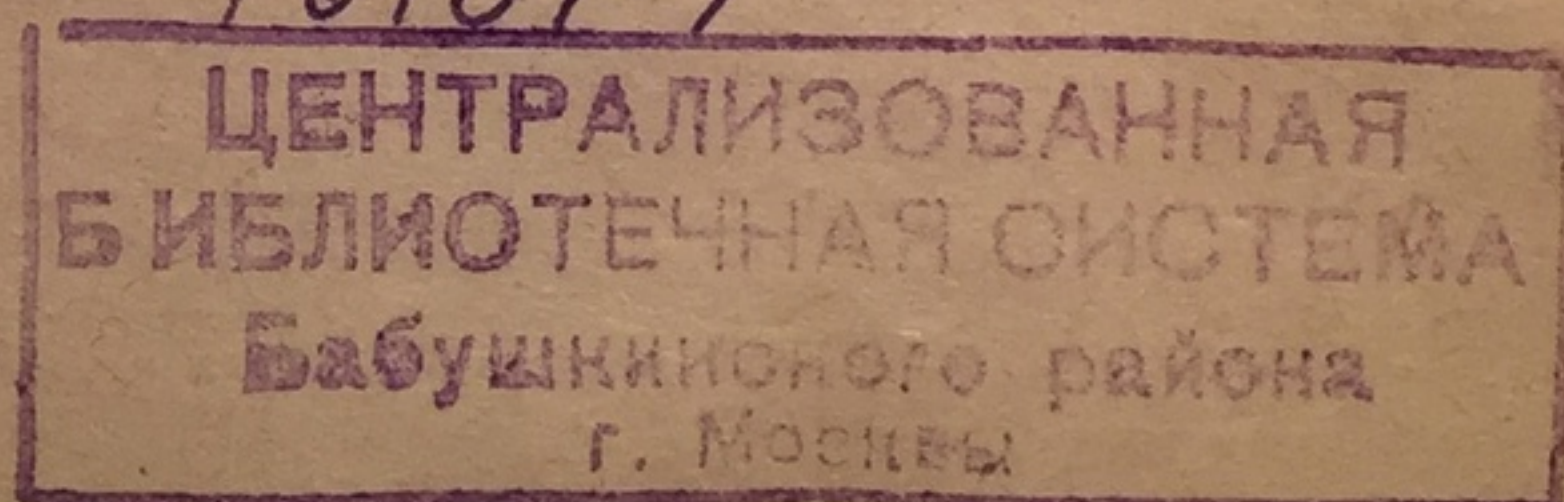
Для психологов, педагогов, социологов, студентов
педагогических вузов, психологических и социологичес-
ких факультетов.

ББК 88

© Предисловие, *В. А. Луков*, 1997.

© Серия, «Союз», 1997.

© Оформление обложки, *Е. А. Лебедева*, *П. А. Ляхов*, 1997.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РЕБЕНОК В ЗЕРКАЛЕ ПСИХОАНАЛИЗА. В. Луков	3
ТРИ ОЧЕРКА ПО ТЕОРИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТИ. З. Фрейд	4
I. Сексуальные отклонения	4
II. Инфантильная сексуальность	36
III. Преобразования при половом созревании	65
АНАЛИЗ ФОБИИ ПЯТИЛЕТНЕГО МАЛЬЧИКА. (Фрагмент). З. Фрейд	112
ИССЛЕДОВАНИЯ О САМОЙ РАННЕЙ ПРЕГЕНИТАЛЬНОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ ЛИБИДО. К. Абрахам	117
КОНФЛИКТЫ ДЕТСКОЙ ДУШИ. К.-Г. Юнг	154
ЗНАЧЕНИЕ ОТЦА В СУДЬБЕ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА. К.-Г. Юнг	185
ЗНАЧЕНИЕ ДЕДА В СУДЬБЕ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА. Э. Джонс	207
МАЛЕНЬКИЙ ПЕТУШАТНИК. Ш. Ференци	214

ПСИХОАНАЛИЗ ДЕТСКОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Ответственный редактор *В. А. Луков*
Компьютерный набор *К. В. Спасская*
Компьютерная верстка *Н. И. Луковой*

Издательство «Союз», ЛР № 040712 от 14.04.95 г.
195197, Санкт-Петербург, ул. Васенко, д. 6.

Сдано в набор 03.09.97. Подписано в печать 24.09.97. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Журнальная Новая. Печ. л. 14,0. Тираж 15 000.
Печать офсетная. Бумага типографская. Заказ № 963.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии им. Володарского Лениздата.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 57.

РЕБЕНОК В ЗЕРКАЛЕ ПСИХОАНАЛИЗА

«Врач, занимающийся психоанализом взрослого невротика, раскрывающий слой за слоем психические образования, приходит, наконец, к известным предположениям о детской сексуальности, в компонентах которой он видит движущую силу для всех невротических симптомов последующей жизни», — писал Зигмунд Фрейд (1856—1939). Подходы к изучению детской сексуальности Фрейд заложил в знаменитых «Трех очерках по теории сексуальности». Книга, вышедшая в 1905 г. тиражом 1000 экземпляров, произвела огромное впечатление на научный мир и на читателей, интересовавшихся психологией. З. Фрейд переиздавал эту книгу с изменениями и добавлениями еще пять раз. В рамках общей трактовки сексуальности исследователь обратил внимание на ошибочность распространенного представления относительно отсутствия полового влечения в детстве и представил гипотезы, заложившие основы психоанализа ребенка.

Основатель фрейдизма сам показал пример применения общей теории к конкретным случаям, опубликовав в 1909 г. работу «Анализ фобии пятилетнего мальчика». В ней на основе обработки записей Макса Графа о поведении «маленького Ганса» была представлена картина детской сексуальности не по восстановленным при помощи психоанализа взрослого человека осколкам, а у самого ее источника.

Ученики и соратники Фрейда восприняли его подходы и занялись на конкретных случаях проработкой деталей психоанализа детского возраста. Заметный вклад в развитие фрейдовский положений о детской сексуальности внес Карл Абрахам (Abraham, 1877—1925), одна из работ которого публикуется в этом сборнике. Основываясь на записях, сделанных задолго до публикации «Трех очерков» Фрейда, К. Абрахам показывает обоснованность идеи о «прегенитальной организации» либидо. Карл-Густав Юнг (Jung, 1875—1961) представлен своей известной работой «Конфликты детской души». Работа была написана вскоре после выхода фрейдов-

ского «Анализа фобии...» и как бы повторяет ее технологическую сторону, но в ней реализуется концепция, не совпадающая с фрейдской: он противопоставляет феномены душевных трансформаций теории вытеснения, отвергая миф о полиморфной «сексуальности» ребенка. Другая работа Юнга и публикуемая статья английского медика и психоаналитика Эрнста Джонса (Jones, 1879—1958) тематически связаны разработкой темы отца (и деда как «образа отца»). Представленное в сборнике исследование одного из наиболее верных сподвижников Фрейда венгерского психиатра и психолога Шандора Ференци (Ferenczi, 1873—1932) интересно описываемым случаем и характером его интерпретации. Вопросы, поставленные в начале века Фрейдом и его учениками, не могут быть обойдены молчанием и сегодня, далеко не все из них получили за прошедшие десятилетия более удовлетворительные ответы.

В настоящем сборнике тексты даны в переводах, опубликованных в составе «Психологической и психоаналитической библиотеки», которая издавалась в начале 20-х годов под редакцией проф. И. Д. Ермакова. Перевод работы Зигмунда Фрейда «Три очерка по теории сексуальности» был сделан М. В. Вульфом. Произведения К. Абрахама, К.-Г. Юнга, Э. Джонса, Ш. Ференци перевел для ермаковской библиотеки В. А. Белоусов. Переводы заново отредактированы с учетом изменений в русском языке за прошедшие годы, терминологические замены произведены, как правило, в тех случаях, когда устаревшие варианты терминов могут породить неясности.

Проф. В. А. Луков

ТРИ ОЧЕРКА ПО ТЕОРИИ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Зигмунд Фрейд

I. СЕКСУАЛЬНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ¹

Факт половой потребности у человека и животного выражают в биологии тем, что у них предполагается «половое влечение». При этом допускают аналогию с влечением к пище, голодом. Соответствующего слову «голод» обозначения не имеется в народном языке, наука пользуется словом «либидо».

Расхожее мнение содержит вполне определенные представления о природе и свойствах этого полового влечения. В детстве его будто бы нет, оно появляется приблизительно ко времени и в связи с процессами полового созревания, выражается в явлениях непреодолимой притягательности, которую один пол оказывает на другой, и цель его состоит в половом соединении или по крайней мере в таких действиях, которые находятся на пути к нему.

Но у нас имеется основание видеть в этих данных очень неправильное отражение действительности; если присмотреться к ним ближе, то они оказываются полными ошибок, неточностей и приблизительностей.

Введем два термина: назовем лицо, которое внушает половое влечение, *сексуальным объектом*, а действие, на которое влечение толкает, *сексуальной целью*; в таком случае точ-

ный научный опыт показывает, что имеются многочисленные отклонения в отношении обоих — как сексуального объекта, так и сексуальной цели, и их отношение к сексуальной норме требует детального исследования.

Отклонения относительно сексуального объекта

Общепринятая теория полового влечения больше всего соответствует поэтической сказке о разделении человека на две половины — мужчину и женщину, стремящихся вновь соединиться в любви, поэтому весьма неожиданно услышать, что встречаются мужчины, сексуальным объектом которых является не женщина, а мужчина, и женщины, для которых таким объектом является не мужчина, а женщина. Таких лиц называют противоположно-сексуальными или, лучше, инвертированными, а самый факт — *инверсией*. Число таких лиц очень значительно, хотя точно установить его затруднительно.²

А. Инверсия

ПОВЕДЕНИЕ ИНВЕРТИРОВАННЫХ

Эти лица ведут себя в различных направлениях различно.

а). Они *абсолютно* инвертированы, т. е. их сексуальный объект может быть только одного с ними пола, между тем как противоположный пол никогда не может у них быть предметом полового желания, а оставляет их холодными или даже вызывает у них половое отвращение. Такие мужчины оказываются благодаря отвращению неспособными совершить нормальный половой акт или при выполнении его не испытывают никакого наслаждения.

б). Они *амфигенно* инвертированы (психосексуальные гермафродиты), т. е. их сексуальный объект может принадлежать как одинаковому с ними, так и другому полу; инверсия, следовательно, лишена характера исключительности.

в). Они *случайно* инвертированы, т. е. при известных внешних условиях, среди которых на первом месте стоят недоступность нормального полового объекта и подражание. Они

могут избрать сексуальным объектом лицо одинакового с ними пола и в таком половом акте получить удовлетворение.

Инвертированные проявляют, далее, различное отношение в своем суждении об особенностях своего полового влечения. Одни из них относятся к инверсии как к чему-то само собой разумеющемуся, подобно тому, как нормальный относится к направленности своего либидо, и энергично отстаивают ее равноправие наряду с нормальным. Другие же возмущаются фактом своей инверсии и ощущают ее как болезненную навязчивость.³

Другие вариации касаются временных отношений. Или инверсия существует у индивида с давних пор, насколько хватает его воспоминаний, или она проявилась у него только в определенный момент до или после периода половой зрелости.⁴ Эта характерная особенность сохраняется на всю жизнь, или по временам исчезает, или составляет отдельный эпизод на пути нормального развития. Она может также проявиться в позднем возрасте по истечении длительного периода нормальной половой деятельности. Наблюдалось также периодическое колебание между нормальным и инвертированным сексуальным объектом. Особенно интересны случаи, в которых либидо меняется в смысле инверсии после того, как был приобретен тягостный опыт (общения) с нормальным сексуальным объектом.

Эти различные ряды вариаций в общем существуют независимо один от другого. Относительно крайней формы можно всегда утверждать, что инверсия существовала уже с очень раннего возраста и что данное лицо вполне мирится с этой особенностью.

Многие авторы отказались бы объединить в одну группу перечисленные здесь случаи и предпочли бы подчеркивать различие в пределах этой группы вместо свойственного всем группам общего; это зависит от предпочитаемого ими взгляда на инверсию. Однако как ни верны такие разделения, все же необходимо признать, что имеется множество переходных ступеней, так что как бы само собой напрашивается образование рядов.

Взгляд на инверсию

Первая оценка инверсии выразилась во взгляде, что она является врожденным признаком нервной дегенерации; это вполне соответствовало тому факту, что наблюдатели-врачи впервые встретились с ней у нервнобольных или у лиц, производивших впечатление больных. Эта характеристика содержит два указания, которые необходимо рассматривать одно независимо от другого: врожденность и дегенерацию.

ДЕГЕНЕРАЦИЯ

Относительно дегенерации возникает возражение, которое вообще относится к неуместному применению этого слова. Вошло в обычай относить к дегенерации всякого рода болезненные проявления не непосредственно травматического или инфекционного происхождения. Подразделение дегенератов, сделанное Маньяном, дало возможность в самых совершенных проявлениях нервной деятельности не исключать применения понятия дегенерации. При таких условиях позволительно спросить, какой вообще смысл и какое новое содержание имеется в оценке слова «дегенерация». Кажется более целесообразным не говорить о дегенерации: 1) в случаях, когда нет нескольких тяжелых отклонений от нормы; 2) в случаях, когда работоспособность и жизнеспособность в общем тяжело не пострадали.⁵

Много фактов указывает на то, что инвертированные не являются дегенератами в этом настоящем смысле:

1. Инверсия встречается у лиц, у которых не наблюдается никаких других серьезных отклонений от нормы.

2. Также у лиц, работоспособность которых не нарушена, которые отличаются даже особенно высоким интеллектуальным развитием и этической культурой.⁶

3. Если не обращать внимания на пациентов из врачебной практики и стараться охватить более широкую область, то в двух направлениях встречаешься с фактами, исключаящими взгляд на инверсию как на признак дегенерации: а) нужно принимать во внимание, что у древних народов на выс-

шей ступени их культуры инверсия была частым явлением, почти институтом, выполняющим важные функции; б) она чрезвычайно распространена у многих диких и примитивных народов, между тем как понятие дегенерации применяется обыкновенно к высокой цивилизации (И. Блох). Даже среди цивилизованных народов Европы климат и раса имеют самое большое влияние на распространение инверсии и на отношение к ней.⁷

ВРОЖДЕННОСТЬ

Вполне понятно, что врожденность приписывают только первому, самому крайнему классу инвертированных, на основании уверений этих лиц, что ни в какой период жизни у них не проявлялось никакой другой направленности полового влечения. Уже самый факт существования двух других классов, особенно третьего, трудно соединить со взглядом о врожденном характере инверсии. Поэтому защитники этого взгляда склонны отделить группу абсолютно инвертированных от всех других, что имеет следствием отказ от обобщающего взгляда на инверсию. Инверсия, согласно этому взгляду, в целом ряде случаев имеет врожденный характер, а в других случаях она могла бы развиваться иным способом.

В противоположность этому взгляду, существует другой, согласно которому инверсия составляет *приобретенный* характер полового влечения. Взгляд этот основывается на следующем: 1) у многих (в том числе абсолютно) инвертированных можно открыть имевшее место в раннем периоде жизни сексуальное впечатление, длительным последствием которого оказывается гомосексуальная склонность; 2) у многих других можно указать на внешние благоприятствующие и противодействующие влияния жизни, приведшие раньше или позже к фиксации инверсии (исключительное общение с лицами одинакового пола, совместный военный поход, содержание в тюрьме, опасности гетеросексуального общения, целибат, половая слабость и т. д.); 3) что от инверсии можно избавиться при помощи гипнотического внушения, что было бы удивительным при врожденном ее характере.

С точки зрения этого взгляда можно вообще оспаривать несомненность возможности врожденной инверсии. Можно возразить (Хэвлок Эллис), что более подробные расспросы в случаях, которые относятся к врожденной инверсии, вероятно, также открыли бы переживание в раннем детстве, предопределившее направленность либидо; это переживание не сохранилось только в сознательной памяти лица, но при соответствующем воздействии можно вызвать воспоминание о нем. По мнению этих авторов, инверсию следовало бы считать частным вариантом полового влечения, предопределенным некоторыми внешними условиями жизни.

Эта, по-видимому, утвердившаяся уверенность теряет почву от возражения, что многие люди испытывают, несомненно, подобные же сексуальные влияния (в том числе в ранней юности: соращение, взаимный онанизм), не став вследствие этого инвертированными или не сделавшись ими навсегда. Таким образом, возникает предположение, что альтернатива: врожденный и приобретенный — или неполна, или не совсем соответствует имеющимся при инверсии обстоятельствам.

ОБЪЯСНЕНИЕ ИНВЕРСИИ

Ни положение, что инверсия является врожденной, ни противоположное ему, что она приобретается, не объясняют сущности инверсии. В первом случае нужно выяснить, что именно в ней врожденного, если не принять самого грубого объяснения, что у человека при рождении имеется уже связь полового влечения с одним определенным сексуальным объектом. В противном случае спрашивается, достаточно ли разнообразных побочных влияний, чтобы объяснить возникновение инверсии без того, что в самом индивиде кое-что не шло навстречу этим влияниям. Отрицание этого последнего момента, согласно изложенному мною ранее, недопустимо.

ВВЕДЕНИЕ БИСЕКСУАЛЬНОСТИ

Для объяснения возможности сексуальной инверсии со времен Франка Лидстона, Кьернана и Шевалье приводят рас-

суждения, содержащие новое противоречие расхожему мнению. Согласно этому мнению, человек может быть или мужчиной, или женщиной. Но науке известны случаи, в которых половые признаки кажутся стертыми и благодаря этому затрудняется определение пола, прежде всего в области анатомии. Гениталии этих лиц соединяют в себе мужские и женские признаки (гермафродитизм). В редких случаях оба половых аппарата развиты один наряду с другим (истинный гермафродитизм); чаще всего имеет место двойное уродство.⁸

Замечательно в этих ненормальностях то, что они неожиданным образом облегчают понимание нормы. Известная степень анатомического гермафродитизма принадлежит и норме; у каждого нормально устроенного мужского или женского индивида имеются зачатки аппарата другого пола, сохранившиеся как рудиментарные органы без функции или преобразовавшиеся и взявшие на себя другие функции.

Взгляд, вытекающий из этих давно известных анатомических фактов, состоит в допущении первоначального бисексуального предрасположения, преобразующегося в течение развития в моносексуальность с незначительными остатками другого пола.

Весьма естественно было перенести этот взгляд на психическую область и понимать инверсию в различных ее видах как выражение психического гермафродитизма. Чтобы решить вопрос, не доставало только постоянного совпадения инверсии с душевными и соматическими признаками гермафродитизма.

Однако это ожидание не оправдалось. Зависимость между предполагаемым психическим и легко доказуемым анатомическим гермафродитизмом нельзя представить себе такой тесной. Часто у инвертированных наблюдается вообще снижение полового влечения (Х. Эллис) и незначительное анатомическое уродство органов. Это встречается часто, но никоим образом не всегда или хотя бы в большинстве случаев. Таким образом, приходится признать, что инверсия и соматический гермафродитизм в общем не зависят друг от друга.

Далее придавалось большое значение так называемым вторичным и третичным признакам и подчеркивалось, что они

часто встречаются у инвертированных (Х. Эллис). И в этом есть большая доля правды, но нельзя забывать, что вторичные и третичные половые признаки вообще встречаются довольно часто у другого пола и образуют, таким образом, намеки на двуполость, хотя половой объект не проявляет при этом изменений в смысле инверсии.

Психический гермафродитизм вылился бы в телесные формы, если бы параллельно инверсии полового объекта шли по крайней мере изменения прочих душевных свойств, влечений и черт характера в смысле типичных для другого пола. Однако подобную инверсию характера можно встретить с некоторым постоянством только у инвертированных женщин. У мужчин с инверсией соединяется полнейшее душевное мужество. Если настаивать на существовании душевного гермафродитизма, то необходимо прибавить, что в проявлениях его в различных областях замечается только незначительная противоположная обусловленность. То же относится и к соматической двуполости: по Хальбану⁹, единичные уродства органов и вторичные половые признаки встречаются довольно независимо друг от друга.

Учение о бисексуальности в своей самой грубой форме сформулировано одним из защитников инвертированных мужчин следующим образом: женский мозг в мужском теле. Однако нам неизвестны признаки «женского мозга». Замена психологической проблемы анатомической в равной мере бессмысленна и неоправдываема. Объяснение, предложенное фон Крафт-Эбингом, кажется более точно выраженным, чем Ульриха, но по существу ничем от него не отличается. Крафт-Эбинг полагает, что бисексуальное предрасположение награждает индивида как мужскими и женскими мозговыми центрами, так и соматическими половыми органами. Эти центры развиваются только в период наступления половой зрелости, по большей части под влиянием независимых от них по своему строению половых желез. Но к мужским и женским «центрам» применимо то же, что и к мужскому и женскому мозгу, и, кроме того, даже неизвестно, следует ли нам предполагать существование ограниченных частей мозга («центров») для половых функций, как, например, для речи.

Две мысли все же сохраняют свою силу после всех этих рассуждений: что для объяснения инверсии необходимо принимать во внимание бисексуальное предрасположение, но только нам неизвестно, в чем, кроме анатомической его формы, состоит это предрасположение, и что дело тут идет о нарушениях, касающихся развития полового влечения.¹⁰

СЕКСУАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ИНВЕРТИРОВАННЫХ

Теория психического гермафродитизма предполагает, что половой объект инвертированных противоположен объекту нормальных. Инвертированный мужчина не может устоять перед очарованием, исходящим от мужских свойств тела и души, он сам себя чувствует женщиной и ищет мужчину.

Но хотя это и верно по отношению к целому ряду инвертированных, это далеко не составляет общего признака инверсии. Не подлежит никакому сомнению, что большая часть инвертированных мужчин сохраняет психический характер мужественности, обладает сравнительно немногими вторичными признаками другого пола и в своем половом объекте ищет, в сущности, женских психических черт. Если бы было иначе, то оставалось бы совершенно непонятным, для чего мужская проституция, предлагающая себя инвертированным, — теперь, как и в древности, — копирует во всех внешних формах платья и манеры женщин; ведь такое подражание должно было бы оскорблять идеал инвертированных. У греков, у которых в числе инвертированных встречаются самые мужественные мужчины, ясно, что не мужественный характер мальчика, а телесное приближение его к женскому типу, так же как и женские душевные свойства его, робость, сдержанность, потребность в посторонней помощи и в наставлении, разжигали любовь в мужчине. Как только мальчик становился взрослым, он не был уже больше половым объектом для мужчины, а сам становился любителем мальчиков. Сексуальным объектом, следовательно, в этом, как и во многих других случаях является не тот же пол, а соединение обоих половых признаков, компромисс между душевным стремлением к мужчине и женщине при сохранении условия мужественности тела (ге-

ниталий), так сказать, отражение собственной бисексуальной природы.¹¹

Более определенными оказываются отношения у женщины, где активно инвертированные особенно часто обладают соматическими и душевными мужскими признаками и требуют женственности от своих половых объектов, хотя и здесь, при более близком знакомстве, вероятно, окажется большая пестрота отношений.

СЕКСУАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ ИНВЕРТИРОВАННЫХ

Важный факт, который нельзя забывать, состоит в том, что сексуальные цели при инверсиях никоим образом нельзя называть однородными. У мужчин половое сношение *per anum* <лат.: через задний проход> далеко не совпадает с инверсией; мастурбация также часто составляет исключительную цель, и ограничения сексуальной цели — вплоть до одних только излияний чувств — встречаются здесь даже чаще, чем при гетеросексуальной любви. И у женщин сексуальные цели инвертированных разнородны; особенным предпочтением, по-видимому, пользуется прикосновение слизистой оболочкой рта.

ВЫВОДЫ

Хотя мы не чувствуем себя в силах дать удовлетворительное объяснение образованию инверсии на основании имеющегося до сих пор материала, мы замечаем, однако, что при этом исследовании пришли к взгляду, который может приобрести для нас большее значение, чем разрешение поставленной выше задачи. Мы обращаем внимание на то, что представляли себе связь сексуального влечения с сексуальным объектом слишком тесной. Опыт со случаями, считающимися ненормальными, показывает нам, что между сексуальным влечением и сексуальным объектом имеется спайка, которую нам грозит опасность не заметить при однообразии нормальных форм, в которых влечение как будто бы приносит от рождения с собой и объект. Это заставляет нас ослабить в наших

мыслях связь между влечениями и объектом. Половое влечение, вероятно, сначала не зависит от объекта и не обязано своим возникновением его прелестям.

Б. Животные и незрелые в половом отношении лица как сексуальные объекты

В то время как лица, сексуальный объект которых не принадлежит к соответствующему в норме полу, т. е. инвертированные, кажутся наблюдателю целой группой индивидов, в других отношениях, может быть, полноценных, случаи, в которых сексуальными объектами выбираются незрелые в половом отношении лица (дети), с самого начала кажутся единичными отклонениями. Только в редких случаях сексуальными объектами являются исключительно дети; по большей части они приобретают эту роль, когда ленивый и ставший импотентом индивид или импульсивное (неотложное) влечение не может в данную минуту овладеть подходящим объектом. Все же тот факт, что половое влечение допускает столько вариаций и такое умаление своего объекта, проливает свет на его природу; голод, гораздо более прочно привязанный к своему объекту, допустил бы это только в крайнем случае. То же замечание относится к половому сношению с животными, вовсе не редко встречающемуся среди сельского населения, причем половая притягательность переходит границы вида.

Из эстетических соображений появляется желание приписать это душевнобольным, как и другие тяжелые случаи отклонения полового влечения, но это неправильно. Опыт показывает, что у последних не наблюдается иных нарушений половых влечений, чем у здоровых, у целых рас и сословий. Так, сексуальное злоупотребление детьми с жуткой частотой встречается у учителей и воспитателей просто потому, что им предоставляются для этого наиболее благоприятные возможности. Только у душевнобольных соответствующее отклонение встречается в усиленной форме, или, что имеет особое значение, оно стало исключительным и заняло место нормального сексуального удовлетворения.

Это замечательное отношение сексуальных вариаций к шкале «здоровье — душевная болезнь» заставляет задуматься. Мне казалось бы, что нуждающийся в объяснении факт служит указанием на то, что побуждения в сфере половой жизни относятся к таким, которые и в пределах нормы хуже всего подчиняются высшим видам душевной деятельности. Кто, в каком бы то ни было отношении, душевно ненормален в смысле социальном, этическом, тот, согласно моему опыту, всегда является таким же в своей сексуальной жизни. Но есть много ненормальных в сексуальной жизни и соответствующих во всех остальных пунктах среднему человеку, не отставших от человеческого культурного развития, слабым пунктом которого остается сексуальность.

Как на самом общем результате этих рассуждений остановимся на взгляде, что под влиянием многочисленных условий у поразительно многих индивидов род и ценность сексуального объекта отступают на задний план. Существенным и постоянным в половом влечении является что-то другое.¹²

ОТКЛОНЕНИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕКСУАЛЬНОЙ ЦЕЛИ

Нормальной сексуальной целью считается соединение гениталий в акте, называемом совокуплением, ведущем к разрядке сексуального напряжения и к временному угасанию сексуального влечения (удовлетворение, аналогичное насыщению при голоде). И все же при нормальном сексуальном процессе можно заметить элементы, развитие которых ведет к отклонениям, которые были описаны как *перверзии*. Предварительными сексуальными целями считаются известные промежуточные процессы (лежащие на пути к совокуплению) отношения к сексуальному объекту — ощупывание и разглядывание его. Эти действия, с одной стороны, сами дают наслаждение, с другой стороны, они повышают возбуждение, которое должно существовать до достижения окончательной сексуальной цели. Одно определенное прикосновение из их числа, взаимное прикосновение слизистой оболочки губ, получило далее как поцелуй у многих народов (в том

числе и высокоцивилизованных) высокую сексуальную ценность, хотя имеющиеся при этом в виду части тела не относятся к половому аппарату, а составляют вход в пищеварительный тракт. Все это — те моменты, которые позволяют установить связь между перверзией и нормальной сексуальной жизнью и которые можно использовать для классификации перверзий. Перверзии представляют собой или: а) выход за анатомические границы частей тела, предназначенных для полового соединения, или б) остановку на промежуточных отношениях к сексуальному объекту, которые в норме быстро исчезают на пути к окончательной сексуальной цели.

а). ВЫХОД ЗА АНАТОМИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ПЕРЕОЦЕНКА СЕКСУАЛЬНОГО ОБЪЕКТА

Психическая оценка, которую получает сексуальный объект как желанная цель сексуального влечения, в самых редких случаях ограничивается его гениталиями, а распространяется на все его тело и имеет тенденцию включать в себя все ощущения, исходящие от сексуального объекта. Та же переоценка переносится в психическую область и проявляется как логическое ослепление (слабость суждения) по отношению к душевным проявлениям и совершенствам сексуального объекта, а также как готовность подчиниться и поверить всем его суждениям. Доверчивость любви становится, таким образом, важным, если не самым первым источником авторитета.¹³

Именно эта сексуальная оценка так плохо гармонирует с ограничениями сексуальной цели соединением одних только гениталий и способствует тому, что другие части тела избираются сексуальной целью.¹⁴

Значение фактора сексуальной переоценки лучше всего изучать у мужчины, любовная жизнь которого только и доступна исследованию, между тем как любовная жизнь женщины, отчасти вследствие культурных искажений, отчасти вследствие конвенциональной скрытности и неоткровенности женщин, погружена еще в непроницаемую тьму.¹⁵

СЕКСУАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛИЗИСТОЙ ОБОЛОЧКИ РТА И ГУБ

Использование рта как сексуального органа считается перверзией, если губы (язык) одного лица приходят в соприкосновение с гениталиями другого, но не в том случае, если слизистые оболочки губ обоих лиц прикасаются друг к другу. В последнем исключении заключается приближение к норме. Кому противны другие формы перверзий, существующие, вероятно, с самых древних доисторических времен человечества, тот поддается при этом явному *чувству отвращения*, которое не допускает его принять такую сексуальную цель. Но граница этого отвращения часто чисто условна, кто со страстью целует губы красивой девушки, тот, может быть, лишь с отвращением сможет воспользоваться ее зубной щеткой, хотя нет никакого основания предполагать, что полость его собственного рта, которая ему не противна, чище, чем рот девушки. Тут внимание привлекается к моменту отвращения, которое мешает либидозной переоценке сексуального объекта, но, в свою очередь, преодолевается либидо. В отвращении хотят видеть одну из сил, которые привели к ограничению сексуальной цели. Обыкновенно влияние этих ограничивающих сил до гениталий не доходит. Но не подлежит сомнению, что и гениталии другого пола могут быть сами по себе предметом отвращения и что такое поведение составляет характерную черту всех истеричных больных (особенно женщин). Сила сексуального влечения ясно проявляется в преодолении этого отвращения (см. ниже).

СЕКСУАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАДНЕГО ПРОХОДА

Еще отчетливее, чем в предыдущем случае, становится ясным при использовании заднего прохода, что именно отвращение налагает печать перверзии на эту сексуальную цель. Но пусть не истолкуют как известное пристрастие с моей стороны мое замечание, что оправдание этого отвращения тем, что эта часть тела служит выделениям и приходит в соприкосновение с самым отвратительным — с экскремента-

ми, не более убедительно, чем то оправдание, которым истеричные девушки пользуются для объяснения своего отвращения к мужским гениталиям: они служат для мочеиспусканий.

Сексуальная роль слизистой оболочки заднего прохода абсолютно не ограничивается общением между мужчинами, оказываемое ей предпочтение не является чем-то характерным для инвертированного чувствования. Наоборот, по-видимому, педерастия у мужчины обязана своим значением аналогии с актом с женщиной, между тем как при сношении инвертированных сексуальной целью скорее всего является взаимная мастурбация.

ЗНАЧЕНИЕ ДРУГИХ ЧАСТЕЙ ТЕЛА

Распространение сексуальной цели на другие части тела не представляет собой во всех своих вариациях нечто принципиально новое, ничего не прибавляет к нашему знанию о половом влечении, которое в этом проявляет только свое намерение овладеть сексуальным объектом по всем направлениям. Но наряду с сексуальной переоценкой при анатомическом выходе за границы половых органов проявляется еще второй момент, который с общепринятой точки зрения кажется странным. Определенные части тела, такие как слизистая оболочка рта и заднего прохода, всегда встречающиеся в этих приемах, как бы проявляют притязание, чтобы на них самих смотрели как на гениталии и поступали с ними соответственно этому. Мы еще услышим, что это притязание оправдывается развитием сексуального влечения и что в симптоматике некоторых болезненных состояний оно осуществляется.

НЕСООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАМЕЩЕНИЕ СЕКСУАЛЬНОГО ОБЪЕКТА — ФЕТИШИЗМ

Совершенно особое впечатление производят те случаи, в которых нормальный сексуальный объект замещен другим, имеющим к нему отношение, но совершение непригодным для того, чтобы служить нормальной сексуальной цели. Согласно прин-

ципам классификация половых отклонений нам следовало бы упомянуть об этой крайне интересной группе отклонений полового влечения уже при отступлениях от нормы в отношении сексуального объекта, но мы отложили это до момента нашего знакомства с сексуальной переоценкой, от которой зависят эти явления, связанные с отказом от сексуальной цели.

Замещением сексуального объекта становится часть тела, в общем очень мало пригодная для сексуальных целей (нога, волосы), или неодушевленный объект, имеющий вполне определенное отношение к сексуальному лицу, скорее всего к его сексуальности (части платья, нижнее белье). Этот заместитель вполне правильно приравнивается к фетишу, в котором дикарь воплощает своего бога.

Переход к случаям фетишизма с отказом от нормальной или извращенной сексуальной цели составляют случаи, в которых требуется присутствие фетишистского условия в сексуальном объекте для того, чтобы достигнута была сексуальная цель (определенный цвет волос, платье, даже телесные недостатки). Ни одна вариация сексуального влечения, граничащая с патологией, не имеет такого права на наш интерес, как эта, благодаря странности вызываемых ею явлений. Известное умаление стремления к нормальной сексуальной цели является, по-видимому, необходимой предпосылкой для всех случаев (исполнительная слабость полового аппарата).¹⁶ Связь с нормой осуществляется посредством психологически необходимой переоценки сексуального объекта, которая неизбежно переносится на все ассоциативно с ним связанное. Известная степень такого фетишизма всегда свойственна поэтому нормальной любви, особенно в тех стадиях влюбленности, в которых нормальная сексуальная цель кажется недостижимой или достижение ее невозможным.

Достань мне шарф с ее груди,
Дай мне подвязку моей любви.
(«Фауст» Гёте)

Патологическим случай становится только тогда, когда стремление к фетишу зафиксировалось слишком сильно и

заняло место нормальной цели, далее, когда фетиш теряет связь с определенным лицом, становится единственным сексуальным объектом. Таковы вообще условия перехода пока еще вариаций полового влечения в патологические отклонения.

Как впервые утверждал Бине, а впоследствии было доказано многочисленными фактами, в выборе фетиша сказывается непреходящее влияние воспринятого по большей части в раннем детстве сексуального впечатления, — что можно сравнить с известным постоянством любви нормального человека («On revient toujours à ses premiers amours» <фр.: старая любовь помнится долго>). Такое происхождение особенно ясно в случаях, в которых выбор сексуального объекта обусловлен только фетишем (с вопросом о значимости сексуальных впечатлений в раннем детстве мы встретимся еще и в другом месте¹⁷).

В иных случаях к замещению объекта фетишем привел символический ход мыслей, по большей части не осознанный данным лицом. Пути этого хода мыслей не всегда можно доказать с уверенностью (нога представляет собой древний сексуальный символ уже в мифах)¹⁸; «мех» обязан своей ролью фетиша ассоциации с волосами на mons Veneris <лат.: венерин бугор>; однако и эта символика, по-видимому, не всегда независима от сексуальных переживаний детства.¹⁹

Б). ФИКСАЦИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ НАМЕРЕНИЙ

Все внешние и внутренние условия, затрудняющие или отдаляющие достижение нормальной сексуальной цели (импотенция, дороговизна сексуального объекта, опасности полового акта), поддерживают, само собой разумеется, склонность к тому, чтобы задержаться на подготовительных актах и образовать из них новые сексуальные цели, которые могут занять место нормальных. При ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что, по-видимому, самые странные из этих новых целей все же намечаются уже при нормальном сексуальном процессе.

ОЩУПЫВАНИЕ И РАЗГЛЯДЫВАНИЕ

Известная доля ощупывания для человека необходима по крайней мере для достижения нормальной сексуальной цели. Также общеизвестно, каким источником наслаждения, с одной стороны, и каким источником новой энергии, с другой стороны, становится кожа благодаря ощущениям от прикосновения сексуального объекта. Поэтому задержка на ощупывании, если только половой акт развивается дальше, вряд ли может быть причислена к перверзиям.

То же самое и с разглядыванием, сводящимся в конечном счете к ощупыванию. Оптическое впечатление возникает тем путем, которым чаще всего пробуждается либидозное возбуждение и на исчерпание которого, — если допустить такой телеологический подход, — рассчитывает естественный отбор, направляя развитие сексуального объекта на приближение к красоте. Прогрессирующее вместе с развитием культуры прикрывание тела будит сексуальное любопытство, стремящееся к тому, чтобы обнажением запрещенных частей дополнить для себя сексуальный объект; но это любопытство может быть отвлечено на художественные цели («сублимировано»), если удастся отвлечь его интерес от гениталий и направить его на тело в целом. Задержка на этой промежуточной сексуальной цели подчеркнутого сексуального разглядывания²⁰ свойственна в известной степени большинству нормальных людей, она дает им возможность направить известную часть своего либидо на высшие художественные цели. Перверзией же страсть к подглядыванию становится, напротив: а) если она ограничивается исключительно гениталиями, б) если она связана с преодолением чувства отвращения (*voyeurs* <фр.: склонные к вуайеризму>: подглядывание при функции выделения), в) если она вместо подготовки к достижению нормальной сексуальной цели вытесняет ее. Последнее ярко выражено у эксгибиционистов, которые, если мне позволено будет судить на основании ряда анализов, показывают свои гениталии для того, чтобы в награду получить возможность увидеть гениталии других.²¹

При перверзии, стремление которой состоит в разглядывании и показывании себя, проявляется очень выразитель-

ная черта, которая займет нас еще больше при следующем отклонении. Сексуальная цель проявляется при этом выраженной в двойной форме: в активной и в пассивной.

Силой, противостоящей страсти к подглядыванию и иногда даже побеждающей ее, является стыд (как раньше — отвращение).

САДИЗМ И МАЗОХИЗМ

Склонность причинять боль сексуальному объекту и противоположная ей склонность, эти самые частые и значительные перверзии, названы Крафт-Эбингом в обеих ее формах, активной и пассивной, садизмом и мазохизмом (пассивная форма). Другие авторы предпочитают более узкое обозначение *алголагнии*, подчеркивающее удовольствие от боли, жестокость, между тем как при избранном Крафт-Эбингом названии на первый план выдвигаются всякого рода унижение и покорность.

Корни активной алголагнии, садизма, в пределах нормального легко доказать. Сексуальность большинства мужчин содержит примесь *агрессивности*, склонности к насильственному преодолению, биологическое значение которого состоит, вероятно, в необходимости преодолеть сопротивление сексуального объекта еще и иначе, не только посредством актов *ухаживания*. Садизм в таком случае соответствовал бы ставшему самостоятельным, преувеличенному, выдвинутому благодаря смещению на главное место агрессивному компоненту сексуального влечения.

Понятие садизма, в обычном употреблении этого слова, колеблется между только активной и затем насильственной установкой по отношению к сексуальному объекту и исключительной неразрывностью удовлетворения с подчинением и терзанием его. Строго говоря, только последний крайний случай имеет право на название перверзии.

Равным образом термин «мазохизм» обнимает все пассивные констелляции к сексуальной жизни и к сексуальному объекту, крайним выражением которых является неразрывность удовлетворения с испытанием физической и душевной

боли со стороны сексуального объекта. Мазохизм как перверзия, по-видимому, дальше отошел от нормальной сексуальной цели, чем противоположный ему садизм; можно сомневаться в том, появляется ли он когда-нибудь первично или не развивается ли он всегда из садизма благодаря преобразованию. Часто можно видеть, что мазохизм представляет собой только продолжение садизма, обращенного на собственную личность, временно замещающую при этом место сексуального объекта. Клинический анализ крайних случаев мазохистской перверзии приводит к совокупному влиянию большого числа моментов, преувеличивающих и фиксирующих первоначальную пассивную сексуальную установку (комплекс кастрации, сознание вины).

Преодолеваемая при этом боль уподобляется отвращению и стыду, оказывающим сопротивление либидо.

Садизм и мазохизм занимают особое место среди перверзий, так как лежащая в их основе противоположность активности и пассивности принадлежит к самым общим характерным чертам сексуальной жизни.

История человеческой культуры вне всякого сомнения доказывает, что жестокость и половое влечение связаны самым тесным образом, но для объяснения этой связи не пошли дальше подчеркивания агрессивного момента либидо. По мнению одних авторов, эта примешивающаяся к сексуальному влечению агрессивность является собственно остатком каннибальских вожделений, т. е. в ней принимает участие аппарат овладения, служащий удовлетворению другой, онтогенетически более старой фундаментальной потребности.²² Высказывалось также мнение, что всякая боль сама по себе содержит возможность ощущения наслаждения. Удовлетворимся впечатлением, что объяснение этой перверзии никоим образом не может считаться удовлетворительным и что возможно, что при этом несколько душевных стремлений соединяются для одного эффекта.

Самая разительная особенность этой перверзии заключается, однако, в том, что пассивная и активная формы ее всегда совместно встречаются у одного и того же лица. Кто получает удовольствие, причиняя другим боль в половом отношении, тот также способен испытывать наслаждение от боли,

которая причиняется ему от половых отношений. Садист всегда одновременно и мазохист, хотя активная или пассивная сторона перверзии у него может быть сильнее выражена и представлять собой преобладающую сексуальную деятельность.²³

Мы видим, таким образом, что некоторые из перверзий всегда встречаются как *противоположные пары*, чему необходимо придать большое теоретическое значение, принимая во внимание материал, который будет приведен ниже.²⁴ Далее, совершенно очевидно, что существование противоположной пары, садизм — мазохизм, нельзя объяснить непосредственно и только примесью агрессивности. Заменой этого является желание привести в связь такие сосуществующие противоположности с противоположностью мужского и женского, заключающейся в бисексуальности, значение которой в психоанализе сводится к противоположности между активным и пассивным.

3. Общее о перверзиях

ВАРИАЦИЯ И БОЛЕЗНЬ

Врачи, впервые изучавшие перверзии в резко выраженных случаях и при особых условиях, были, разумеется, склонны приписать им характер болезни или дегенерации, подобно инверсиям. Однако в данном случае легче, чем в том, признать такой взгляд неправильным. Ежедневный опыт показывает, что большинство этих нарушений, по крайней мере наименее тяжелые из них, составляют редко отсутствующую составную часть сексуальной жизни здорового, который и смотрит на них так, как и на другие интимности. Там, где обстоятельства благоприятствуют этому, и нормальный человек может на некоторое время заместить нормальную сексуальную цель такой перверзией или уступить ей место наряду с первой. У всякого здорового человека имеется какое-нибудь дополнение по отношению к нормальной сексуальной цели, которое можно назвать перверзией, и достаточно уже такой общей

распространенности, чтобы доказать нецелесообразность употребления в качестве упрека названия перверзии. Именно в области сексуальной жизни встречаешься с особыми, в настоящее время, собственно говоря, неразрешимыми трудностями, если хочешь провести резкую границу между только вариацией в пределах области физиологии и болезненными симптомами.

У некоторых из этих перверзий качество новой сексуальной цели все же таково, что требует особой оценки. Некоторые из перверзий по содержанию своему настолько удаляются от нормы, что мы не можем не объявить их «болезненными», особенно те, при которых сексуальное влечение при преодолении сопротивлений (стыд, отвращение, ужас, боль) проявляется в вызывающих изумление действиях (облизывание кала, насилдование трупов). Но и в этих случаях нельзя с полной уверенностью думать, что преступники всегда окажутся лицами с другими тяжелыми отклонениями или душевнобольными. И здесь не уйдешь от факта, что лица, обычно ведущие себя как нормальные, только в области сексуальной жизни, находясь во власти самого безудержного из всех влечений, проявляют себя как больные. Напротив, за явной ненормальностью в других жизненных отношениях обычно обнаруживается на заднем плане ненормальное сексуальное поведение.

В большинстве случаев мы можем открыть болезненный характер перверзии не в содержании новой сексуальной цели, а в отношении к норме: если перверзия появляется *не наряду* с нормой (нормальными сексуальной целью и объектом), когда благоприятные условия способствуют нормальному, а неблагоприятные препятствуют ему, то она в любых обстоятельствах вытесняет и замещает нормальное; мы видим, следовательно, в *исключительности* и *фиксации* перверзии больше всего основания к тому, чтобы смотреть на нее как на болезненный симптом.

УЧАСТИЕ ПСИХИКИ В ПЕРВЕРЗИЯХ

Может быть, именно в самых отвратительных перверзиях нужно признать наибольшее участие психики в превращении сексуального влечения. Здесь проделана определенная

душевная работа, которую нельзя не оценить в смысле идеализации влечения, несмотря на его отвратительное проявление. Всемогущество любви, быть может, нигде не проявляется так сильно, как в этих ее заблуждениях. Самое высокое и самое низкое всюду теснейшим образом связаны в сексуальности («...от неба через мир в преисподнюю»).

ДВА ВЫВОДА

При изучении перверзии мы пришли к взгляду, что сексуальному влечению приходится бороться с определенными душевными силами, оказывающих ему сопротивление, среди которых яснее всего выделяются стыд и отвращение. Допустимо предположение, что эти силы принимают участие в том, чтобы сдерживать влечение в пределах, считающихся нормальными; и если они развились в индивидууме раньше, чем сексуальное влечение достигло полной своей силы, то, вероятно, они и дали определенное направление его развитию.²⁵

Далее мы заметим, что некоторые из исследованных перверзий становятся понятными только при совпадении некоторых мотивов. Если они допускают анализ (разложение), то они должны быть сложными по своей природе. Это может послужить нам намеком, что и само сексуальное влечение может быть не нечто простое, а состоит из компонентов, которые снова отделяются от него в виде перверзии. Клиника, таким образом, обратила наше внимание на спаянности (*Verschmelzungen*), которые лишились своего выражения в однообразии нормального поведения.²⁶

4. Сексуальное влечение у невротиков

ПСИХОАНАЛИЗ

Важное дополнение к зданию сексуального влечения у лиц, по крайней мере очень близких к нормальным, можно получить из источника, к которому открыт только один определенный путь. Одно только средство позволяет получить основа-

тельные и правильные сведения о половой жизни так называемых психоневротиков (при истерии, неврозе навязчивых состояний, неправильно названном неврастенией, несомненно, *dementia praecox*, паранойе), а именно, если подвергнуть их психоаналитическому исследованию, которым пользуется изобретенный И. Брейером и мною в 1893 г. метод лечения, названный тогда «катартическим».

Должен предупредить или повторить опубликованное уже ранее в другом месте, что эти психоневрозы, насколько показывает мой опыт, являются результатом действия сил сексуальных влечений. Я понимаю под этим не то, что энергия сексуального влечения дополняет силы, питающие болезненные явления (симптомы), а определенно утверждаю, что эти влечения являются единственно постоянным и самым важным источником невроза, так что сексуальная жизнь означенных лиц проявляется исключительно, или преимущественно, или лишь частично только в этих симптомах. Симптомы являются, как я это указал в другом месте, сексуальным осуществлением больных. Доказательством для этого утверждения служит мне увеличивающееся в течение 25 лет количество психоанализов истерических и других неврозов, о результатах которых я дал подробный отчет в отдельности в другом месте и еще в будущем буду давать.²⁷

Психоанализ устраняет симптомы истериков, исходя из предположения, что эти симптомы являются заместителями — как бы транскрипцией — ряда аффективных душевных процессов, желаний, стремлений, которым благодаря особому психическому процессу (*вытеснение*) прегражден доступ к реализации путем сознательной психической деятельности. Эти то удержанные в бессознательном состоянии мысли стремятся найти выражение, соответствующее их аффективной силе, *выход* (*Abfuhr*), и при истерии находят его в процессе конверсии в соматических феноменах, т. е. в истерических симптомах. При правильном, проведенном при помощи особых приемов, обратном превращении симптомов ставшие сознательными аффективные представления дают возможность приобрести самые точные сведения о природе и о происхождении этих психических образований, прежде бессознательных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПСИХОАНАЛИЗА

Таким образом было открыто, что симптомы представляют собой замещение стремлений, заимствующих свою силу из источников сексуального влечения. В полном согласии с этим находится то, что нам известно о характере взятых здесь за образец всех психоневротиков и истериков, об их заболевании и о поводах к этому заболеванию. В истерическом характере наблюдается некоторая доля сексуального вытеснения, выходящая за пределы нормы, повышенное сопротивление сексуальному влечению, известное нам как стыд, отвращение, мораль, и как бы инстинктивное бегство от интеллектуальных занятий сексуальной проблемой, имеющее в ярко выраженных случаях следствием полное незнакомство с сексуальным вплоть до достижения половой зрелости.²⁸

Эта существенная, характерная для истерии черта часто недоступна для грубого наблюдения благодаря существованию другого конституционального фактора истерии — слишком сильно развитого сексуального влечения; но психологический анализ умеет всякий раз открыть его и разрешить противоречивую загадочность истерии констатированием противоположной пары: слишком сильной сексуальной потребности и слишком далеко зашедшего отрицания сексуального.

Повод к заболеванию возникает для предрасположенного к истерии лица, когда вследствие собственного созревания или внешних жизненных условий реальное сексуальное требование серьезно предъявляет к нему свои права. Из конфликта между требованием влечения и противодействием отрицания сексуальности находится выход в болезнь, не разрешающий конфликта, а старающийся уклониться от его разрешения путем превращения либидозного стремления в симптом. Если истеричный человек, к примеру мужчина, заболевает от какого-нибудь банального стремления, от конфликта, в центре которого не находится сексуальный интерес, то такое исключение — только кажущееся. Психоанализ в таких случаях всегда может доказать, что именно сексуальный компонент конфликта создает возможность заболевания, лишая душевные процессы возможности нормального протекания.

НЕВРОЗ И ПЕРВЕРЗИЯ

Значительная часть возражений против этого моего положения объясняется тем, что смешивают сексуальность, из которой я вывожу психоневротические симптомы, с нормальным сексуальным влечением. Но психоанализ учит еще большему. Он показывает, что симптомы никоим образом не образуются за счет так называемого нормального сексуального влечения (по крайней мере не исключительно или преимущественно), а представляют собой конвертированное выражение влечений, которые получили бы название *извращенных* (в широком смысле), если бы их можно было проявить без отвлечения от сознания непосредственно в воображаемых намерениях и в поступках. Симптомы, таким образом, образуются отчасти за счет ненормальной сексуальности; *невроз является, так сказать, негативом перверзии.*²⁹

В сексуальном влечении психоневротиков можно найти все те отклонения, которые мы изучили, как вариации нормальной сексуальной жизни и как выражение болезненной.

а). У всех невротиков (без исключения) находятся в бессознательной душевной жизни порывы инверсии, фиксация либидо на лицах своего пола. Невозможно вполне выяснить влияние этого момента на образование картины болезни, не вдаваясь в пространные объяснения; но могу уверить, что всегда имеется бессознательная склонность к инверсии, и особенно большие услуги оказывает эта склонность при объяснении мужской истерии.³⁰

б). У психоневротиков можно доказать в качестве образующих симптомы факторов наличие в бессознательном различных склонностей к преодолению анатомических границ и среди них особенно часто и интенсивно такие, которые возлагают роль гениталий на слизистую оболочку рта и заднего прохода.

в). Исключительную роль между образующими симптомы факторами при психоневрозах играют проявляющиеся большей частью в виде противоположных пар частные влечения, в которых мы узнали носителей новых сексуальных целей: влечение к подглядыванию и эксгибиционизму и активно и

пассивно выраженное влечение к жестокости. Участие последнего необходимо для понимания страдания, причиняемого симптомом, и почти всегда оказывает решающее влияние на социальное поведение больных. Посредством этой связи жестокости с либидо совершается превращение любви в ненависть, нежных душевных движений во враждебные, характерные для большего числа невротических случаев и, как представляется, даже для всей паранойи.

Интерес к этим результатам повышается еще некоторыми особенностями фактического положения вещей.

а). Там, где в бессознательном находится такое влечение, которое способно составлять пару с противоположным, всегда удается доказать действие и этого противоположного. Каждая «активная» перверзия сопровождается, таким образом, ее «пассивной» парой; кто в бессознательном эксгибиционист, тот одновременно и любит подглядывать, кто страдает от последствий вытеснения садистских стремлений, у того находится и другой приток к симптомам из источника мазохистской склонности. Полное сходство с проявлением «положительных» перверзий заслуживает, несомненно, большого внимания, но в картине болезни та или другая из противоположных склонностей играет преобладающую роль.

б). В резко выраженном случае психоневроза редко находишь развитым только одно из этих перверзных влечений, по большей части значительное число их и, как правило, следы всех; но отдельное влечение по своей интенсивности не зависит от развития других. И в этом отношении изучение положительных перверзий открывает нам их точную противоположность.

ЧАСТНЫЕ ВЛЕЧЕНИЯ И ЭРОГЕННЫЕ ЗОНЫ

Резюмируя все, что нам дало исследование положительных и отрицательных перверзий, мы вполне естественно приходим к объяснению их рядом «частных влечений», которые, однако, не первичны, а могут быть еще и дальше разложены. Под «влечением» мы понимаем только психическое представление постоянного внутрисоматического источ-

ника раздражения, в отличие от «раздражения», вызываемого отдельными возбуждениями, воспринимаемыми извне. Влечение является, таким образом, одним из понятий, отграничивающих душевное от телесного. Самым простым и естественным предположением о природе влечений было бы то, что они сами по себе не обладают никаким качеством, а могут приниматься во внимание только как мерило требуемой работы, предъявляемой душевной жизни. Только отношение влечений к их соматическим источникам и их целям составляет отличие их друг от друга и придает им специфические свойства. Источником влечения является возбуждающий процесс в каком-нибудь органе, и ближайшей целью влечения является прекращение этого раздражения органа.

Дальнейшее предварительное предположение в учении о влечениях, неизбежное для нас, состоит в утверждении, что органы тела дают двоякого рода возбуждения, обусловленные различием их химической природы. Один род этого возбуждения мы называем специфически сексуальным и соответствующий орган «эрогенной зоной» зарождающегося в нем частного сексуального влечения.³¹

В перверзиях, при которых придается сексуальное значение ротовой полости и заднепроходному отверстию, роль эрогенной зоны вполне очевидна. Она проявляется во всех отношениях как часть полового аппарата. При истерии эти части тела и исходящие из них тракты слизистой оболочки становятся таким же образом местом появления новых ощущений и изменений иннервации — даже процессов, которые можно сравнить с эрекцией, — как и настоящие гениталии под влиянием возбуждений при нормальных половых процессах.

Значение эрогенных зон как побочных аппаратов и суррогатов гениталий ярче всего из всех психоневрозов проявляется при истерии; этим, однако, не сказано, что им можно придавать меньшее значение при других формах заболевания, они здесь только менее заметны, потому что при них (неврозе навязчивых состояний, паранойе) образование симптомов происходит в областях душевного аппарата, находящихся несколько дальше от центров телесных движений. При неврозе навязчивых состояний самым замечательным стано-

вится значение импульсов, создающих новые сексуальные цели и, как кажется, независимых от эрогенных зон. Все же при наслаждении от подглядывания и эксгибиционизма глаз соответствует эрогенной зоне; при компонентах боли и жестокости сексуального влечения ту же роль берет на себя кожа, которая в отдельных местах тела дифференцируется в органы чувств и модифицируется в слизистую оболочку как эрогенная зона (ματεξοχήν <греч.: по преимуществу>).³²

ОБЪЯСНЕНИЕ КАЖУЩЕГОСЯ ПРЕОБЛАДАНИЯ ИЗВРАЩЕННОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ ПРИ ПСИХОНЕВРОЗАХ

Вышеизложенные рассуждения пролили, быть может, ложный свет на сексуальность психоневротиков. Может показаться, что по врожденным своим особенностям психоневротики в своем сексуальном поведении очень приближаются к извращенным и в такой же мере отдаляются от нормальных. Однако весьма возможно, что конституциональное предрасположение этих больных, кроме слишком больших размеров сексуального вытеснения и чрезвычайной силы сексуального влечения, включает в себе еще невероятную склонность к перверзии в самом широком смысле слова; однако исследование легких случаев показывает, что последнее предположение не обязательно или что по крайней мере при оценке патологических эффектов необходимо игнорировать влияние одного фактора. У большинства психоневротиков заболевание появляется только после наступления половой зрелости под влиянием требований нормальной половой жизни, против чего прежде всего и направляется вытеснение. Или же наступают более поздние заболевания, когда либидо уже получает отказ в удовлетворении нормальным путем. В обоих случаях либидо ведет себя, как поток, главное русло которого запружено; оно заполняет коллатеральные пути, оставшиеся до этого пустыми. Таким образом, и кажущаяся такой большой (во всяком случае отрицательная) склонность психоневротиков к перверзии может быть обусловлена коллатеральным течением, или, по крайней мере, это коллатеральное течение усиливается. Но несомненен факт, что сексуаль-

ное вытеснение как внутренний фактор должно быть поставлено в один ряд с другими, внешними факторами, которые, подобно лишению свободы, недоступности нормального сексуального объекта, опасности нормального полового акта, вызывают перверзии у индивидов, которые в противном случае остались бы нормальными.

В отдельных случаях невротизм положение в этом отношении может быть различно: один раз решающим является врожденная величина склонности к перверзии, а в другой раз — коллатеральное усиление этой склонности благодаря оттеснению либидо от нормальной сексуальной цели и сексуального объекта. Ошибочно было бы создавать противоречие там, где имеется отношение кооперации. Более того, невротизм всегда проявится в тех случаях, когда в одном и том же смысле действуют совместно конституция и жизненное переживание. Ясно выраженная конституция сможет, пожалуй, обойтись без поддержки со стороны жизненных впечатлений, сильное жизненное потрясение приведет, пожалуй, к невротизму и при посредственной конституции. Эти точки зрения сохраняют, впрочем, свою силу и в других областях в равной мере как для этиологического значения врожденного, так и для случайно пережитого.

Если оказывается предпочтение предположению, что особенно выраженная склонность к перверзиям все же относится к особенностям психоневротической конституции, то появляется надежда, что в зависимости от врожденного преобладания той или иной эрогенной зоны, того или иного частного влечения можно различать большое разнообразие таких конституций. Соответствует ли врожденному предрасположению к перверзиям особое отношение к выбору определенной формы заболевания — это, как и многое другое в этой области, еще не исследовано.

ССЫЛКА НА ИНФАНТИЛИЗМ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Доказав, что извращенные стремления образуют симптомы при психоневрозах, мы невероятным образом увеличили число людей, которых можно причислить к извращенным. Дело не

только в том, что сами невротики представляют собой очень многочисленный класс людей, необходимо еще принять во внимание, что невроты во всех своих формах постепенно, непрерывным рядом переходят в здоровье; ведь мог же Мёбиус с полным основанием сказать: «Все мы немного истеричны». Таким образом, благодаря невероятному распространению перверзий мы вынуждены допустить, что и предрасположение к перверзиям не является редкой особенностью, а должно быть частью конституции, считающейся нормальной.

Мы слышали, что спорен вопрос, являются ли перверзии следствием врожденных условий или возникают благодаря случайным переживаниям, как Бине это полагал относительно фетишизма. Теперь нам представляется его решение: хотя в основе перверзий лежит нечто врожденное, но это нечто такое, что *врождено всем людям* как предрасположение, варьирует по своей интенсивности и ждет того, чтобы его пробудили влияния жизни. Дело идет о врожденных, данных в конституции корнях сексуального влечения, развившихся в одном ряде случаев до настоящих носителей сексуальной деятельности (перверзий), в других случаях испытывающих недостаточное подавление (вытеснение), так что обходным путем они могут как симптомы болезни привлечь к себе значительную часть сексуальной энергии; между тем как в самых благоприятных случаях, минуя обе крайности, благодаря влиянию ограничения и прочей переработки, развивается так называемая нормальная сексуальная жизнь.

Однако далее мы будем утверждать, что предполагаемую конституцию, имеющую зародыши всех перверзий, можно продемонстрировать только у ребенка, хотя у него все влечения могут проявляться только с небольшой интенсивностью. А если благодаря этому нам начинает казаться, что невротики сохранили свою сексуальность в инфантильном состоянии или вернулись к ней, то наш интерес должна привлечь сексуальная жизнь ребенка, и у нас явится желание проследить игру влияний, господствующих в процессе развития детской сексуальности до ее превращения в перверзию, невроз или нормальную половую жизнь.

II. ИНФАНТИЛЬНАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ

НЕДОСТАТОЧНОЕ ВНИМАНИЕ К ДЕТАМ

К общепринятому мнению о половом влечении относится и взгляд, что в детстве оно отсутствует и пробуждается только в период жизни, когда наступает юношеский возраст. Но это совсем не простая, но чреватая весьма тяжелыми последствиями ошибка, так как она, главным образом, виновата в нашем теперешнем незнании основных положений сексуальной жизни. Основательное изучение сексуальной деятельности в детстве, вероятно, открыло бы нам существенные черты полового влечения, показало его развитие и образование из различных источников.

Замечательно, что авторы, занимающиеся объяснением свойств и реакций взрослого индивида, уделяли много больше внимания доисторическому времени, жизни предков, т. е. приписывали гораздо больше влияния наследственности, чем другому доисторическому периоду, который приходится уже на индивидуальное существование личности, а именно детство. Можно было бы подумать, что влияние этого периода жизни легче понять и что он имеет больше права на внимание, чем наследственность.³³ Хотя в литературе встречаются случайные указания на преждевременную сексуальную деятельность маленьких детей, на эрекцию, мастурбацию и напоминающие коитус попытки, но только как на исключительные процессы, как на курьезы, как на отталкивающие примеры преждевременной испорченности. Насколько я знаю, ни один автор не имел ясного представления о закономерностях сексуального влечения в детстве, и в появившихся в большом количестве сочинениях о развитии ребенка глава «Сексуальное развитие» чаще всего отсутствует.³⁴

ИНФАНТИЛЬНАЯ АМНЕЗИЯ

Причину этого примечательного упущения я вижу отчасти в соображениях, продиктованных общепринятыми взглядами, с которыми авторы считались вследствие их собствен-

ного воспитания, отчасти в психическом феномене, который до сих пор не поддавался объяснению. Я имею в виду своеобразную амнезию, которая у большинства людей (не у всех!) охватывает первые годы детства до 6-го или 8-го года жизни. До сих пор нам не приходило в голову удивляться этой амнезии; а между тем у нас есть для этого полное основание. Поэтому-то нам рассказывают, что в эти годы, о которых мы позже ничего не сохранили в памяти, кроме нескольких непонятных отрывков воспоминаний, мы живо реагировали на впечатления, что умели по-человечески выражать горе и радость, проявлять любовь, ревность и другие страсти, которые нас сильно тогда волновали, что мы даже выражали взгляды, обращавшие на себя внимание взрослых, как доказательство нашего понимания и пробуждающейся способности суждения. И обо всем этом, уже взрослые, сами мы ничего не помним. Почему же наша память так отстает от других наших душевных функций? У нас ведь есть основание полагать, что ни в какой другой период жизни она не была более восприимчива и способна к воспроизведению, чем именно в годы детства.³⁵

С другой стороны, мы должны допустить или можем убедиться, проделав психологические исследования над другими, что те же самые впечатления, которые мы забыли, оставили тем не менее глубочайшие следы в нашей душевной жизни и имели решающее влияние на наше дальнейшее развитие. Речь идет, следовательно, вовсе не о настоящем выпадении воспоминаний детства, а об амнезии, подобной той, которую мы наблюдаем у невротиков в отношении более поздних переживаний и сущность которой состоит только в недопущении в сознание (вытеснение). Но какие силы совершают это вытеснение детских впечатлений? Кто разрешит эту загадку, объяснит также и истерическую амнезию.

Все же не забудем подчеркнуть, что существование инфантильной амнезии создает новую точку соприкосновения между душевной жизнью ребенка и психоневротика. Прежде мы уже встречались с другой точкой соприкосновения, когда вынуждены были принять формулу, гласящую, что сексуальность психоневротиков сохранилась на детском уровне

или вернулась к нему. Не следует ли в конце концов и самую инфантильную амнезию привести в связь опять-таки с сексуальными переживаниями детства.

Впрочем, идея связать инфантильную амнезию с истерической — нечто большее, чем просто остроумная игра мысли. Истерическая амнезия, служащая вытеснению, объясняется только тем, что у индивида уже имеется запас воспоминаний, которыми он не может сознательно распоряжаться и которые по ассоциативной связи притягивают к себе все то, на что направляется со стороны сознания действие отталкивающих сил вытеснения.³⁶ Без инфантильной амнезии, можно сказать, не было бы истерической амнезии.

Я полагаю, что инфантильная амнезия, превращающая для каждого человека его детство как бы в доисторическую эпоху и скрывающая от него начало его собственной половой жизни, виновна в том, что детскому возрасту в общем не придают никакого значения в развитии сексуальной жизни. Единичный наблюдатель не в состоянии восполнить появившийся таким образом изъян в нашем знании. Уже в 1896 г. я подчеркнул значение детских лет для появления известных важных феноменов, зависящих от половой жизни, и с тех пор не переставая выдвигал на первый план значение инфантильной жизни для сексуальности.

ЛАТЕНТНЫЙ СЕКСУАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ДЕТСТВА И ЕГО ПРОРЫВЫ

Невероятно часто встречающиеся, будто бы противоречащие норме и испытываемые якобы лишь в виде исключения сексуальные стремления в детстве, как и открытие бессознательных до того детских воспоминаний невротика, позволяют набросать приблизительно следующую картину сексуального поведения в детском возрасте.³⁷

Кажется несомненным, что новорожденный приносит с собой на свет зачатки сексуальных стремлений, которые в течение некоторого времени развиваются дальше, а затем подлежат усиливающемуся подавлению, которое, в свою очередь, нарушается закономерными прорывами сексуального разви-

тия и которое может быть задержано благодаря индивидуальным особенностям. О закономерности и периодичности этого осциллирующего хода развития ничего точно не известно, но кажется, что сексуальная жизнь детей в возрасте приблизительно трех или четырех лет проявляется в форме, доступной для наблюдения.³⁸

СЕКСУАЛЬНЫЕ ЗАДЕРЖКИ

Во время этого периода полной или только частичной латентности формируются те душевные силы, которые впоследствии как задержки на пути сексуального влечения и как плотины сузят его направление (отвращение, чувство стыда, эстетические и моральные требования идеала). Наблюдая культурного ребенка, получаешь впечатление, что построение этих плотин является делом воспитания и, несомненно, воспитание во многом этому содействует. В действительности это развитие обусловлено органически, зафиксировано наследственно и иной раз может наступить без всякой помощи воспитания. Воспитание не выходит, безусловно, за пределы предназначенной ему области влияния, ограничиваясь только тем, что дополняет органически предопределенное и придает ему более четкое и глубокое выражение.

РЕАКТИВНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ И СУБЛИМАЦИЯ

Какими средствами создаются эти конструкции, имеющие такое большое значение для позднейшей культуры и нормы? Вероятно, за счет самих инфантильных сексуальных стремлений, приток которых, следовательно, не прекратился и в этот латентный период, но энергия которых — полностью или отчасти — отводится от сексуального использования и переносится на другие цели. Историки культуры, по-видимому, согласны с предположением, что благодаря такому отклонению сексуальной силы влечений от сексуальных целей и направлению их на новые цели — процессу, заслуживающему название сублимации, — освобождаются могучие компоненты для всех видов культурной деятельности; мы прибавили

бы, что такой же процесс протекает в развитии отдельного индивида, и начало его переносим в сексуальный латентный период детства.³⁹

И относительно механизма такой сублимации можно рискнуть на некоторые предположения. Сексуальные стремления этих детских лет, с одной стороны, не могут найти себе применения, так как функции продолжения рода появляются позже, — что составляет главный признак латентного периода; с другой — они сами по себе были бы перверзиями, так как исходят из эрогенных зон и руководятся влечениями, которые при данном направлении развития индивида могут вызвать только неприятные ощущения. Они вызывают поэтому только противоположные душевные силы (реактивные движения), которые создают упомянутые психические плотины для сильного подавления таких неприятных чувств, как отвращение, стыд и мораль.⁴⁰

ПРОРЫВЫ ЛАТЕНТНОГО ПЕРИОДА

Не обманываясь относительно гипотетической природы и недостаточной ясности наших взглядов на процессы детского латентного периода, вернемся к действительности и укажем, что такое применение детской сексуальности представляет собой идеал воспитания, от которого развитие отдельного лица отступает по большей части в каком-нибудь одном пункте и часто в значительной мере. Время от времени прорывается известная часть сексуальных проявлений, не поддавшихся сублимации, или сохраняется какая-нибудь сексуальная деятельность в течение всего латентного периода до момента усиленного проявления сексуального влечения при наступлении половой зрелости. Воспитатели ведут себя, поскольку они вообще обращают внимание на детскую сексуальность, точно так, как будто бы они разделяли наши взгляды на образование моральных сил противодействия за счет сексуальности и как будто бы они знали, что благодаря сексуальной деятельности ребенок не поддается воспитанию, так как они преследуют все виды сексуальной деятельности ребенка как «пороки», не имея возможности ничего предпри-

нять против них. У нас же имеются большие основания направлять наш интерес на эти внушающие воспитателям страх феномены, потому что мы ждем от них объяснения первоначальной формы полового влечения.

Выражения инфантильной сексуальности

По мотивам, которые станут ясны позже, мы возьмем за образец инфантильных сексуальных проявлений сосание, которому венгерский педиатр *Линднер* посвятил замечательный труд.⁴¹

СОСАНИЕ

Сосание (*Ludeln, Lutschen*), которое появляется уже у младенца и может продолжаться вплоть до зрелости или сохраниться в течение всей жизни, состоит в ритмически повторяемом сосущем прикосновении ртом (губами), причем цель принятия пищи исключается. Часть самих губ, язык, любое другое место кожи, которое можно достать, даже большой палец ноги — становятся объектами сосания. Появляющееся при этом стремление к схватыванию выражается посредством одновременного ритмического дерганья за ушную мочку и может воспользоваться для той же цели и частью тела другого человека (по большей части уха). Сосание (*Wonnesaugen*) по большей части поглощает все внимание и кончается или сном, или моторной реакцией вроде оргазма.⁴² Нередко сосание сопровождается растирающими движениями рук по определенным чувствительным частям тела, груди, наружных гениталий. Таким путем многие дети переходят от сосания к мастурбация.

Линднер сам ясно понимал сексуальную природу этих действий и безоговорочно подчеркивал это. В обыденной жизни сосание часто приравнивается к другим проявлениям невоспитанности (*Unarten*) ребенка. Со стороны многих педиатров и невропатологов высказывались энергичные возражения против такого взгляда, основанного отчасти на смеше-

нии «сексуального» и «генитального». Это возражение ведет к трудному, но неизбежному вопросу, по каким общим признакам думаем мы узнавать о сексуальных действиях ребенка. Я полагаю, что связь явлений, которую мы научились понимать благодаря психоаналитическому исследованию, позволяет нам считать сосание сексуальным проявлением и как раз на нем изучать существенные черты инфантильных сексуальных действий.⁴³

АУТОЭРОТИЗМ

На нас лежит обязанность подробно разобрать этот пример. Как самый яркий признак этого сексуального действия подчеркнем то, что влечение направляется не на других лиц; оно удовлетворяется на собственном теле, оно *аутоэротично*, если употребить удачное название, введенное Хэвлоком Эллисом.⁴⁴

Далее, совершенно ясно, что действия сосущего ребенка определяются поисками удовольствия (Lust), уже пережитого и теперь воскресающего в воспоминании. Благодаря ритмическому сосанию кожи или слизистой оболочки он простейшим образом получает удовлетворение. Нетрудно также сообразить, по какому поводу ребенок впервые познакомился с этим удовольствием, которое теперь старается снова испытать. Первая и самая важная для жизни ребенка деятельность — сосание материнской груди (или суррогатов ее) должно было уже познакомить его с этим удовольствием. Мы сказали бы, что губы ребенка вели себя как эрогенная зона и раздражение теплым молоком было причиной ощущения удовольствия. Сначала удовлетворение от эрогенной зоны соединялось с удовлетворением пищевой потребности. Сексуальная деятельность сначала присоединяется к функции, служащей сохранению жизни, и только позже становится независимой от нее. Кто видел, как ребенок, насытившись, отпадает от груди с покрасневшими щеками и с блаженной улыбкой погружается в сон, тот должен будет сознаться, что эта картина имеет характер типичного выражения сексуального удовлетворения в последующей жизни. Затем по-

требность в повторении сексуального удовлетворения отделяется от потребности в принятии пищи; это отделение становится необходимым, когда появляются зубы и пища принимается не только посредством сосания, но и жуется. Ребенок пользуется не посторонним объектом для сосания, а охотнее частью своей кожи, потому что она ему удобнее, потому что таким образом он приобретает большую независимость от внешнего мира, которым он еще не может овладеть, и потому что таким образом он как бы создает себе вторую, хотя и малоценную эрогенную зону. Малоценность этой второй зоны будет позже способствовать тому, чтобы искать аналогичные части — губы другого лица. («Жаль, что не могу самого себя поцеловать» — можно было бы подсказать ему.)

Не все дети сосут; можно предположить, что доходят до этого только те дети, у которых конституционально усилено значение губ. Если такое конституциональное усиление сохраняется, то такие дети, становясь взрослыми, делаются любителями поцелуев, имеют склонность к чувственным поцелуям или, будучи мужчинами, приобретают сильный мотив для пьянства и курения. Если же к этому присоединяется вытеснение, то они будут ощущать отвращение к пище и страдать истерической рвотой. Благодаря двойной функции зоны губ вытеснение перенесется на влечение к пище. Многие из моих пациенток, страдающих нарушениями в принятии пищи, истерическим глобусом, сжатием в горле и рвотами, были в детстве энергичными сосунами.

В сосании мы могли уже увидеть три существенных признака инфантильных сексуальных проявлений. Они состоят в присоединении какой-нибудь важной для жизни телесной функции, не знают сексуального объекта, аутоэротичны, и сексуальная цель их находится во власти эрогенной зоны. Скажем наперед, что эти признаки сохраняют свое значение и для большинства других проявлений инфантильных сексуальных влечений.

Сексуальная цель инфантильной сексуальности

Признаки эрогенных зон

Из примеров сосания можно извлечь еще некоторые признаки эрогенных зон. Это место на коже или на слизистой оболочке, на котором известного рода раздражения вызывают ощущения удовольствия определенного качества. Не подлежит сомнению, что вызывающие удовольствие раздражения связаны с особыми условиями; эти условия нам неизвестны. Ритмический характер здесь должен играть роль по самой собой напрашивающейся аналогии с щекотанием. Менее определенным кажется вопрос, следует ли называть «особенным» характер этого ощущения удовольствия, вызванного раздражением, понимая под этой особенностью именно сексуальный момент.

В вопросах удовольствия и неудовольствия психология еще настолько бродит в потемках, что самое осторожное суждение было бы наилучшим. Ниже, возможно, мы встретимся с доводами, которые как будто подтверждают особое качество удовольствия.

Эрогенное свойство может быть исключительным образом связано с отдельными частями тела. Как показывает пример сосания, имеются предрасположенные эрогенные зоны. Тот же пример показывает, однако, что и любое другое место кожи или слизистой оболочки может взять на себя роль эрогенной зоны, следовательно, уже заранее должно обладать склонностью к этому. Поэтому качество раздражителя имеет больше отношения к вызываемому ощущению удовольствия, чем строение части тела. Сосущий ребенок ищет по всему своему телу и выбирает для сосания какое-нибудь место, которое благодаря привычке становится особенно предпочитаемым; если он случайно при этом наталкивается на предрасположенное место (грудной сосок, гениталии), то преимущество остается за ним. Совсем аналогичная смещаемость встречается и в симптоматике истерии. При этом неврозе вытеснение больше всего распространяется на собственно генитальные зоны, и эти зоны передают свою раздражимость

остальным, обычно в зрелом возрасте отсталым эрогенным зонам, которые тогда проявляют себя, как гениталии. Но, кроме того, совсем как при сосании, любая другая часть тела может приобрести возбудимость гениталий и стать эрогенной зоной. Эрогенные и истерогенные зоны имеют одинаковые признаки.⁴⁵

ИНФАНТИЛЬНАЯ СЕКСУАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ

Сексуальная цель инфантильного влечения состоит в том, чтобы получить удовлетворение благодаря соответствующему раздражению так или иначе избранной эрогенной зоны. Это удовлетворение должно уже раньше быть пережито, чтобы оставить потребность в повторении его, и мы должны быть готовы к тому, что природа сделала верные приспособления для того, чтобы не предоставить случаю это переживание удовлетворения.⁴⁶ Устройства, выполняющие эту цель в отношении зоны губ, нам уже известны: такова одновременная связь этой части тела с принятием пищи. Другие подобные устройства встретятся нам еще как источники сексуальности. Состояние потребности в повторении удовлетворения проявляется двояко: особенным чувством напряжения, имеющим больше характер неприятного, и ощущением зуда или раздражения, обусловленным *центрально* и проецированным на периферические эрогенные зоны. Поэтому сексуальную цель можно также сформулировать следующим образом: было бы важным заместить ощущения, проецированные на эрогенные зоны, таким внешним раздражением, которое прекращает ощущение раздражения, вызывая ощущение удовлетворения. Это внешнее раздражение состоит по большей части в какой-нибудь манипуляции, аналогичной сосанию.

В полном согласии с нашими физиологическими знаниями бывает так, что эта потребность вызывается также периферически каким-нибудь действительным изменением эрогенной зоны. Кажется только несколько странным, что одно раздражение как бы требует для своего прекращения другого раздражения в том же самом месте.

МАСТУРБАЦИОННЫЕ СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ⁴⁷

Нас может только очень радовать, что нам осталось узнать не так уж много важного о сексуальных действиях ребенка, после того как мы поняли влечение одной лишь эрогенной зоны. Самое ясное различие относится к необходимым для удовлетворения действиям, которые по отношению к зоне губ состояли в сосании и которые в зависимости от положения и устройства других зон нужно заместить другими мускульными действиями.

ПРОЯВЛЕНИЕ ЗОНЫ ЗАДНЕГО ПРОХОДА

Зона заднего прохода, подобно зоне губ, по своему положению вполне подходит к тому, чтобы стать местом присоединения сексуальности к другим функциям тела. Нужно представить себе эрогенное значение этой части тела первоначально очень большим. Посредством психоанализа можно с удивлением узнать, каким превращениям в нормальных случаях подвергаются из этой зоны сексуальные возбуждения и как часто у этой зоны остается на всю жизнь значительная доля генитальной раздражимости.⁴⁸

Столь частые в детском возрасте кишечные расстройства ведут к тому, что у этой зоны нет недостатка в интенсивных раздражениях. Катары кишечника в раннем возрасте делают детей «нервными», как обыкновенно выражаются; при позднейшем невротическом заболевании они приобретают определенное влияние на симптоматическое выражение невроза, в распоряжение которого они предоставляют все разнообразие кишечных расстройств. Принимая во внимание оставшееся, по крайней мере в измененной форме, эрогенное значение зоны заднего прохода, не следует совсем игнорировать геморроидальные влияния, которым старая медицина придавала такую роль при объяснении невротических состояний.

Дети, которые пользуются эрогенной раздражимостью анальной зоны, выдают себя тем, что задерживают каловые массы до тех пор, пока эти массы, скопившись в большом

количестве, не вызывают сильные мускульные сокращения и при прохождении через задний проход способны вызвать сильное раздражение слизистой оболочки. При этом вместе с ощущением боли возникает и сладострастное ощущение. Одним из вернейших признаков будущей странности характера или нервности является упорное нежелание младенца очистить кишечник, когда его сажают на горшок, т. е. когда это угодно няне, и желание его выполнять эту функцию только по собственному усмотрению. Для него, разумеется, не важно, что пачкается при этом его постель: он заботится только о том, чтобы не лишиться удовольствия при дефекации. Воспитатели опять-таки поступают правильно, называя плохими детей, которые «прячут для себя» выполнение этой функции.

Содержимое кишечника, которое как раздражитель для чувствительной в сексуальном отношении поверхности слизистой оболочки ведет себя как предтеча другого органа, которому предстоит вступить в действие только после того, как пройдет фаза детства, имеет для младенца еще и другое важное значение. Младенец относится к нему как к собственной части тела, смотрит на него как на «подарок», выделение которого выражает уступчивость маленького существа по отношению к окружающим, а отказ в котором свидетельствует об упрямстве. Через «подарок» он в дальнейшем приобретает значение «ребенка», который, согласно одной из инфантильных сексуальных теорий, возникает благодаря еде, а рождается через кишечник.

Задержка фекальных масс, преднамеренная сначала с целью использовать ее как бы для мастурбационного раздражения зоны заднего прохода или чтобы использовать ее в отношениях к няне, является, впрочем, одним из корней столь частых запоров у невропатов. Все значение анальной зоны отражается в факте, что встречается мало невротиков, у которых не было бы своих особых скатологических обычаев, церемоний и т. п., которые они тщательно скрывают.⁴⁹

Настоящее мастурбационное раздражение анальной зоны при помощи пальца, вызванное обусловленным центрально или поддерживаемым периферически зудом, очень нередко у детей старшего возраста.

ПРОЯВЛЕНИЕ ГЕНИТАЛЬНОЙ ЗОНЫ

Среди эрогенных зон детского тела имеется одна, которая играет несомненно не первую роль и не может также быть носителем самых ранних сексуальных переживаний, но которой в будущем предназначается большая роль. Она у мальчика и у девочки имеет отношение к мочеиспусканию (клитор, головка пениса у мальчика покрыта слизистым мешком, так что у нее не может быть недостатка в раздражениях секретами, которые рано вызывают сексуальные раздражения).

Сексуальные проявления этой эрогенной зоны, относящейся к действительным половым органам, составляют начало позднейшей «нормальной» половой жизни.

Благодаря анатомическому положению, раздражению секретами, мытью и вытиранию при гигиеническом уходе и благодаря определенным случайным возбуждениям (вроде выползания кишечных паразитов у девочек), ощущения удовольствия, которые способны давать эти части тела, неизбежно обращают на себя внимание ребенка уже в младенческом возрасте и будят потребность в их повторении. Если окинуть взором всю совокупность имеющихся условий и если принять во внимание, что мероприятия по соблюдению чистоты едва ли могут действовать иначе, чем загрязнения, то нельзя будет отказаться от взгляда, что благодаря младенческому онанизму, от которого вряд ли кто-нибудь свободен, утверждается будущий примат этой эрогенной зоны в половой деятельности. Действие, устраняющее раздражение и дающее удовлетворение, состоит в трущем прикосновении рукой или несомненно рефлекторном давлении сжатыми вместе бедрами. Последний прием применяется чаще всего девочками. У мальчика предпочтение, оказываемое руке, указывает уже на то, какое значительное добавление к мужской половой деятельности привнесет в будущем влечение к овладению.⁵⁰

Будет еще яснее, если я скажу, что нужно различать три фазы инфантильной мастурбации. Первая относится к младенческому возрасту, вторая к кратковременному расцвету

сексуальных проявлений в возрасте около 4-х лет и лишь третья соответствует часто только и принимаемому во внимание онанизму при наступлении половой зрелости.

ВТОРАЯ ФАЗА ДЕТСКОЙ МАСТУРБАЦИИ

Младенческий онанизм после короткого периода как будто исчезает, но все же непрерывное продолжение его до наступления половой зрелости может составить первое большое отступление от желательного для культурного человека развития. Однажды в детские годы после периода младенчества, обыкновенно до 4-го года, сексуальное влечение этой генитальной зоны опять просыпается и существует затем снова некоторое время до нового подавления или же постоянно. Возможные обстоятельства чрезвычайно разнообразны и могут быть выяснены только при детальном расчленении отдельных случаев. Но все подробности этой второй фазы инфантильных сексуальных переживаний оставляют глубочайшие бессознательные следы в памяти данного лица, предопределяют развитие его характера, если человек остается здоровым, и симптоматику невроза, если он заболевает после достижения половой зрелости.⁵¹ В последнем случае весь этот сексуальный период оказывается забытым, указывающие на него бессознательные воспоминания — смещенными; я уже упомянул, что хотел бы привести в связь с этой инфантильной сексуальной деятельностью также и нормальную инфантильную амнезию. Благодаря психоаналитическому исследованию удастся довести забытое до сознания и этим устранить навязчивость, проистекающую из бессознательного психического материала.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЛАДЕНЧЕСКОЙ МАСТУРБАЦИИ

Сексуальные возбуждения младенческого возраста снова появляются в упомянутом детском возрасте или как центрально обусловленное щекочущее раздражение, требующее онанистического удовлетворения, или как процесс, похожий

на поллюцию, который, аналогично поллюции в период полового созревания, дает удовлетворение даже и без помощи какого-нибудь действия. Последний случай чаще встречается у девочек и во второй половине детства; причины его не совсем ясны, и, по-видимому, не всегда ему должен предшествовать период более раннего активного онанизма. Симптоматика этого сексуального проявления очень бедна; вместо неразвитого еще полового аппарата дает о себе знать по большей части мочеиспускательный аппарат, как бы его опекун. Большинство болезней мочевого пузыря этого времени являются сексуальными заболеваниями; *enuresis nocturna* <лат.: ночное недержание мочи> соответствует такой поллюции, если только не представляет собой эпилептического припадка.

Для нового появления сексуальной деятельности имеют значение внутренние причины и внешние поводы; и те и другие можно угадать по форме симптомов в случаях невротического заболевания, а при помощи психоаналитического исследования — полностью открыть. О внутренних причинах речь пойдет ниже; случайные внешние поводы к этому времени приобретают большое и долговременное значение. На первом месте находится влияние соблазнения, которое преждевременно делает ребенка сексуальным объектом и знакомит его при оставляющих глубокое впечатление обстоятельствах с удовлетворением, исходящим из генитальной зоны: впоследствии ребенок оказывается вынужденным онанистическим путем возобновлять это удовлетворение. Такое влияние может исходить от взрослых или от других детей: не могу не признать, что в моей статье в 1896 г. «*Über die Ätiologie der Hysterie*» я переоценил частоту или значение этого влияния, хотя еще не знал тогда, что и оставшиеся здоровыми индивиды могли иметь в детском возрасте такие же переживания, и потому придавал соблазнению больше значения, чем факторам данной сексуальной конституции и развития.⁵² Само собой разумеется, что нет необходимости в соблазнении, чтобы пробудить сексуальную жизнь ребенка, что такое пробуждение возможно само по себе по внутренним причинам.

ПОЛИМОРФНО-ПЕРВЕРЗНОЕ ПРЕДРАСПОЛОЖЕНИЕ

Поучительно, что ребенок под влиянием соблазнения может стать полиморфно-перверзным, что его можно соблазнить на всевозможные извращения. Это показывает, что у него есть к тому склонность в его конституции; соблазнение потому встречает так мало сопротивления, что душевные плотины против сексуальных излишеств — стыд, отвращение и мораль, в зависимости от возраста ребенка, еще не воздвигнуты или находятся в стадии образования. Ребенок ведет себя в этом отношении так, как средняя некультурная женщина, у которой сохраняется такое же полиморфно-перверзное предрасположение. Такая женщина при обычных условиях может остаться сексуально нормальной, а под руководством ловкого соблазнителя она приобретает вкус ко всем перверзиям и прибегает к ним в своей сексуальной деятельности. Тем же полиморфным, т. е. инфантильным, предрасположением пользуется проститутка для своей профессиональной деятельности; а при колоссальном количестве проституирующих женщин и таких, которым следует приписать склонность к проституции, хотя они избегли этой профессии, становится в конце концов невозможным не признать в равномерно распространенном предрасположении ко всем перверзиям нечто общечеловеческое и первоначальное.

ЧАСТНЫЕ ВЛЕЧЕНИЯ

Впрочем, влияние соблазнения не помогает раскрыть первоначальные условия полового влечения, а только запутывает наше понимание его, преждевременно давая ребенку сексуальный объект, в котором детское сексуальное влечение пока не нуждается. Однако мы должны согласиться с тем, что детская сексуальная жизнь при всем преобладании господства эрогенных зон проявляет такие компоненты, для которых с самого начала имеются в виду другие лица как сексуальные объекты. Такого рода компонентами являются находящиеся в известной независимости от эрогенных зон влечения к разглядыванию и показыванию себя и к жестоко-

сти, которые только позже вступают в тесную связь с генитальной жизнью, но уже в детском возрасте наблюдаются как самостоятельные устремления, сначала отделенные от эрогенной сексуальной деятельности. Маленький ребенок прежде всего бесстыден и в определенном возрасте проявляет недвусмысленное удовольствие от обнажения своего тела, подчеркивая особенно свои половые части. В противоположность этой склонности, считающейся перверзной, любопытство при разглядывании половых органов других лиц проявляется, вероятно, в несколько более старшем возрасте, когда препятствие от чувства стыда достигло уже некоторого развития. Под влиянием соблазна перверзия разглядывания может приобрести большое значение в сексуальной жизни ребенка. Все же из моего исследования детского возраста здоровых и нервнобольных я должен заключить, что влечение к разглядыванию может явиться у ребенка как самостоятельное сексуальное проявление. Маленькие дети, внимание которых направлено на собственные гениталии (по большей части мастурбационно), обыкновенно делают дальнейшие успехи без посторонней помощи и проявляют большой интерес к гениталиям своих товарищей по играм. Так как случай удовлетворить такое любопытство создается большей частью только при удовлетворении обеих экскрементальных потребностей, то такие дети становятся voyeur'ами, усердно подглядывают, когда другие мочатся или испражняются. После наступившего вытеснения этой склонности, любопытство, направленное на гениталии других (своего или противоположного пола), сохраняется как мучительное навязчивое стремление, которое становится источником сильнейших тенденций к образованию симптомов при некоторых невротических случаях.

Еще в большей независимости от обычной, связанной с эрогенными зонами сексуальной деятельности развивается у ребенка компонент жестокости сексуального влечения. Детскому характеру вообще свойственна жестокость, так как задержка, удерживающая влечение к овладению от причинения боли другим, способность к состраданию развивается сравнительно поздно. Основательный психологический ана-

лиз этого влечения, как известно, еще не удался; мы можем полагать, что жестокие душевные движения происходят из влечения к овладеванию и проявляются в сексуальной жизни в такое время, когда гениталии еще не получили своего позднейшего значения. Жестокость властвует в фазе сексуальной жизни, которую мы позже опишем как прегенитальную организацию. Дети, отличающиеся особенной жестокостью по отношению к животным и товарищам, справедливо вызывают подозрение в интенсивной и преждевременной сексуальной деятельности эрогенных зон, и при совпадении с преждевременной зрелостью всех сексуальных влечений эрогенная, сексуальная деятельность кажется все же первичной. Отсутствие задержки из сострадания несет с собой опасность, что эта имевшая место в детстве связь жестоких влечений с эрогенными окажется в жизни позже неразрушимой.

Болезненное раздражение кожи ягодиц известно всем воспитателям со времени исповеди Ж.-Ж. Руссо как эрогенный источник пассивного влечения к жестокости (мазохизма). Они правильно вывели из этого требование, что телесное наказание, которое по большей части осуществляется именно на этой части тела, не должно иметь места у всех тех детей, у которых благодаря позднейшим требованиям культурного воспитания либидо может быть оттеснено на коллатеральные пути.⁵³

Инфантильное сексуальное исследование

Влечение к познанию

Приблизительно к тому времени, когда сексуальная жизнь ребенка достигает своего первого расцвета, от 3-го до 5-го года, у него появляются также зачатки той деятельности, которой приписывают стремление к познанию или исследованию. Влечение к познанию не может быть причислено к элементарным компонентам влечений, но подчинено исключительно сексуальности. Его деятельность соответствует сублимированному способу овладевания, в то же время оно работает

на основе энергии влечения к подглядыванию. Но его отношение к сексуальной жизни имеет особенное значение, потому что мы узнали из психоанализа, что влечение к познанию у детей поразительно рано и неожиданно интенсивно останавливается на сексуальных проблемах, может быть, даже пробуждается ими.

ЗАГАДКА СФИНКСА

Не теоретические, а практические интересы движут исследовательской деятельностью у ребенка. Угроза условиям его жизни вследствие известия или предположения о появлении нового ребенка, страх потерять в связи с этим событием заботу и любовь заставляют ребенка задуматься и развивают его проницательность. Первая проблема, которая его занимает, в соответствии с этой историей ее возникновения не является вопросом о различии полов, а загадкой: откуда берутся дети? С небольшой поправкой это тождественно загадке, заданной фиванским сфинксом. Факт существования двух полов ребенок сперва воспринимает без раздумья и противодействия. Для мальчика является чем-то само собой понятным предположить у всех известных ему людей такие же гениталии, как его собственные, и кажется невозможным соединить отсутствие таких гениталий с его представлением об этих других людях. Мальчик крепко держится этого убеждения, упорно защищает его от возникающих возражений под влиянием наблюдения и отказывается от него только после тяжелой внутренней борьбы (комплекс кастрации). Замещающие образования этого утеряннного пениса у женщины играют большую роль в формировании разнообразных перверзий.⁵⁴

КОМПЛЕКС КАСТРАЦИИ И ЗАВИСТЬ К ПЕНИСУ

Предположение о существовании у всех людей таких же (мужских) гениталий составляет первую замечательную и важную по своим последствиям инфантильную сексуальную теорию. Ребенку мало пользы в том, что биологическая нау-

ка оправдывает его предрассудки и видит в женском клиторе настоящий заместитель пениса. Маленькая девочка не попадает во власть подобных отрицаний, когда она замечает иначе устроенные гениталии мальчика. Она немедленно готова признать их, и в ней пробуждается зависть по поводу пениса, которая вырастает до желания, имеющего впоследствии важное значение, — также быть мальчиком.

ТЕОРИЯ РОЖДЕНИЯ

Многие люди могут ясно вспомнить, как интенсивно в период, предшествующий половой зрелости, они интересовались вопросом, откуда берутся дети. Анатомическое разрешение вопроса было тогда различным: они появляются из груди, или их вырезают из живота, или пупок открывается, чтобы выпустить их. О соответствующем исследовании в раннем детстве вспоминают очень редко вне анализа; исследование это давно подверглось вытеснению, но результаты его были совершенно аналогичные. Детей получают оттого, что нечто определенное едят (как в сказках), и они рождаются через кишечник, как испражнения. Эти детские теории напоминают об анатомических структурах, встречающихся в животном мире, особенно о клоаке животных, стоящих ниже, чем млекопитающие.

САДИСТСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПОЛОВОГО СНОШЕНИЯ

Если дети в столь нежном возрасте становятся свидетелями полового сношения между взрослыми, к чему дает повод убеждение последних, что маленький ребенок не может понять еще ничего сексуального, то они могут понять сексуальный акт только как своего рода избиение или насилие, т. е. в садистском смысле. Психоанализ дает нам возможность также узнать, что такое впечатление в раннем детстве много способствует предрасположению к позднему садистскому смещению сексуальной цели. В дальнейшем дети много занимаются проблемой, в чем же может заключаться половое сношение или, как они это понимают, быть заму-

жем или женатым, и по большей части ищут разрешение загадки в общности с функциями мочеиспускания или испражнения.

ТИПИЧНАЯ НЕУДАЧА ДЕТСКОГО СЕКСУАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В общем можно сказать о детских сексуальных теориях, что они являются отражением собственной сексуальной конституции ребенка и, несмотря на их странные ошибки, указывают на большее понимание сексуальных процессов, чем это можно было бы предполагать у их творцов. Дети замечают также и изменения при беременности у матери и умеют их правильно истолковывать; сказка об аисте очень часто рассказывается слушателям, относящимся к ней с глубоким, но по большей части немым недоверием. Но так как для детского сексуального исследования остаются неизвестными два элемента: роль оплодотворяющего семени и существование женского полового отверстия, — впрочем, именно те пункты, в которых инфантильная организация еще отстала, старание инфантильных исследователей все же остается всегда бесплодным и кончается отказом от дальнейшего изыскания, который нередко оставляет навсегда ослабление влечения к познанию. Сексуальное исследование в этом раннем детском периоде ведется всегда в одиночестве; оно означает первый шаг к самостоятельной ориентировке в мире и ведет к большому отчуждению ребенка от окружающих его лиц, пользовавшихся до того полным его доверием.

Фазы развития сексуальной организации

До сих пор мы подчеркивали как характерные признаки сексуальной организации, что она по существу аутоэротична (находит свой объект на собственном теле) и что отдельные частные влечения ее, в общем не связанные и независимые одно от другого, стремятся к получению удовольствия. Завершается развитие так называемой нормальной сексуальной жизнью взрослых, при которой получение удовольствия ста-

ло служить функции продолжения рода, и частные влечения составили под приматом одной-единственной эрогенной зоны твердую организацию для достижения сексуальной цели с посторонним сексуальным объектом.

ПРЕГЕНИТАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Изучение задержек и нарушений в этом процессе развития при помощи психоанализа позволяет нам узнать зачатки и предварительные ступени такой организации частных влечений, которые составляют своего рода сексуальный режим. Эти фазы сексуальной организации в норме протекают ровно, давая знать о себе только намеками. Только в патологических случаях они приходят в действие и становятся заметными и для поверхностного наблюдения.

Организации сексуальной жизни, в которых генитальные зоны еще не приобрели своего преобладающего значения, мы назовем *прегенитальными*. До сих пор мы узнали две такие организации, которые производят впечатление возврата к раннему животному состоянию.

Первой такой прегенитальной сексуальной организацией является *оральная*, или, если хотите, *каннибальная*. Сексуальная деятельность еще не отделена здесь от принятия пищи, противоречия внутри этих влечений еще не дифференцированы. Объект одной деятельности является одновременно и объектом другой, сексуальная цель состоит в поглощении объекта, прообразе того, что позже как *идентификация* будет играть такую значительную психическую роль. Остаток этой фиктивной, навязанной нам патологией фазы организации можно видеть в сосании, при котором сексуальная деятельность, отделенная от деятельности питания, отказалась от постороннего объекта ради объекта на собственном теле.⁵⁵

Вторую прегенитальную фазу составляет *садистско-анальная* организация. Здесь уже развилась противоположность, проходящая через всю сексуальную жизнь, но она еще не может быть названа *мужской* и *женской*, а должна называться *активной* и *пассивной*. Активность появляется благода-

ря влечению к овладению со стороны мускулатуры тела, а эрогенная слизистая оболочка кишечника проявляет себя как орган с пассивной сексуальной целью; оба устремления имеют свои объекты, однако не совпадающие. Наряду с этим другие частные влечения проявляют свою деятельность аутоэротическим образом. В этой фазе уже можно поэтому доказать сексуальную полярность и посторонний объект. Организации и подчинения функции продолжения рода еще нет.

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ

Эта форма организации может уже удержаться на всю жизнь и навсегда привязать к себе значительную часть сексуальной деятельности. Преобладание садизма и роль клоаки, выполняемая анальной зоной, придают ей яркий архаический характер. Другим признаком ее является то, что оба противоположных влечения, объединенных в пару, развиты почти одинаково, — отношение, которое было удачно названо Блейлером *амбивалентностью*.

Предположение о прегенитальных организациях сексуальной жизни основано на анализе неврозов и вряд ли может быть понято без знания этого анализа. Мы можем рассчитывать, что продолжение аналитической работы даст нам еще больше данных относительно строения нормальной сексуальной функции.

Чтобы дополнить картину инфантильной сексуальной жизни, необходимо прибавить, что часто или всегда уже в детском возрасте делается выбор объекта в такой форме, в какой мы обрисовали его как характерный для фазы развития при наступлении половой зрелости, а именно — что все сексуальные устремления направляются только на одно лицо, у которого хотят достичь всех своей цели. Это образует тогда самое большое приближение, какое возможно в детском возрасте, к окончательной форме сексуальной жизни после наступления половой зрелости. Отличие от нее состоит только в том, что объединение частных влечений и подчинение их примату гениталий в детстве еще совсем не проведено или

только очень неполно. Последняя фаза, проделываемая сексуальной организацией, состоит, следовательно, в том, что этот примат начинает служить продолжению рода.

ДВУХЭТАПНЫЙ ВЫБОР ОБЪЕКТА

Можно считать типичным, что выбор объекта происходит в два этапа, двумя толчками. Первый выбор начинается в возрасте между двумя и пятью годами и во время латентного периода приостанавливается или даже регрессирует; он отличается инфантильной природой своих сексуальных целей. Второй начинается с наступлением половой зрелости и обуславливает окончательную форму сексуальной жизни.

Факт выбора объекта в два этапа, который сводится к действию латентного периода, приобретает громадное значение для нарушения окончательной формы сексуальной жизни. Результаты инфантильного выбора объекта выражаются в более поздний период жизни; или они сохранились как таковые, или оживают ко времени наступления половой зрелости. Вследствие развития вытеснения, имевшего место между этими двумя фазами, ими, как оказывается, невозможно воспользоваться. Их сексуальные цели подверглись умалению и представляют собой то, что можно назвать *нежным течением* сексуальной жизни. Только психоаналитическое исследование может доказать, что за этой нежностью, обожанием и почтением скрываются старые, ставшие теперь непригодными сексуальные стремления инфантильных частных влечений. Выбор объекта в период наступления половой зрелости должен отказаться от инфантильных объектов и снова начаться как *чувственное течение*. Несовпадение обоих течений имеет часто следствием то, что не может быть достигнут один из идеалов сексуальной жизни — объединение всех желаний на одном объекте.

Источники инфантильной сексуальности

Желая проследить происхождение сексуального влечения, мы до сих пор находили, что сексуальное возбуждение возникает: а) как воспроизведение удовлетворения, пережито-

го в связи с другими органическими процессами; б) благодаря соответствующему раздражению периферических зон; в) как выражение некоторых не совсем понятных нам по своему происхождению «влечений», таких как влечение к подглядыванию и жестокости. Психоаналитическое исследование, возвращающееся к детству из более позднего периода, и одновременное наблюдение над ребенком вместе показывают нам еще и другие постоянные источники сексуального возбуждения. Наблюдение над детством имеет тот недостаток, что ведется над объектами, которые легко неправильно понять; психоанализ затруднен тем, что может дойти до своих объектов и до своих выводов только долгими обходными путями; но при совместном действии можно достичь обоими методами достаточной степени надежности знания.

При исследовании эрогенных зон мы уже нашли, что эти участки кожи обнаруживают только особую раздражимость, которая в известной степени свойственна всей поверхности кожи. Мы не станем поэтому удивляться, когда узнаем, что некоторым видам общей раздражимости кожи нужно приписать очень ясное эрогенное действие. Среди них специально подчеркиваем прежде всего температурные раздражения; может быть, таким образом мы поймем терапевтическое действие теплых ванн.

МЕХАНИЧЕСКИЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ

Далее мы должны здесь прибавить возможность вызвать сексуальное возбуждение ритмическими, механическими сотрясениями тела, при которых нам необходимо различать тройного вида раздражения: на чувственный аппарат вестибулярных нервов, на кожу и на глубоко находящиеся части тела (мускулы, суставной аппарат). Ввиду появляющихся при этом ощущений удовольствия стоит особенно подчеркнуть, что в данном случае мы довольно часто можем в одинаковом смысле употреблять понятие сексуальное «возбуждение» и «удовлетворение»; это возлагает на нас обязанность в дальнейшем искать этому объяснения. Доказательством наслаждения, вызываемого механическими сотрясениями тела, служит, таким обра-

зом, тот факт, что дети столь сильно любят пассивные игры-движения, такие как качание и подбрасывание, и непрерывно требуют их повторения.⁵⁶ Укачивание, как известно, применяется для того, чтобы усыпить беспокойных детей. Сотрясение при катании в экипаже и при поездке по железной дороге оказывает такое захватывающее действие на более взрослых детей, что по крайней мере все мальчики хоть раз в жизни хотят стать кучерами и кондукторами. Тому, что происходит на железной дороге, они обыкновенно уделяют загадочно большой интерес, и все происходящее становится у них в том возрасте, когда усиливается деятельность фантазии (незадолго до появления половой зрелости), ядром чисто сексуальной символики. Необходимость связывать поездку по железной дороге с сексуальностью исходит, очевидно, из удовольствия от двигательных ощущений. Если к этому прибавляется вытеснение, которое превращает в противоположное столь многое из того, чему дети оказывают предпочтение, то те же лица в юношеском возрасте или взрослые реагируют на качание тошнотой, сильно устают от поездки по железной дороге или проявляют склонность к припадкам страха во время путешествия и защищаются от повторения мучительного переживания посредством *страха на железной дороге*.

Сюда присоединяется непонятный еще факт, что совпадение испуга и механического сотрясения вызывает тяжелый истериоформный травматический невроз. По крайней мере, можно полагать, что эти влияния, становящиеся при небольшой интенсивности источниками сексуального возбуждения, в очень большом количестве вызывают глубокое сотрясение сексуального механизма.

РАБОТА МУСКУЛАТУРЫ

Известно, что большая активная мускульная деятельность является потребностью для ребенка, от удовлетворения которой он черпает необыкновенное наслаждение. Утверждение, что это наслаждение имеет кое-что общее с сексуальностью, что оно даже включает в себя сексуальное удовлетворение или может стать поводом к сексуальному возбуждению, может вы-

звать критические возражения, которые будут направлены и против высказанных раньше утверждений, что наслаждение от ощущения пассивных движений действует сексуальным образом или вызывает сексуальное возбуждение. Но многие рассказывают как несомненный факт, что первые признаки возбужденности в своих гениталиях они ощутили во время драки или борьбы с товарищами; в этом положении, однако, помимо общего мускульного напряжения оказывает свое влияние также касание значительных участков кожи противника. Склонность к мускульной борьбе с каким-нибудь лицом, как к словесной борьбе в более позднем возрасте («Кто кого любит, тот того дразнит»), принадлежит к хорошим признакам направленного на это лицо выбора объекта. В том, что мускульная деятельность способствует сексуальному возбуждению, можно видеть один из корней садистского влечения. Для многих индивидов инфантильная связь между дракой и сексуальным возбуждением является предопределяющим моментом для избранного направления полового влечения.⁵⁷

АФФЕКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Меньшему сомнению подлежат остальные источники сексуального возбуждения ребенка. Непосредственным наблюдением и более поздним исследованием легко установить, что все интенсивные аффективные процессы, даже возбуждения от испуга, переносятся на сексуальность, что, впрочем, может способствовать пониманию патогенного влияния таких душевных движений. У школьника страх перед экзаменом, напряжение перед трудноразрешимой задачей может приобрести большое значение, влияя на вспышку сексуальных проявлений и на отношение к школе, так как при подобных условиях часто появляется чувство раздражения, заставляющее прикасаться к гениталиям, или процесс, похожий на поллюцию со всеми ее вызывающими замешательство следствиями. Поведение детей в школе, ставящее перед учителем достаточно загадок, заслуживает вообще быть поставленным в связь с их зарождающейся сексуальностью. Возбуждающее сексуальность действие многих неприятных самих по себе

аффектов — боязливости, ужаса, жути — сохраняется у многих людей и в зрелом возрасте и является объяснением того, что так много людей гонятся за всяким удобным случаем, чтобы испытать подобные ощущения, если только определенные, привходящие обстоятельства (принадлежность к призрачному миру, чтение, театр) притупляют серьезность неприятных ощущений.

Если бы можно было допустить, что интенсивные болезненные ощущения имеют такое же эрогенное действие, особенно если боль приглушена каким-нибудь привходящим обстоятельством или удерживается подольше, то в этом положении заключался бы главный корень садистско-мазохистского влечения, многообразный и сложный состав которого мы таким образом начинаем постепенно понимать.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РАБОТА

Наконец, легко убедиться, что концентрация внимания на интеллектуальной работе и умственное напряжение вообще имеют следствием у многих юношей и людей зрелого возраста сексуальное возбуждение, которое должно считаться единственно верным основанием столь сомнительного объяснения нервных заболеваний умственным «переутомлением».

Если мы окинем взором источники детских сексуальных возбуждений согласно этим несовершенным и неполно перечисленным примерам и указаниям, то у нас появляется возможность предугадать или узнать следующие обобщения: по видимому, все сделано для того, чтобы процесс сексуального возбуждения — сущность которого, разумеется, осталась для нас очень загадочной — был пущен в ход. Об этом прежде всего заботятся, более или менее непосредственным образом, возбуждения чувствительной поверхности — кожи и органов чувств и самым непосредственным образом — раздражения известных мест кожи, заслуживающих названия эрогенных зон. В этих источниках сексуального возбуждения решающее значение имеет качество раздражений, хотя и фактор интенсивности (при боли) не совсем безразличен. Но, кроме того, в организме имеются такие приспособления,

вследствие которых при многих внутренних процессах возникает как побочное явление сексуальное возбуждение, как только интенсивность этих процессов переходит известные количественные границы. То, что мы называли частными сексуальными влечениями, или непосредственно исходит из этих внутренних источников сексуального возбуждения, или состоит из того, что привносится этими источниками и эрогенными зонами. Возможно, что в организме не происходит ничего более или менее значительного, что не должно было бы отдавать своих компонентов для возбуждения сексуального влечения.

В настоящее время мне кажется невозможным довести эти общие положения до большей ясности и уверенности, и я возлагаю за это ответственность на два момента: во-первых, на новизну всего образа мыслей и, во-вторых, на то обстоятельство, что сущность сексуального возбуждения нам совершенно неизвестна. Но я не хотел бы отказаться от двух замечаний, обещающих открыть нам далекие горизонты.

А. Различные сексуальные конституции

Подобно тому как мы прежде видели возможность обосновать многообразие врожденных сексуальных конституций различным развитием эрогенных зон, мы можем то же самое попробовать сделать и теперь, прибавив к этому еще непосредственные источники полового возбуждения. Мы можем допустить, что хотя эти источники дают притоки у всех людей, но не у всех людей они одинаково сильны и что предпочтительное развитие отдельных источников сексуального возбуждения способствует дальнейшей дифференциации различных сексуальных конституций.⁵⁸

Б. Пути взаимного влияния

Оставляя образный способ выражения, которого так долго придерживались, говоря об «источниках» сексуального возбуждения, мы можем прийти к предположению, что все соединительные пути, ведущие от других функций к сексуальности, должны быть проходимы и в обратном направлении.

Если, например, общее для обеих функций пользование зоной губ является причиной того, что при приеме пищи возникает сексуальное удовлетворение, то тот же момент объясняет нарушение в приеме пищи, если нарушены эрогенные функции общей зоны. Если нам известно, что концентрация внимания может вызвать сексуальное возбуждение, то у нас напрашивается предположение, что благодаря воздействию тем же путем, но только в обратном направлении сексуальное возбуждение влияет на возможность на чем-нибудь сосредоточить внимание. Большая часть симптоматики неврозов, которую я объясняю нарушениями в сексуальных процессах, выражается в нарушении других, не сексуальных телесных функций, и это непонятное до сих пор влияние становится менее загадочным, если оно представляет собой только параллель к тому влиянию, под которым находится продукция сексуального возбуждения.

Но те же пути, по которым сексуальные нарушения переходят на прочие телесные функции, должны и в здоровом состоянии сослужить еще другую важную службу. По ним должно бы происходить привлечение сексуальных сил влечений к другим, не сексуальным целям, т. е. сублимация сексуальности. Мы должны закончить признанием, что об этих несомненно имеющих, возможно, проходимость в том и другом направлении путях нам известно еще очень мало достоверного.

III. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ПОЛОВОМ СОЗРЕВАНИИ

С наступлением половой зрелости начинаются изменения, которым предстоит перевести инфантильную сексуальную жизнь в ее окончательные нормальные формы. Сексуальное влечение до того было преимущественно аутоэротично, теперь оно находит сексуальный объект. Прежде его действия исходили из отдельных влечений и эрогенных зон, независимых друг от друга и искавших определенное наслаждение как единственную сексуальную цель. Теперь дается новая сексуальная цель, для достижения которой действуют совместно все частные влечения, между тем как эрогенные зоны под-

чиняются примату генитальной зоны.⁵⁹ Так как новая сексуальная цель наделяет оба пола очень различными функциями, их сексуальное развитие принимает разное направление. Развитие мужчины последовательнее и более доступно нашему пониманию, между тем как у женщины наступает даже своего рода регресс. Порукой нормальности половой жизни служит только точное совпадение обоих направленных на сексуальный объект и сексуальную цель течений, нежного и чувственного, из которых первое содержит в себе все, что остается из раннего инфантильного расцвета сексуальности. Это похоже на прокладку туннеля с двух сторон.

Новая сексуальная цель у мужчины состоит в выделении сексуальных продуктов: она абсолютно не чужда и прежней цели — получению удовольствия, наоборот, максимальное количество удовольствия связано именно с этим конечным актом сексуального процесса. Сексуальное влечение начинает теперь служить функции продолжения рода; оно становится, так сказать, альтруистическим. Чтобы это превращение удалось, необходимо при этом процессе принимать во внимание первоначальное предрасположение и все особенности влечения.

Как и при всяком другом случае, когда в организме должны иметь место новые связи и соединения в сложные механизмы, так и здесь открывается возможность болезненных изменений благодаря выпадению этих новых организаций. Все болезненные нарушения в половой жизни с полным правом можно рассматривать как задержки в развитии.

ПРИМАТ ГЕНИТАЛЬНОЙ ЗОНЫ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ

Перед нашим взором ясно открываются исходный пункт и конечная цель описанного хода развития. Посредствующие переходы во многих отношениях для нас еще темны; мы должны будем оставить в них не одну загадку.

Самым существенным в процессах, сопровождающих наступление возмужалости, считали то, что больше всего бросается в глаза: явный рост внешних гениталий, относительная

задержка роста которых имелаась в латентный период детства. Одновременно и развитие внутренних гениталий продвинулось настолько вперед, что они оказываются в состоянии выделять половые продукты или воспринимать их для образования нового существа. Таким образом, изготовлен очень сложный аппарат, ждущий того, чтобы им воспользовались.

Этот аппарат должен быть пущен в ход, и наблюдения показывают нам, что до него могут дойти раздражения тремя путями: из внешнего мира, благодаря возбуждению уже известных нам эрогенных зон; из внутренних органов и путями, которые еще предстоит исследовать, — из душевной жизни, которая сама является хранилищем внешних впечатлений и приемником внутренних возбуждений. Всеми тремя путями вызывается одно и то же состояние, называемое «сексуальным возбуждением» и проявляющееся двоякого рода признаками, душевными и соматическими. Душевные признаки состоят в своеобразном чувстве напряжения крайне импульсивного характера; среди разнообразных телесных изменений на первом месте стоит ряд изменений гениталий, имеющих несомненный смысл, а именно готовности, приготовления к сексуальному акту (эрекция мужского органа, увлажнение влагалища).

СЕКСУАЛЬНОЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ

С характерным напряжением сексуальной возбудимости связана проблема, разрешение которой столь же трудно, как громадно ее значение для понимания сексуальных процессов. Несмотря на господствующее в психологии различие мнений по этому поводу, считаю нужным настаивать на том, что чувство напряжения должно носить в себе самый характер неудовольствия. Для меня является решающим, что такое чувство приносит с собой стремление к изменению психической ситуации, побуждает к действию, что совершенно чуждо сущности испытываемого наслаждения. Если же причислить напряжение при сексуальном возбуждении к неприятным чувствам, то сталкиваешься с фактом, что оно, вне всякого сомнения, переживается как приятное. Всюду к напря-

жению, вызванному сексуальными процессами, примешивается наслаждение, даже при подготовительных изменениях в гениталиях ясно ощущается своего рода чувство удовлетворения. Какова связь этого неприятного напряжения с этим чувством удовольствия?

Все, что относится к проблеме «наслаждение — неудовольствие», затрагивает одно из самых больных мест современной психологии. Мы попробуем, по возможности, больше узнать об этом из условий имеющегося перед нами случая и избегнем подойти к проблеме в полном ее объеме. Бросим вначале взгляд на тот способ, каким эрогенные зоны подчиняются новому порядку. При возникновении сексуального возбуждения они играют важную роль. Самая далекая от сексуального объекта зона — глаз — в условиях ухода за объектом оказывается чаще всего в таком положении, что возбуждается тем особым качеством возбуждения, повод к которому в сексуальном объекте мы называем красотой. Достоинства сексуального объекта называются поэтому также «прелестями». С этим раздражением, с одной стороны, связано уже наслаждение, с другой стороны, следствием его является то, что сексуальное возбуждение повышается или вызывается. Если присоединяется возбуждение другой эрогенной зоны, например осязающей руки, то получается такой же эффект: с одной стороны, ощущение удовольствия, усиливающееся сейчас же благодаря удовольствию от подготовительных изменений, а с другой — дальнейшее усиление сексуального напряжения, скоро переходящего во вполне отчетливое неприятное чувство, если ему не дается возможность доставлять все новое удовольствие. Более ясным кажется другой случай, например, когда у сексуально не возбужденного лица прикосновением раздражают эрогенную зону, хотя бы кожу на груди у женщины. Это прикосновение вызывает уже чувство наслаждения, но одновременно больше, чем что бы то ни было, способно разбудить сексуальное возбуждение, требующее нарастания наслаждения. В этом-то и заключается проблема: как происходит, что ощущаемое наслаждение вызывает потребность в еще большем наслаждении.

МЕХАНИЗМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО НАСЛАЖДЕНИЯ

Но роль, выпадающая при этом на долю эрогенных зон, ясна. То, что относилось к одной из них, относится ко всем. Назначение всех их — принести известное количество наслаждения благодаря соответствующему раздражению; наслаждение повышает напряжение, которое, со своей стороны, должно дать необходимую моторную энергию, чтобы довести половой акт до конца. Предпоследняя часть его состоит опять-таки в соответствующем раздражении эрогенной зоны, самой генитальной зоны на *glans penis* <лат.: головке полового органа>, посредством приспособленного для этого объекта — слизистой оболочки влагалища; под влиянием наслаждения, которое доставляет это возбуждение, на этот раз рефлекторным путем развивается моторная энергия, которая ведет к выделению половых секретов. Это последнее наслаждение, по своей интенсивности самое сильное, отличается по механизму своему от прежнего. Оно вызывается всецело разрешением этого напряжения, представляет собой полностью наслаждение от этого удовлетворения, и с ним временно угасает напряжение либидо.

Мне кажется, что необходимо отметить это отличие в сущности наслаждения от возбуждения эрогенных зон от другого — при выделении половых секретов и дать ему соответствующее название. Первое наслаждение может быть названо *предварительным наслаждением* (*Vorlust*), в противоположность *конечному наслаждению* (*Endlust*), или удовлетворению от сексуального действия. Предварительное наслаждение представляет собой в таком случае то же самое, что и доставляемое инфантильным сексуальным влечением, хотя и в меньшей степени; конечное наслаждение ново, т. е., связано с условиями, возникшими только с наступлением половой зрелости. Формула новой функции эрогенных зон такова: ими пользуются для того, чтобы при посредстве полунаемого от них, как и в инфантильной жизни, предварительного наслаждения сделать возможным наступление большего наслаждения от удовлетворения.

Недавно мне удалось объяснить пример, взятый из совершенно другой области душевной деятельности, в котором

также достигается больший эффект наслаждения благодаря незначительному ощущению удовольствия, действующему при этом как соблазнительная премия. Там явилась возможность ближе рассмотреть сущность наслаждения.⁶⁰

ОПАСНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО НАСЛАЖДЕНИЯ

Однако связь предварительного наслаждения с инфантильной сексуальной жизнью подтверждается той патогенной ролью, которая может выпасть на ее долю. Из механизма, который принял в себя предварительное наслаждение, возникает, очевидно, явная опасность для возможности достижения нормальной сексуальной цели; опасность эта наступает тогда, когда в каком-нибудь месте подготовительных сексуальных процессов предварительное наслаждение становится слишком большим, а соответствующее напряжение слишком незначительным. Тогда пропадает сила стремления к продолжению сексуального процесса, весь путь сокращается и соответствующий подготовительный акт занимает место сексуальной цели. Этот случай, как известно, обусловлен тем, что соответствующая эрогенная зона или соответствующее частное влечение давали уже в детском возрасте необыкновенное количество наслаждений. Если прибавляются еще моменты, способствующие фиксации, то в будущем легко создается навязчивость, противодействующая тому, чтобы это предварительное наслаждение подчинилось новой связи. Таков в действительности механизм многих перверзий, представляющих собой остановку на подготовительных актах сексуального процесса. Легче всего избежать нарушения функций сексуального механизма по вине предварительного наслаждения, если примат генитальной зоны предначертан уже в детской инфантильной жизни. Для этого как будто действительно принимаются меры во второй половине детства (от 8 лет до наступления половой зрелости). В эти годы генитальные зоны ведут себя так, как во время зрелости, они становятся местом ощущений возбуждения и изменений «готовности», если ощущается какое-нибудь наслаждение от удовлетворения других эрогенных зон, хотя этот эффект

остаётся ещё бесцельным, т. е. не способствует продолжению сексуального процесса. Таким образом, уже в детском возрасте наряду с наслаждением от удовлетворения имеет место известное количество сексуального напряжения, хотя менее постоянного и полного. Теперь можно понять, почему при исследовании источников сексуальности мы могли с таким же правом сказать, что соответствующий процесс действует в сексуальном отношении как удовлетворяюще, так и возбуждающе. Заметим, что в процессе исследования мы сначала представили себе различие инфантильной и зрелой сексуальной жизни преувеличенно большим и вносим теперь корректуру. Инфантильные проявления сексуальности определяют не только отступление от нормальной сексуальной жизни, но и нормальную его форму.

ПРОБЛЕМЫ СЕКСУАЛЬНОГО ВОЗБУЖДЕНИЯ

Для нас осталось совершенно необъяснимым, откуда берётся сексуальное напряжение, развивающееся одновременно с наслаждением при удовлетворении эрогенных зон, и какова сущность этого наслаждения.⁶¹ Ближайшее предположение, что это напряжение получается каким-то образом из самого наслаждения, не только само по себе слишком невероятно, оно отпадает, потому что при самом большом наслаждении, связанном с излиянием половых продуктов, не появляется никакого напряжения, а, наоборот, всякое напряжение прекращается. Наслаждение и сексуальное напряжение могут поэтому быть связаны не прямым путем.

РОЛЬ ПОЛОВЫХ ПРОДУКТОВ

Помимо факта, что при обычных условиях только освобождение от половых выделений кладёт конец сексуальному возбуждению, имеются ещё и другие основания для приведения сексуального напряжения в связь с выбросом половых продуктов. При воздержании через различные, но правильные промежутки времени половой аппарат освобождается от половых выделений ночью во время сновидения, представ-

ляющего половой акт и сопровождающегося ощущением наслаждения. Относительно этого процесса — ночной поллюции — трудно отказаться от взгляда, что сексуальное напряжение, которое умеет найти короткий галлюцинаторный путь для замещения акта, является функцией накопления семени в резервуарах для половых продуктов. В таком же смысле опыт указывает на относительную истощаемость сексуального механизма. При отсутствии запаса семени не только невозможно выполнение полового акта, но исчезает также возбудимость эрогенных зон, соответствующее раздражение которых не может вызвать наслаждения. Попутно мы, таким образом, узнаем, что известная степень сексуального напряжения требуется даже для возбуждения эрогенных зон.

Таким образом, приходится признать, если я не ошибаюсь, довольно распространенную точку зрения, что накопление половых продуктов создает сексуальное напряжение и поддерживает его тем, что давление этих продуктов на стенки органов, в которых они содержатся, действует как раздражение на спинномозговой центр, состояние которого воспринимается высшими центрами и отражается в сознании как известное ощущение напряжения. Если возбуждение эрогенных зон повышает сексуальное напряжение, то это могло бы происходить только таким образом, что эрогенные зоны находятся в анатомической связи с этими центрами, повышают тонус возбуждения при достаточном сексуальном напряжении, приводят к половому акту, а при недостаточном — вызывают производство половых продуктов.

Слабость этого учения, которого придерживается, например, и Крафт-Эбинг в своем описании сексуальных процессов, состоит в том, что, созданное для объяснения половой деятельности зрелого мужчины, оно обращает мало внимания на троякого рода обстоятельства, которым оно также должно дать объяснение. Эти обстоятельства относятся к ребенку, к женщине и к мужскому кастрату. Во всех трех случаях не может быть и речи о накоплении половых продуктов в таком же смысле, как у мужчины, что затрудняет простое применение схемы. Все же нужно признать, что можно найти факты, дающие возможность подчинить этому учению

также и указанные случаи. Все-таки приходится опасаться того, чтобы не приписать фактору накопления половых продуктов нечто такое, на что он, по-видимому, не способен.

ОЦЕНКА ВНУТРЕННИХ ПОЛОВЫХ ОРГАНОВ

Наблюдения над мужчинами-кастратами показывают, что сексуальное возбуждение может в значительной степени быть независимым от продуцирования половых секретов, так как бывают случаи, что операция не оказывает влияния на либидо, хотя, как правило, наблюдается противоположное действие кастрации, являющееся и мотивом операции. Кроме того, давно известно, что болезни, уничтожающие производство мужских половых клеток, оставляют нетронутыми либидо и потенцию ставшего уже стерильным индивида. Поэтому не так уж удивительно, как К. Ригер это описывает, что потеря мужских половых желез в зрелом возрасте может остаться без всякого влияния на душевное состояние индивида. Кастрация, совершенная в раннем возрасте, до наступления половой зрелости, хотя и приближается по своему влиянию к устранению половых признаков, однако при этом кроме потери самих по себе половых желез приходится принимать во внимание еще задержки в развитии других факторов, связанные с отсутствием этих желез.

ХИМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Опыты над животными с удалением половых желез (яички и яичники) и соответствующая измененная пересадка новых таких органов у позвоночных животных (см. цитированный труд Липшютца) пролили, наконец, отчасти свет на происхождение сексуального возбуждения и при этом еще уменьшили значение накопления клеточных половых продуктов. При помощи эксперимента стало возможным превратить (Е. Штейнах) самца в самку и обратно самку в самца, причем менялось также психосексуальное поведение животного в соответствии и одновременно с соматическими половыми признаками. Но это определяющее пол влияние имеет не

та часть половой железы, которая производит специфические половые клетки (сперматозоиды и яйцеклетки), а интерстициальная ткань ее, которой авторы придают особое значение как «железе полового созревания». Возможно, дальнейшие исследования покажут, что в норме «железа полового созревания» имеет двуполое строение, — чем анатомически обосновывается учение о бисексуальности высших животных, и теперь уже вероятно, что она не единственный орган, имеющий отношение к продуцированию сексуального возбуждения и половых признаков. Во всяком случае это новое биологическое открытие примыкает к тому, что нам уже раньше было известно о значении щитовидной железы в сексуальности. Мы можем допустить, что из интерстициальной части половой железы выделяются особые химические вещества, которые выбрасываются в кровяное русло и заряжают определенную часть центральной нервной системы сексуальным напряжением, как это нам известно относительно превращения токсического раздражения в особое раздражение органа другими посторонними для организма ядами. Каким образом возникает сексуальное возбуждение благодаря раздражению эрогенных зон, при прежнем заряде центральных аппаратов, и какая смесь чисто токсических и физиологических раздражений получается при этих сексуальных процессах — в настоящее время об этом несвоевременно строить даже гипотезы. Для нас достаточно придерживаться как существенного в этом взгляде на сексуальные процессы предположения, что существуют особые вещества, обязанные своим происхождением сексуальному обмену веществ. Ибо эта кажущаяся произвольной гипотеза подкрепляется взглядом, на который мало обращали внимания, но который очень его заслуживает. Неврозы, которые можно объяснить только нарушениями сексуальной жизни, показывают самое большое клиническое сходство с феноменами интоксикации и абстиненции, которые возникают при первичном употреблении доставляющих наслаждение ядов (алкалоидов).

Теория либидо

С этими предположениями о химической основе сексуального возбуждения прекрасно согласовываются наши представления и наше понимание психических проявлений сексуальной жизни. Мы выработали себе понятие о либидо как о меняющейся количественно силе, которая может измерять все процессы и превращения в области сексуального возбуждения. Это либидо мы отличаем от энергии, которую следует положить вообще в основу душевных процессов, в отношении ее особого происхождения, и этим приписываем ей также особый качественный характер. Отделением либидозной психической энергии от другой мы выражаем наше предположение, что сексуальные процессы организма отличаются от процессов питания организма особым химизмом. Анализ перверзий и психоневрозов убедил нас в том, что сексуальное возбуждение возникает не только из так называемых половых, но из всех органов тела. У нас, таким образом, возникает представление об определенном количестве либидо, психически представленное, как мы говорили, Я-либидо (*Ich libido*), продукция которого, уменьшение или увеличение, распределение и смещение, должна дать нам возможность объяснить наблюдаемые психосексуальные феномены.

Но аналитическое исследование этого Я-либидо становится доступным только тогда, когда это либидо нашло психическое применение, чтобы привязаться к сексуальным объектам, т. е. превратиться в объект-либидо. Мы видим тогда, как оно концентрируется на объектах, фиксируется на них или оставляет эти объекты, переходит с них на другие и с этих позиций направляет сексуальную деятельность индивида, которая ведет к удовлетворению, т. е. частичному, временному угасанию либидо. Психоанализ так называемых неврозов перенесения (истерия, невроз навязчивых состояний) дает нам возможность убедиться в этом.

Относительно судеб объект-либидо мы можем еще узнать, что, будучи отнятым от объектов, оно остается в свободном состоянии и, наконец, возвращается к Я, так что оно снова становится Я-либидо. Я-либидо, в противоположность объ-

ект—либидо, мы называем также нарциссическим либидо. Из психоанализа мы, как через границу, переступить которую нам не дозволено, глядим в водоворот нарциссического либидо, и у нас составляет представление об отношении обеих форм либидо. Нарциссическое либидо, или Я—либидо, кажется нам большим резервуаром, из которого исходят привязанности к объектам и в который они снова возвращаются; нарциссическая привязанность либидо к Я кажется исходным состоянием, имевшим место в раннем детстве, только прикрытым поздним его использованием, но в сущности оставшимся неизменным.

Задача теории либидо невротических и психотических заболеваний должна была бы состоять в том, чтобы выразить в терминах экономии либидо все наблюдаемые феномены и предполагаемые процессы. Легко понять, что судьбы либидо будут при этом иметь самое большое значение, особенно в тех случаях, где дело идет об объяснении глубоких психотических нарушений. Трудность состоит в таком случае в том, что метод нашего исследования, психоанализ, пока дает нам верные сведения только о превращениях объект—либидо, а Я—либидо он не может совершенно отделить от других действующих в Я энергий.⁶² Дальнейшее развитие теории либидо пока поэтому возможно только путем спекуляций. Но если, по примеру К. Г. Юнга, слишком расширить понятие либидо, отождествляя его вообще с движущей психической силой, то благодаря этому пропадают завоевания всех психоаналитических наблюдений.

Отделение сексуальных влечений от других и вместе с тем ограничение понятия либидо этими первыми находят сильное подкрепление в изложенном выше предположении об особом химизме сексуальной функции.

Различия между мужчиной и женщиной

Известно, что только с наступлением половой зрелости устанавливается резкое отличие мужского и женского характера — противоположность, оказывающая большее влияние на

Из
рую
ли-
обе-
ка-
при-
тсь;
ход-
лько
и ос-
х за-
зить
ны и
бидо
енно
коти-
том,
т нам
до, а
ейст-
бидо
если,
либи-
й си-
сико-
с тем
иль-
ии об
и уста-
ракте-
ние на

весь склад жизни человека, чем что бы то ни было другое. Врожденные мужские и женские свойства хорошо заметны уже в детском возрасте: развитие тормозов сексуальности (стыда, отвращения, сострадания и т. д.) наступает у девочки раньше и встречает меньше сопротивления, чем у мальчика; склонность к сексуальному вытеснению кажется вообще большей; там, где проявляются частные влечения сексуальности, они предпочитают пассивную форму. Но аутоэротическая деятельность эрогенных зон одинакова у обоих полов, и благодаря этому сходству в детстве отсутствует возможность половых различий, как они появляются после наступления половой зрелости. Принимая во внимание аутоэротические и мастурбационные сексуальные проявления, можно было бы выдвинуть положение, что сексуальность маленьких девочек носит вполне мужской характер. Более того, если бы мы были в состоянии придать понятиям «мужской» и «женский» вполне определенное содержание, то можно было бы защищать также положение, что либидо всегда — и закономерно по природе своей — мужское, независимо от того, встречается ли оно у мужчины или женщины, и независимо от своего объекта, будь то мужчина или женщина.⁶³

С тех пор как я познакомился с точкой зрения бисексуальности, я считаю этот момент решающим в данном случае и полагаю, что, не отдавая должного бисексуальности, вряд ли можно будет понять фактически наблюдаемые сексуальные проявления мужчины и женщины.

Руководящие зоны у мужчины и у женщины

Независимо от вышесказанного я могу прибавить только следующее: и у ребенка женского пола руководящая эрогенная зона находится в клиторе, следовательно, вполне гомологична мужской половой зоне у головки полового члена. Все, что мне удалось узнать о мастурбации у маленьких девочек, относилось к клитору, а не к частям внешних гениталий, имеющим значение для последующей генитальной функции. Я сомневаюсь, может ли девочка под влиянием соблазна дойти до чего-нибудь другого, кроме мастурбации клитора, разве только в совершенно исключительном случае. Встречающее-

ся именно у девочек так часто самопроизвольное разряжение сексуального возбуждения выражается в пульсирующих сокращениях клитора, и частые эрекции его дают девочке возможность правильно и без специального поучения понимать сексуальные проявления другого пола, просто перенося на мальчиков ощущение собственных сексуальных процессов.

Кто хочет понять превращение маленькой девочки в женщину, тот должен проследить дальнейшую судьбу этой возбудимости клитора. Период полового созревания, в котором у мальчика наблюдается такой большой всплеск либидо, проявляется у девочки в виде новой волны вытеснения, касающейся особенно сексуальности клитора. При этом подвергается вытеснению известная доля мужской сексуальной жизни. Возникающее при этом вытеснении в период полового созревания женщины усиление у нее сексуальных задержек вызывает раздражение либидо у мужчины и ведет к усилению его сексуальной активности; с повышением либидо усиливается сексуальная переоценка, которая в полной мере может выразиться только по отношению к отказывающейся, отрицающей свою сексуальность женщине. За клитором сохраняется тогда роль — когда он при допущенном, наконец, половом акте сам возбуждается — передатчика этого возбуждения соседним частям женских гениталий, подобно тому как щепка смолистого дерева употребляется для того, чтобы зажечь более твердое топливо. Часто проходит некоторое время, пока совершается эта передача, в течение которого молодая женщина остается фригидной. Эта фригидность может стать длительной, когда зона клитора не передает свою возбудимость, что подготавливается большой активностью в детском возрасте. Известно, что часто фригидность женщин — только кажущаяся, локальная. Они фригидны у входа во влагалище, но никоим образом не невозбудимы со стороны клитора или даже других эрогенных зон. К этим эрогенным поводам к фригидности присоединяются еще психические поводы, также обусловленные вытеснением.

Если перенесение эрогенной раздражимости от клитора на вход во влагалище удалось, то вместе с этим у женщины изменилась зона, играющая руководящую роль в более позд-

ней сексуальной деятельности, между тем как у мужчины с детства сохраняется одна и та же зона. В этой смене руководящей эрогенной зоны, так же как и в волне вытеснения с наступлением половой зрелости, которая как бы устраняет инфантильную мужественность, кроются главные причины предпочтительного заболевания неврозом, особенно истерией, по преимуществу женщин. Эти условия, следовательно, теснейшим образом связаны с сущностью женственности.

Нахождение объекта

Между тем как благодаря процессам полового созревания утверждается примат генитальной зоны и появление эрекции мужского полового члена властно указывает на новую сексуальную цель, на проникновение в полость тела, возбуждающее генитальную зону, с психической стороны совершается процесс нахождения объекта, подготовка к которому идет с раннего детства. Когда самое первое сексуальное удовлетворение было связано с принятием пищи, сексуальное влечение имело в материнской груди сексуальный объект вне собственного тела. Позже оно лишилось его, может быть, как раз тогда, когда у ребенка появилась возможность получить общее представление о лице, которому принадлежит доставляющий ему удовлетворение орган. Обыкновенно половое влечение становится тогда аутоэротичным, и только по истечении латентного периода снова восстанавливается первоначальное отношение. Не без веского основания сосание ребенком груди матери стало прообразом всяких любовных отношений. Нахождение объекта представляет собой в сущности вторичную встречу.⁶⁴

Сексуальный объект во время младенчества

Но от этой первой и самой важной сексуальной связи и после отделения сексуальной деятельности от приема пищи остается еще значительная часть, подготовляющая выбор объекта, т. е. помогающая вернуть утерянное счастье. В те-

чение всего латентного периода ребенок научается любить других лиц, помогающих ему в его беспомощности и удовлетворяющих его потребности, совершенно по образцу его младенческих отношений к кормилице, как бы продолжая эти отношения. Может быть, не согласятся отождествить нежные чувства и оценку ребенка, которые он проявляет к своим нянькам, с половой любовью; но я полагаю, однако, что более точное психологическое исследование докажет, что тождественность тех и других чувств не подлежит никакому сомнению. Общение ребенка со своими няньками составляет для него непрерывный источник сексуального возбуждения и удовлетворения через эрогенные зоны, тем более что эта нянька — обыкновенно это бывает мать — сама питает к ребенку чувства, исходящие из области ее сексуальной жизни, она ласкает, целует и укачивает его и относится к нему совершенно явно как к полноценному сексуальному объекту.⁶⁵ Мать, вероятно, испугалась бы, если бы ей разъяснили, что она будит всеми своими нежностями сексуальное влечение ребенка и подготавливает будущую интенсивность этого влечения. Она считает свои действия проявлением асексуальной «чистой» любви, так как она тщательно избегает вызывать в гениталиях ребенка больше возбуждения, чем это необходимо при уходе за ребенком. Но половое влечение, как нам уже известно, можно разбудить не только возбуждая генитальную зону; то, что мы называем нежностью, в один прекрасный день непременно окажет свое влияние на генитальную зону. Если бы мать лучше понимала, какое большое значение имеют влечения для всей душевной жизни, для всех этических и психических проявлений, то она и после того, как узнала все это, все же чувствовала бы себя свободной от упреков. Она выполняет только свой долг, когда учит ребенка любить; пусть он станет дельным человеком с энергичной сексуальной потребностью и пусть совершит в своей жизни все то, на что толкает это влечение человека. Слишком много родительской нежности может стать, разумеется, вредным, так как ускоряет половую зрелость, а также и потому, что делает ребенка «избалованным», неспособным в дальнейшей жизни временно отказаться от любви или удовлетвориться меньшим количест-

вом ее. Одним из несомненных признаков будущей нервозности является то, что ребенок оказывается ненасытным в своем требовании родительской нежности; а с другой стороны, именно невротичные родители, склонные по большей части к чрезмерной нежности, скорее всего будят своими ласками предрасположение ребенка к невротическому заболеванию. Из этого примера видно, впрочем, что у невротичных родителей имеются еще более прямые пути, чтобы передать свою болезнь детям, чем по наследственности.

ИНФАНТИЛЬНЫЙ СТРАХ

Сами дети с ранних лет ведут себя так, как будто их привязанность к няне по природе своей — сексуальная любовь. Страх детей первоначально является только выражением того, что им не хватает любимого человека; поэтому они встречают всякого постороннего человека со страхом; они боятся темноты, потому что в темноте не видно любимого человека, и успокаиваются, если могут держать в темноте руку этого лица. Переоценивают значение всех детских испугов или жутких сказок нянек, когда обвиняют их в том, что они вызывают боязливость детей. Дети, склонные к боязливости, восприимчивы к таким сказкам, которые на других детей не производят никакого впечатления, а к страхам склонны дети с очень сильным, или преждевременно развитым, или благодаря изнеженности ставшим слишком требовательным сексуальным влечением. Дитя ведет себя при этом как взрослый, превращая свое либидо в страх, когда он не в состоянии найти удовлетворение, а взрослый зато, став благодаря неудовлетворенному либидо невротичным, ведет себя в своем страхе как ребенок, начинает бояться, оставаясь один, т. е. без лица, в любви которого он уверен, и этот свой страх старается успокоить детскими мерами.⁶⁶

ОГРАНИЧЕНИЕ ИНЦЕСТА

Если нежность родителей к ребенку счастливо избегла того, чтобы так сильно разбудить преждевременно, т. е. до наступления соответствующих физических условий периода поло-

вой зрелости, сексуальное влечение ребенка, что душевные возбуждения явным образом прорываются к генитальной системе, — то она исполнила свою задачу руководства этим ребенком в зрелости при выборе сексуального объекта. Понятно, ребенку легче всего избрать своим сексуальным объектом тех лиц, которых он любит с детства, так сказать, притупленным либидо.⁶⁷ Однако благодаря отсрочке сексуального созревания имелось достаточно времени, чтобы наряду с другими тормозами сексуальности воздвигнуть ограничение инцеста, впитать в себя те нравственные предписания, которые совершенно исключают при выборе объекта любимых с детства лиц, кровных родственников. Соблюдение этого ограничения является прежде всего культурным требованием общества, которое должно бороться против поглощения семьей всех интересов, нужных ему для создания более высоких социальных единиц, поэтому общество всеми средствами добивается того, чтобы расшатать у каждого в отдельности, особенно у юношей, связь с семьей, имеющую только в детстве решающее значение.⁶⁸

Но выбор объекта производится сначала в представлении, и половая жизнь созревающего юношества может разыгрываться только в фантазии, т. е. в *представлениях*, которые никогда не должны осуществиться.⁶⁹ В этих фантазиях у всех людей снова проявляются инфантильные склонности, теперь усиленные соматически; среди этих фантазий, закономерно и часто повторяясь, на первом месте находится дифференцированное уже благодаря половому притяжению сексуальное стремление ребенка к родителям, сына к матери и дочери к отцу.⁷⁰ Одновременно с преодолением и оставлением этих ясных инцестуозных фантазий совершается одна из самых значительных и самых болезненных психических деятельностей периода полового созревания — освобождение от авторитета родителей, благодаря которому создается столь важная для культурного процесса противоположность нового и старого поколения. На каждой из остановок на пути развития, который предстоит совершить отдельным индивидам, некоторое число их застревает, и таким образом имеются также лица, которые никогда не смогли освободиться от авторитета родителей и оторвать от них свою нежность со-

всем или отчасти. В большинстве случаев это девушки, которые, к радости родителей, сохраняют полностью свою детскую любовь далеко за пределами периода полового созревания, и тут очень поучительно наблюдать, что в последующем браке у этих девушек не хватает возможности дарить своим мужьям то, что им следует. Они становятся холодными женами и остаются фригидными в сексуальных отношениях. Отсюда ясно, что как будто несексуальная любовь к родителям и половая любовь питаются из того же источника, т. е. первая соответствует инфантильной фиксации либидо.

Чем больше приближаешься к глубоким нарушениям психосексуального развития, тем очевиднее становится значение инцестуозного выбора объекта. У психоневротиков вследствие отрицательного отношения к сексуальности значительная часть или вся психосексуальная деятельность, направленная на нахождение объекта, остается в бессознательном.⁷¹ Для девушек с очень большой потребностью в нежности и с таким же ужасом перед реальными требованиями сексуальной жизни непреодолимым искушением становится, с одной стороны, желание осуществить в жизни идеал сексуальной любви, а с другой стороны, скрыть свое либидо под нежностью, которую они могут проявлять без самоупреков, сохраняя на всю жизнь инфантильную, освеженную в период наступления половой зрелости склонность к родителям или братьям и сестрам. Психоанализ легко может доказать, что такие лица в обычном смысле слова влюблены в своих кровных родственников, скрывая при помощи симптомов и других проявлений болезни их бессознательные мысли и переводя их в сознание. Даже в тех случаях, когда человек, бывший прежде здоровым, заболел после несчастной любви, можно с несомненностью открыть, что механизм этого заболевания состоит в возвращении его либидо к предпочитаемым в детстве лицам.

ВЛИЯНИЕ ИНФАНТИЛЬНОГО ВЫБОРА ОБЪЕКТА

И тот, кто счастливо избежал инцестуозной фиксации своего либидо, все же не свободен совершенно от ее влияния. Явным отзвуком этой фазы развития является серьез-

ная влюбленность молодого человека, как это часто бывает, в зрелую женщину или девушки в немолодого, обладающего авторитетом мужчину, которые могут оживить у них образ матери и отца. Под более отдаленным влиянием этих прообразов происходит вообще выбор объекта. Прежде всего мужчина ищет объект под влиянием воспоминаний о матери, поскольку они владеют им с самого раннего детства; в полном согласии с этим, если мать жива, она противится этому обновлению и враждебно встречает его. При таком значении детских отношений к родителям для выбора объекта в будущем легко понять, что всякое нарушение этих детских отношений имеет самые тяжелые последствия для сексуальной жизни после наступления половой зрелости, и ревность любящих всегда имеет инфантильные корни или по крайней мере подкрепления из инфантильных переживаний. Раздоры между самими родителями, несчастный брак их обуславливают сильнейшее предрасположение к нарушению сексуального развития или невротическому заболеванию детей.

Инфантильная склонность к родителям является, пожалуй, самым важным, но не единственным из следов, которые, будучи освеженными при половом созревании, указывают путь к выбору объекта. Другие предрасположения того же происхождения позволяют мужчине, все еще основываясь на переживаниях детства, направить свой выбор больше чем только в один сексуальный ряд и создать совершенно различные условия для выбора объекта.⁷²

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИНВЕРСИИ

Возникающая при выборе объекта задача состоит в том, чтобы не упустить противоположный пол. Она, как известно, разрешается не без некоторого нащупывания. Первые стремления после наступления половой зрелости, часто без особого, впрочем, вреда, идут по ложному пути. Дессуар вполне правильно обратил внимание на закономерность мечтательной дружбы юношей и молодых девушек с лицами одинакового пола и возраста. Самую большую силу, препятствующую тому, чтобы инверсия сексуального объекта осталась навсегда, состав-

бывает, дающего их образ х прооб- его муж- матери, а; в пол- ся этому значении а в буду- их отно- суальной ность лю- крайней й. Раздо- обуслов- ю сексу- о детей. ся, пожа- которые, казывают я того же новываясь ольше чем енно раз-

ляет, несомненно, та притягательная сила, которую оказывают друг на друга противоположные половые признаки; для объяснения этого в нашем изложении ничего не может быть указано. Но фактор этот сам по себе недостаточен для того, чтобы исключить инверсию; к нему присоединяются еще другие моменты. Прежде всего сдерживающий авторитет общества; там, где инверсия не рассматривается как преступление, можно убедиться, что она вполне соответствует сексуальным склонностям многих индивидов. Далее, относительно мужчины можно допустить, что детские воспоминания о нежности матери и других женских лиц, попечению которых он в детстве был предоставлен, энергично содействуют тому, чтобы направить его выбор на женщину, между тем как испытанные со стороны отца в детстве сексуальное запугивание и соперничество с ним отвлекают от одинакового с ним пола. Но оба момента имеют, однако, силу и для девушки, сексуальная деятельность которой находится под особой опекой матери. Таким образом, создается враждебное отношение к своему собственному полу, которое оказывает решительное влияние на выбор объекта в смысле, считающемся нормальным. Воспитание мальчиков мужчинами (рабами древнего мира), по-видимому, способствовало гомосексуальности; несколько более понятной становится частота инверсии у современной знати благодаря услугам мужской прислуги и благодаря меньшим личным заботам матерей о детях. У некоторых истериков происходит так, что благодаря отсутствию в раннем детстве одного из родителей (смерть, развод, отчуждение), после чего оставшийся привлекает к себе всю любовь ребенка, создается условие, предрешающее пол выбираемого позже в сексуальные объекты лица и вместе с тем и возможность постоянной инверсии.

Резюме

Теперь будет своевременным попытаться резюмировать вышеизложенное. Мы исходили из отклонений полового влечения относительно объекта и его цели и встретились с вопросом, появляются ли эти отклонения вследствие врожденного

предрасположения или возникают в течение жизни. Ответ на этот вопрос вытекает из нашего взгляда на условия проявления полового влечения у психоневротиков, многочисленной и недалеко отстоящей от здоровых группы людей, — взгляд, основанного на психоаналитическом исследовании. Мы нашли, таким образом, что у этих лиц можно доказать склонность ко всем перверзиям как бессознательную силу, проявляющуюся в образовании симптомов, и могли сказать, что невроз представляет собой как бы негатив перверзии. Ввиду известного нам теперь большого распространения склонности к перверзии мы вынуждены встать на ту точку зрения, что предрасположение к перверзии составляет общее первоначальное предрасположение полового влечения человека, из которого в течение периода полового созревания развивается нормальное сексуальное поведение вследствие органических изменений и психических тормозов. Мы надеемся, что сможем доказать первоначальное предрасположение в детском возрасте; среди сил, ставящих границы направленности сексуального влечения, мы подчеркиваем стыд, отвращение, сострадание и социальные конструкции морали и авторитета. Таким образом, в каждом зафиксированном отклонении от нормальной сексуальной жизни мы должны были увидеть задержку в развитии и инфантилизм. Значение изменчивости первоначального предрасположения мы должны были выдвинуть на первый план, а между ней и влияниями в течение жизни допустить отношения кооперации, а не противоположности. С другой стороны, нам казалось, что так как первоначальное предрасположение должно было быть комплексным, то само половое влечение представлялось нам чем-то, состоящим из многих факторов, как бы распадающимся в перверзиях на свои компоненты. Таким образом, перверзии казались нам, с одной стороны, задержками, с другой стороны — диссоциациями нормального развития. Оба взгляда сливались в предположении, что половое влечение взрослого образуется благодаря соединению многих стремлений детской жизни в единство, стремление с одной-единственной целью.

Мы прибавили еще объяснение преобладания перверзных склонностей у психоневротиков, смотря на них как на колла-

теральное заполнение побочных путей при преграждении главного русла течения благодаря вытеснению, и затем обратились к рассмотрению сексуальной жизни ребенка.⁷³ Мы высказали сожаление по поводу того, что детскому возрасту отказывали в сексуальном влечении и что часто наблюдаемые сексуальные проявления ребенка описывали как исключительные явления. Нам казалось, что ребенок приносит с собой на свет задатки сексуальной деятельности и уже при приеме пищи получает сексуальное удовлетворение, которое старается постоянно снова испытать посредством хорошо известных актов сосания. Но сексуальная деятельность ребенка развивается не наравне с другими его функциями, а регрессирует после короткого периода расцвета, от 2 до 5 лет, во время так называемого латентного периода. Продуцирование сексуального возбуждения в это время не прекращается, а продолжается и дает запас энергии, которая большей частью употребляется на другие, не сексуальные цели, а именно, с одной стороны, на присоединение сексуальных компонентов к социальным чувствам, с другой стороны (при помощи вытеснения и реактивного образования), на созидание позднейшего сексуального ограничения. Таким образом, силы, предназначенные для того, чтобы сдерживать сексуальное влечение в определенных границах, создаются в детском возрасте за счет по большей части извращенных сексуальных стремлений и при помощи воспитания. Другая часть инфантильных сексуальных стремлений не находит такого применения и может выразиться как сексуальная деятельность. В таком случае можно узнать, что сексуальное возбуждение ребенка исходит из различных источников. Прежде всего возникает удовлетворение благодаря соответствующему чувственному возбуждению так называемых эрогенных зон, в качестве которых может функционировать, вероятно, любое место на коже и любой орган чувств, возможно, любой орган, между тем как существуют известные замечательные эрогенные зоны, возбуждение которых благодаря определенным органическим механизмам обеспечено с самого начала. Далее возникает сексуальное возбуждение как побочный продукт при целом ряде процессов в организме, как только они достига-

ют определенной интенсивности, особенно при всяких сильных душевных потрясениях, хотя бы и мучительных по своей природе. Возбуждения из всех этих источников еще не объединяются, а только преследуют каждое в отдельности свою цель, состоящую только в переживании определенного удовольствия. Половое влечение, следовательно, в детстве не сконцентрировано и сначала не имеет объекта, аутоэротично.

Еще в детстве начинает выделяться эрогенная зона гениталий — или тем, что, как всякая другая зона, дает удовлетворение при соответствующем чувственном раздражении, или благодаря тому, что, не совсем понятным образом, вместе с удовлетворением из других источников одновременно вызывается сексуальное возбуждение, находящееся в особых отношениях к генитальной зоне. Нам приходится пожалеть, что не удалось достаточно выяснить отношение между сексуальным удовлетворением и сексуальным возбуждением, так же как между деятельностью генитальной зоны и другими источниками сексуальности.

Благодаря изучению невротических нарушений мы заметили, что в детской сексуальной жизни с самого начала наблюдаются зачатки организации сексуальных компонентов влечений. В первой, очень ранней стадии на первом плане находится оральная (ротовая) эротика; вторая из этих прегенитальных организаций характеризуется преобладанием садизма и анальной эротики; только в третьей фазе сексуальная жизнь предопределяется участием собственно генитальной зоны.

Как один из самых неожиданных результатов мы должны были установить, что этот ранний расцвет инфантильной сексуальной жизни (2—5 лет) включает в себя также и выбор объекта со всей его богатой душевной деятельностью, так что связанную с ним соответствующую ему фазу, несмотря на недостаточное объединение отдельных компонентов влечения и на неуверенность сексуальной цели, приходится считать самым значительным предтечей позднейшей сексуальной организации.

Факт двукратного начала сексуального развития у человека, т. е. перерыв этого развития благодаря латентному пе-

риоду, казался нам достойным особого внимания. В нем, по-видимому, заключается условие способности человека к развитию высшей культуры, но также и его склонность к неврозу. У родственных человеку животных, насколько мы знаем, нельзя доказать ничего аналогичного. Источников происхождения этой человеческой особенности следовало бы искать в древнейшей истории человеческого рода.

В каком размере сексуальная деятельность в детском возрасте может считаться нормальной, невреждной для дальнейшего развития, — этого мы сказать не могли. Характер сексуальных проявлений оказался мастурбационным. Далее опыт показал нам, что внешнее влияние соблазна может привести к преждевременному прорыву латентного периода до его окончания и что при этом половое влечение ребенка оказывается фактически полиморфно-перверзным, далее, что всякая подобная ранняя сексуальная деятельность понижает способность ребенка поддаваться воспитанию.

Несмотря на неполноту наших знаний о детской сексуальной жизни, мы должны были сделать попытку изучить изменения ее, вызванные наступлением половой зрелости. Мы выбрали из них два изменения как имеющие наибольшее значение: подчинение всех других источников сексуального возбуждения примату генитальной зоны и процесс выбора объекта. Оба имеют прообразы уже в детской жизни. Первое изменение происходит благодаря механизму использования предварительного наслаждения, причем обычно самостоятельные сексуальные акты, связанные с наслаждением и возбуждением, становятся подготовительными актами для новой сексуальной цели: излияния половых продуктов, достижение которого при огромном наслаждении приводит к концу сексуальное возбуждение. При этом нам нужно было принимать во внимание дифференциацию половых существ на мужчин и женщин, и мы нашли, что для того, чтобы превратиться в женщину, нужно проделать новое вытеснение, уничтожающее известную часть инфантильной мужественности и подготавливающее женщину к перемене, руководящей генитальной зоной. Наконец, мы нашли, что выбором объекта руководит намечающаяся в инфантильном возрасте и обновленная

при наступлении половой зрелости сексуальная склонность ребенка к его родителям и нянькам и благодаря возникшему тем временем инцестуозному ограничению направленная с этих лиц на сходных с ними. Прибавим еще, наконец, что во время переходного периода некоторое время соматические и психические процессы развития протекают параллельно, не связанные друг с другом, пока с прорывом интенсивного душевного, любовного движения к иннервации гениталий не возникает требуемое нормальное единство любовной функции.

НАРУШАЮЩИЕ РАЗВИТИЕ МОМЕНТЫ

Всякий шаг на этом длинном пути развития может привести к фиксации, всякая спайка в этом запутанном сочетании может стать поводом к диссоциации полового влечения, как мы уже выяснили на различных примерах. Нам остается еще дать обзор различных мешающих развитию внутренних и внешних моментов и прибавить, в каком месте механизма возникает вызванное ими нарушение. То, что мы тут ставим в один ряд, может, разумеется, быть неравноценным, и мы должны считаться с трудностями при установлении значимости отдельных моментов.

КОНСТИТУЦИЯ И НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

На первом месте тут можно назвать врожденное различие сексуальной конституции, которое имеет, вероятно, решающее значение, но о котором, как понятно, можно сделать выводы только по его поздним проявлениям, да и то не всегда с большой уверенностью. Под этим различием мы представляем себе преобладание того или другого из разнообразных источников сексуального возбуждения и полагаем, что подобное различие врожденного предрасположения во всяком случае должно найти себе выражение в конечном результате, даже если оно может оставаться в пределах нормального. Разумеется, мыслимы и такие вариации первоначального врожденного предрасположения, которые по необходимости

и без посторонней помощи должны привести к образованию ненормальной сексуальной жизни. Их можно назвать «дегенеративными» и смотреть на них как на выражение наследственного отягощения. В связи с этим должен указать на примечательный факт. В больше чем половине подвергнутых мною психотерапевтическому лечению тяжелых случаев истерии, невроза навязчивых состояний и т. д. мне с несомненностью удалось выявить сифилис у отцов до брака — будь то *tabes* <лат.: сухотка спинного мозга> или прогрессивный паралич, будь то другое какое-нибудь анамнестически установленное сифилитическое заболевание. Особенно отмечаю, что невротические впоследствии дети не имеют никаких телесных признаков сифилиса, так что ненормальную сексуальную конституцию нужно рассматривать как последнего потомка сифилитического наследства. Как я ни далек от того, чтобы считать происхождение от сифилитических родителей постоянным или необходимым этиологическим условием невропатической конституции, я все же считаю наблюдаемое мною совпадение не случайным и не лишенным значения.

Наследственные условия положительно перверзных не так хорошо известны, потому что такие люди умеют укрываться от дачи сведений; все же есть основание полагать, что при перверзиях имеет значение то же, что и при неврозах. Нередко находят в тех же семьях перверзию и психоневроз таким образом, что мужские представители семьи, или один из них, положительно перверзны, а женские — соответственно склонности их пола к вытеснению — отрицательно перверзны, истеричны, — хорошее доказательство найденной нами существенной связи между обоими нарушениями.

ДАЛЬНЕЙШАЯ ПЕРЕРАБОТКА

Однако нельзя стоять на той точке зрения, будто одни только зачатки различных компонентов сексуальной конституции предрешают формы сексуальной жизни. Существуют зависимости и от других причин, и дальнейшие возможности возникают в зависимости от судьбы, которую испы-

тывают сексуальные течения, исходящие из отдельных источников. Эта дальнейшая переработка является, очевидно, окончательно определяющим фактором, между тем как, судя по описанию, одинаковая конституция может привести к трем различным конечным исходам. Если все врожденные предрасположения в их относительном взаимоотношении, считающемся ненормальным, сохраняются и с наступлением зрелости укрепляются, то в результате может быть перверзная сексуальная жизнь. Анализ таких ненормальных конституциональных предрасположений еще недостаточно разработан, но все же нам уже известны случаи, которые легко объясняются подобными предрасположениями. Авторы думают, например, о целом ряде фиксационных перверзий, что необходимым условием их является врожденная слабость сексуального влечения. В такой форме это положение мне кажется неправильным, но оно приобретает смысл, если имеется в виду конституциональная слабость одного фактора сексуального влечения — генитальной зоны, каковая впоследствии берет на себя функцию объединения отдельных сексуальных действий в целях продолжения рода. Это необходимое с наступлением половой зрелости объединение должно в таком случае не удался, и самый сильный из остальных компонентов проявит свою деятельность как перверзия.⁷⁴

ВЫТЕСНЕНИЕ

Другой результат возникает тогда, когда в ходе развития некоторые из особенно сильных врожденных компонентов подвергаются процессу вытеснения, о котором нужно помнить, что он представляет собой не то же самое, что полное прекращение. Соответствующие возбуждения вызываются при этом обычным образом, но благодаря психическим тормозам они не допускаются к достижению своей цели и оттесняются на различные другие пути, пока не проявятся как симптомы. В результате может сложиться приблизительно нормальная половая жизнь — по большей части ограниченная, но дополненная психоневротическим заболеванием. Как раз

с такими случаями мы хорошо познакомились благодаря психоаналитическому исследованию невротиков. Сексуальная жизнь таких лиц началась так же, как и жизнь перверзных, значительная часть их детства заполняется перверзной сексуальной деятельностью, которая иногда простирается далеко за период наступления половой зрелости; затем по внутренним причинам — по большей части еще до наступления половой зрелости, а в иных случаях даже гораздо позже, — происходит поворот вытеснения, и с этого момента вместо перверзии появляется невроз, хотя старые душевные движения не исчезают. Припоминается поговорка «В молодости гуляка, в старости монах», только молодость проходит здесь очень быстро. Эта смена перверзии неврозом в жизни того же лица должна быть, так же как и упомянутое прежде распределение перверзии и невроза между различными лицами одной семьи, приведена в связь с положением, что невроз представляет собой негатив перверзии.

Сублимация

Третий исход при ненормальном конституциональном предрасположении становится возможным благодаря процессу сублимации, при котором исключительно сильным возбуждением, исходящим из отдельных источников сексуальности, открывается выход и применение в других областях, так что получается значительное повышение психической работоспособности из опасного самого по себе предрасположения. Один из источников художественного творчества можно найти здесь, и в зависимости от того, полная ли или неполная это сублимация, анализ характера высокоодаренных, особенно имеющих способности к художественному творчеству лиц откроет различную смесь работоспособности, перверзии и невроза. Особым видом сублимации является подавление посредством реактивного образования, которое, как мы нашли, возникает уже в латентном периоде развития ребенка с тем, чтобы в благоприятном случае существовать в течение всей жизни. То, что мы называем «характером» человека, создано в значительной степени из материала сек-

суальных возбуждений и составляется из фиксированных с детства влечений, из приобретенных благодаря сублимации и из таких конструкций, которые имеют своим назначением энергичное подавление извращенных, признанных недопустимыми душевных движений.⁷⁵ Таким образом, общее перверзное сексуальное предрасположение детства может считаться источником наших добродетелей, поскольку оно дает толчок к развитию их посредством реактивных преобразований.⁷⁶

ПЕРЕЖИТОЕ СЛУЧАЙНО

Все прочие влияния по своему значению далеко уступают сексуальным проявлениям, вытеснению и сублимации, причем внутренние условия последних процессов нам совершенно неизвестны. Кто причисляет вытеснение и сублимацию к конституциональным предрасположениям, рассматривая их как жизненные проявления этих предрасположений, тот имеет право утверждать, что конечная форма сексуальной жизни является прежде всего результатом врожденной конституции. Однако понимающий не будет оспаривать, что в такой совокупности факторов остается место и для модифицирующих влияний случайно пережитого в детстве и позже. Не так легко оценить влияние конституциональных и привходящих факторов и их взаимоотношение. В теории всегда склонны переоценивать значение первых; терапевтическая практика подчеркивает значительность последних. Никким образом не следует забывать, что между обоими имеется отношение кооперации, а не исключения. Конституциональный фактор должен ждать переживания, которое способствует его проявлению. Привходящий момент нуждается в поддержке конституции, чтобы оказать действие. Для большинства случаев можно представить себе так называемый «дополнительный ряд», в котором понижающаяся интенсивность одного фактора выравнивается благодаря повышающейся интенсивности другого фактора; но нет никакого основания отрицать существование крайних случаев на концах ряда.

Если предоставить переживаниям раннего детства преимущественное положение среди привходящих моментов, то это еще больше соответствует психоаналитическому исследованию. Один этиологический ряд разлагается в таком случае на два, из которых один можно назвать рядом *предрасполагающим* (dispositionel) и другой *окончательным* (definitif). В первом совместно оказывают действие конституция и случайные переживания детства в той же мере, в какой во втором влияют предрасположение и травматическое переживание. Все вредящие сексуальному развитию моменты проявляют свое действие таким образом, что вызывают *регрессию*, возврат к прежней фазе развития.

Здесь мы продолжаем осуществлять поставленную себе задачу — перечислить все известные нам мотивы, имеющие влияние на сексуальное развитие, будь то действующие силы или только их проявления.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ ЗРЕЛОСТЬ

Таким моментом является самопроизвольная сексуальная *преждевременная зрелость*, которую можно с несомненностью доказать в этиологии по крайней мере неврозов, хотя она одна сама по себе так же недостаточна, чтобы вызвать невроз, как и другие моменты. Она выражается в нарушении, сокращении или прекращении инфантильного латентного периода и становится причиной заболеваний, вызывая сексуальные проявления, которые, с одной стороны, благодаря неготовности тормозов сексуальности, с другой стороны, вследствие неразвитой генитальной системы могут носить характер одних только перверзий. Эти наклонности к перверзии могут такими и остаться или же, после происшедшего вытеснения, стать движущими силами невротических симптомов; во всяком случае преждевременная сексуальная зрелость затрудняет желательную в дальнейшем возможность овладения сексуальным стремлением со стороны высших душевных инстанций и повышает навязчивый характер, который и без того приобретают психические представители влечения.

Часто ранняя сексуальная зрелость идет параллельно с преждевременным интеллектуальным развитием; как таковая она встречается в истории детства самых значительных и способных индивидов; тогда она, по-видимому, не действует так патогенно, как в тех случаях, когда она появляется изолированно.

ВРЕМЕННЫЕ МОМЕНТЫ

Точно так же, как преждевременная зрелость, должны быть рассмотрены и другие моменты, которые можно объединить с преждевременной зрелостью как *временные моменты*. По-видимому, филогенетически предопределено, в каком порядке становятся активными те или другие влечения и как долго они могут проявляться, пока не подвергнутся влиянию появившегося нового влечения или вытеснению. Однако как в отношении этой временной последовательности, так и в отношении длительности активности влечений бывают, по-видимому, вариации, которые должны оказать влияние на результат этих процессов. Не может не иметь значения, появляется ли какое-нибудь течение раньше или позже, чем противоположное ему течение, потому что воздействие вытеснения нельзя устранить; временное изменение состава компонентов всегда влечет за собой изменение результата. С другой стороны, особенно интенсивно возникающие влечения часто протекают поразительно быстро, например гетеросексуальная привязанность лиц, ставших впоследствии гомосексуальными. Возникающие в детском возрасте очень сильные стремления не оправдывают опасения, что они навсегда будут преобладать в характере взрослого; можно также рассчитывать, что они исчезнут, уступив место противоположным стремлениям. (Строгие господа недолго властвуют.)

Чем объясняется подобная временная спутанность процессов развития, мы не в состоянии указать даже приблизительно. Здесь открывается перспектива глубоких биологических, может быть, и исторических проблем, к которым мы еще не приблизились на прицельное расстояние.

ЦЕПКОСТЬ

Значение всех ранних сексуальных проявлений увеличивается благодаря психическому фактору неизвестного происхождения, который пока можно описать, разумеется, только предварительно, как психологический феномен. Я говорю о повышенной *цепкости*, или способности к фиксации ранних впечатлений сексуальной жизни, которыми необходимо дополнить у будущих невротиков и у перверзных фактические данные, потому что такие же преждевременные сексуальные проявления не могут у других лиц запечатлеться так глубоко, чтобы навязчиво требовать повторения и предугадать пути сексуальному влечению на всю жизнь. Объяснение этой цепкости кроется отчасти, может быть, в другом психическом моменте, от которого мы не можем отказаться для объяснения причин неврозов, а именно — в перевесе в душевной жизни значения воспоминаний в сравнении со свежими впечатлениями. Этот момент, очевидно, зависит от интеллектуального развития и значимость его растет вместе с высотой личной культуры. В противоположность этому, дикаря характеризуют «как несчастное дитя момента».⁷⁷ Вследствие противоположной зависимости, существующей между культурой и свободным сексуальным развитием, последствия которой можно проследить глубоко в складе нашей жизни, на низких ступенях культуры или социальности так маловажно, а на высоких имеет столь большое значение, как протекала сексуальная жизнь ребенка.

ФИКСАЦИЯ

Только что упомянутые благоприятно действующие психические моменты увеличивают значение случайно пережитых влияний на детскую сексуальность. Последние (в первую очередь соблазнение со стороны других детей или взрослых) дают материал, который может при помощи первых зафиксировать и повлечь за собой стойкие нарушения. Значительная часть наблюдаемых позже отклонений от нормальной сексуальной жизни у невротиков и перверзных с самого нача-

ла имеет своим основанием впечатления свободного будто бы от сексуальности периода детства. Причины, вызывающие эти отклонения, распределяются между предрасположением конституции, преждевременной зрелостью, способностью к повышенной цепкости и случайным возбуждениям сексуального влечения благодаря постороннему влиянию?

Но неудовлетворительное заключение, к которому приводят эти исследования нарушений сексуальной жизни, состоит в том, что нам слишком мало известно о биологических процессах, в которых заключается сущность сексуальности, чтобы создать из наших отдельных взглядов теорию, достаточную для понимания нормального и патологического.

¹ Содержащиеся в первой статье данные имеются в известных публикациях фон Крафт Эбинга, Молля, Мёбиуса, Хэблока Эллиса, фон Шренк-Нотцинга, Лёвенфельда, Эйленбурга, И. Блоха, М. Хиришфельда и в работах издаваемого последним «Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen»; так как в них указана и прочая литература на эту тему, то я не считал нужным приводить подробные указания. Взгляды, основанные на психоаналитическом исследовании инвертированных, заимствованы из сообщений И. Задгера и из собственного опыта.

² Об этих трудностях и о попытке установить число инвертированных см. работу Магнуса Хиришфельда в «Jahrb. für sexuelle Zwischenstufen», 1904.

³ Такое сопротивление навязчивому характеру инверсии может составить условие, благоприятствующее терапевтическому воздействию при помощи внушения или психоанализа.

⁴ С различных сторон вполне правильно указывалось, что автобиографические данные инвертированных о времени наступления их склонности к инверсии не заслуживают доверия, так как они могут вытеснить из своей памяти доказательство их гетеросексуального ощущения; психоанализ подтвердил это подозрение в отношении доступных ему случаев инверсии, изменив их анамнез устранением детской амнезии.

⁵ С какой осторожностью необходимо ставить диагноз дегенерации и какое незначительное практическое значение он имеет, можно видеть из рассуждений Мёбиуса (Über Entartung // Grenzfragen des Nerv. und Seelenleb., 1900, № 3): «Если окинуть взором обширную область вырождения, на которую здесь пролит некоторый свет, то без дальнейшего видно, что диагноз — дегенерация — имеет вообще очень мало значения».

⁶ Защитникам «уранизма» нужно отдать справедливость в том, что некоторые из самых выдающихся известных нам людей были инвертированными, может быть, даже абсолютно инвертированными.

⁷ Во взгляде на инверсию патологическая точка зрения отделена от антропологической. Это изменение является заслугой И. Блоха (*Beiträge zur Ätiologie der Psychopathia sexualis*, 2 части, 1902—1903), который энергично подчеркнул факт распространения инверсии в культурах древних народов.

⁸ Ср. последнее описание соматического гермафродитизма: Tarutti. *Hermaphroditismus und Zeugungsfähigkeit*. 1903 и работы Нойгебауэра в нескольких томах «*Jahrb. für sexuelle Zwischenstufen*».

⁹ Halban J. *Die Entstehung der Geschlechtscharaktere* // *Archiv für Gynäkologie*, Bd. 70, 1903. Там же указана и литература.

¹⁰ Первым, кто указал на бисексуальность для объяснения инверсии, был (согласно литературному отчету в 6 томе «*Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*») Э. Глей, опубликовавший уже в январе 1884 г. статью «*Les aberrations de l'instinct sexuel*» в «*Revue philosophique*». Замечательно, впрочем, что большинство авторов, объясняющих инверсию бисексуальностью, придают значение этому моменту не только в отношении инвертированных, но и всех нормальных и, следовательно, понимают инверсию как результат нарушенного развития. Так, уже Шевалье (*Chevalier. Inversion sexuelle*. 1893), Крафт-Эбинг (*Krafft-Ebing. Zur Erklärung der konträren Sexualempfindung* // *Jahrb. f. Psychiatric und Neurologie*, Bd. XIII) говорят о том, что имеется множество наблюдений, из которых по меньшей мере явствует возможное существование этого второго центра (неразвившегося пола). Д-р Ардуэн (*Arduin. Die Frauenfrage und die sexuelle Zwischenstufen*) высказывает во втором томе «*Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen*» положение: «В каждом человеке имеются мужские и женские элементы (ср. в томе «*Jahrbuch*» за 1889 статью «*Die objektive Diagnose der Homosexualität*» д-ра М. Хиршфельда, с. 8—9 и след.), только — соответственно принадлежности тому или другому полу — одни несоразмерно более развиты, чем другие, поскольку дело касается гетеросексуальных лиц». Для Г. Германа (*Herman G. Genesis. Das Gesetz der Zeugung* // *Libido und Mania*, 1903. Bd. 9) не подлежит сомнению, «что в каждой женщине содержатся мужские зародыши и свойства, в каждом мужчине — женские» и т. д. В 1906 г. В. Флисс (*Fliess W. Der Aufbau des Lebens*) предъявил свое право собственности на идею бисексуальности (в смысле двуполости).

¹¹ Хотя психоанализ до сих пор не дал объяснения происхождению инверсии, он все же открыл психический механизм ее происхождения и значительно обогатил вопросы, которые приходится принимать во внимание. Во всех исследованных случаях мы установили, что инвертированные в более позднем возрасте имели в детстве фазу очень интенсивной, но кратковременной фиксации на женщине (большей частью на матери), по преодолении которой они отождествляют себя с матерью и избирают себя самих в сексуальные объекты, т. е., исходя из нарциссизма, ищут мужчин в юношеском возрасте, похожих на них самих, которых хотят любить так, как любила их мать. Далее мы часто находили, что кажущиеся инвертированными никоим образом не были нечувствительными к прелестям женщины,

а постоянно переносили на мужские объекты вызванное женщинами возбуждение. Таким образом, они всю жизнь воспроизводят механизм, благодаря которому появилась их инверсия. Их навязчивое устремление к мужчинам не оказалось обусловленным их тревожным бегством от женщины.

Психоаналитическое исследование самым решительным образом противится попыткам отделить гомосексуалистов от других людей как особого рода группу. Изучая еще и другие сексуальные возбуждения, а не только открыто проявляющие себя, оно узнает, что все люди способны на выбор объекта одинакового с собой пола и проделывают этот выбор в своем бессознательном. Больше того, привязанности либидозных чувств к лицам своего пола играют как факторы нормальной душевной жизни не меньшую, а как движущие силы заболевания — большую роль, чем относящиеся к противоположному полу. Психоанализу, напротив, кажется первичной независимость выбора объекта от его пола, одинаково свободная возможность располагать как мужскими, так и женскими объектами, как это наблюдается в детском возрасте, в первобытных условиях и в эпохи древней истории; и из этого первичного состояния путем ограничения в ту или другую сторону развивается нормальный или инвертированный тип. По мнению психоанализа, исключительный сексуальный интерес мужчины к женщине является проблемой, нуждающейся в объяснении, а не чем-то само собой понятным, что имеет своим основанием химическое притяжение. Решающий момент в отношении окончательного полового выбора приходит только после наступления половой зрелости и является результатом целого ряда не поддающихся еще учету факторов, частью конституциональных, частью привходящих по своей природе. Несомненно, некоторые на этих факторов могут оказаться настолько сильными, что имеют соответствующее решающее влияние на эти результаты. Но в общем многочисленность предопределяющих моментов находит свое отражение в многообразии исходных картин явного сексуального поведения людей. Подтверждается, что у людей инвертированного типа в целом преобладают архаические конституции и примитивные психические механизмы. Самыми существенными их признаками кажутся влияние нарциссического выбора объекта и сохранение эротического значения анальной зоны. Но нет никакой пользы в том, чтобы на основании таких конституциональных свойств отделять крайние типы инвертированных от остальных. То, что находится у таких крайних типов как, по-видимому, вполне достаточное обоснование их ненормальности, можно также найти, только менее сильно выраженным, в конституции переходных типов и у явно нормальных. Различие в результатах по природе своей может быть качественного характера; анализ показывает, что различие в условиях только количественное. Среди факторов, оказывающих случайное влияние на выбор объекта, заметим, мы нашли запрещение (сексуальное запугивание в детстве) и обратили внимание на то, что наличие обоих родителей играет большую роль. Отсутствие сильного отца в детстве нередко благоприятствует инверсии. Необходимо, наконец, настаивать на требовании, чтобы проводилось строгое различие между инверсией сексуального объекта и смешением половых признаков у субъекта. Известная доля независимости совершенно очевидна и в этом отношении.

Целый ряд важных
«К нозологии мужской
für ärztliche Psychoana
тот факт, что под наз
нить более удачным
личных неравноценн
ний на том основании
требует строгого раз
гомоэротика, чувств
эротика, абсолютно
том одинакового с
точным сексуальным
менее удачно — наз
ба со склонностью
воздействия, имеет
двух типов необход
доля субъект-гомоэ

В последние год
прошли яркий све
половых признаков

Посредством э
рессадкой половых
превратить самцо
менее полно сомат
ния (т. е. субъект
пол силы считает
вые клетки, а так
татная железа).

В одном случ
вследствие тубер
женски, как пас
выраженные же
сти волосяного
рессадки крипто
себя по-мужски
ну. Одновремен
Die Pubertätsdr

Было бы не
опытам учение
но ждать от ни
альности. В. Ф
ные опыты не
предрасполож
дальнейшие и
полагаемой б
12 Самое
нашей состои

Целый ряд важных точек зрения на инверсию указал Ференци в статье «К нозологии мужской гомосексуальности (гомоэротики)» (*Intern. Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse*, 11, 1914). Ференци вполне справедливо осуждает тот факт, что под названием «гомосексуальность», которое он хочет заметить более удачным словом «гомоэротика», смешивают много очень различных неравноценных в органическом и психическом отношении состояний на том основании, что у них всех имеется общий симптом инверсии. Он требует строгого различия по крайней мере между двумя типами: субъект-гомоэротика, чувствующего и ведущего себя как женщинам и объект-гомоэротика, абсолютно мужественного и заменившего женский объект объектом одинакового с собой пола. Первого он считает настоящим «промежуточным сексуальным» типом в смысле Магнуса Хиршфельда, второго он — менее удачно — называет невротиком, страдающим навязчивостью. Борьба со склонностью к инверсии так же, как и возможность психического воздействия, имеется только у объект-гомоэротика. И по признании этих двух типов необходимо прибавить, что у многих лиц смешивается известная доля субъект-гомоэротики с некоторой частью объект-гомоэротики.

В последние годы работы биологов, в первую очередь Эугена Штейнаха, пролили яркий свет на органические условия гомоэротики, как и вообще половых признаков.

Посредством экспериментального опыта кастрации с последующей пересадкой половых желез другого пола удалось у различных млекопитающих превратить самцов в самок и обратно. Превращение коснулось более или менее полно соматических половых признаков и психосексуального поведения (т. е. субъект- и объект-эротики). Носителем этой предопределяющей пол силы считается не та часть половой железы, которая составляет половые клетки, а так называемая интерстициальная ткань этого органа (пубертатная железа).

В одном случае удалась перемена пола у мужчины, лишившегося яичек вследствие туберкулезного заболевания. В половой жизни он вел себя по-женски, как пассивный гомосексуалист, и у него наблюдались очень ясно выраженные женские половые признаки вторичного характера (особенности волосяного покрова, отложение жира на груди и на бедрах). После пересадки крипторхического человеческого яичка этот мужчина стал вести себя по-мужски и направлять свое либидо нормальным образом на женщину. Одновременно исчезли соматические женские признаки (Lipschütz A. *Die Pubertätsdrüse und ihre Wirkung*. Bern, 1919).

Было бы неосновательно утверждать, что благодаря этим прекрасным опытам учение об инверсии приобретает новое основание, и преждевременно ждать от них прямо-таки нового пути к общему «излечению» гомосексуальности. В. Флисс вполне правильно подчеркнул, что эти экспериментальные опыты не обесценивают учения об общем бисексуальном врожденном предрасположении высших животных. Мне кажется более вероятным, что дальнейшие исследования подобного рода дадут прямое подтверждение предполагаемой бисексуальности.

¹² Самое глубокое различие между любовной жизнью древнего мира и нашей состоит, пожалуй, в том, что античный мир делал акцент на самом

влечении, а мы переносим его на объект влечения. Древние уважали влечение и готовы были облагородить им и малоценный объект, между тем как мы низко оцениваем проявление влечения самого по себе и оправдываем его достоинствами объекта.

¹³ Не могу отказаться от того, чтобы не напомнить о готовности гипнотизируемых подчиниться и поверить гипнотизеру, что заставляет меня предполагать, что сущность гипноза надо видеть в бессознательной фиксации либидо на личности гипнотизера (посредством мазохистского компонента сексуального влечения).

Ш. Ференци связал этот признак внушаемости с отцовским «комплексом» (*Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen*. I, 1909).

¹⁴ Однако необходимо заметить, что сексуальная переоценка развивается не при всех механизмах выбора объекта и что ниже мы познакомимся с другим, более непосредственным объяснением сексуальной роли других частей тела. Фактор «голода», который приводился Хохе и И. Блохом для объяснения перехода сексуального интереса с гениталий на другие части тела, как мне кажется, лишен этого значения. Различные пути, по которым с самого начала направляется либидо, относятся друг к другу, как сообщающиеся сосуды, и необходимо считаться с феноменом коллатеральных течений.

¹⁵ В типичных случаях у женщин не замечается сексуальной переоценки мужчины, но она почти никогда не отсутствует по отношению к рожденным ими детям.

¹⁶ Эта слабость зависит от конституциональных условий. Психопсихический анализ доказал влияние сексуального запугивания в раннем детстве как случайного условия, оттесняющего от нормальной сексуальной цели и побуждающего к ее замещению.

17. Более глубокое психоаналитическое исследование привело к правильной критике утверждения Бине. Все относящиеся сюда наблюдения имеют своим содержанием первое столкновение с фетишем, при котором этот фетиш оказывается уже привлекающим сексуальный интерес, между тем как из сопровождающих обстоятельств нельзя понять, каким образом он овладел этим интересом. Кроме того, все эти сексуальные впечатления «раннего детства» приходится на возраст после 5—6-го года, между тем как психоанализ заставляет сомневаться в том, могут ли еще в таком позднем возрасте вновь образоваться патологические фиксации. Истинное положение вещей состоит в том, что за первым воспоминанием о появлении фетиша лежит погибшая и забытая фаза сексуального развития, которая замещена фетишем как «покрывающим воспоминанием», остатком и осадком которого и является фетиш. Поворот этой совпадающей с первыми детскими годами развития фазы в сторону фетишизма, как и выбор самого фетиша, детерминированы конституцией.

18. Соответственно этому ботинок или туфля является символом женских гениталий.

19. Психопсихический анализ заполнил имевшийся еще изъян в понимании фетишизма, указав на значение оставленного благодаря вытеснению копрофильного

обонятельного наслаждения (Riechlust) при выборе фетиша. Нога и волосы представляют собой сильно пахнущие объекты, становящиеся фетишами после отказа от ставших неприятными обонятельных ощущений. В перверзии, состоящей из фетишизма ноги, сексуальным объектом всегда является грязная, дурно пахнущая нога. Другой материал для объяснения предпочтения, оказываемого ноге как фетишу, вытекает из инфантильных сексуальных теорий (см. ниже). Нога заменяет недостающий пенис у женщины. В некоторых случаях фетишизма ноги удалось доказать, что направленное первоначально на гениталии влечение к подглядыванию, стремившееся снизу приблизиться к своему объекту, задержалось на своем пути благодаря запрещению и вытеснению и сохранило поэтому ногу или башмак как фетиш. Женские гениталии, в соответствии с детскими представлениями, рисовались воображению как мужские.

²⁰ Как мне кажется, не подлежит никакому сомнению, что понятие «красивого» коренится в сексуальном возбуждении и первоначально означает возбуждающее сексуально («прелести»). С этим связан тот факт, что сами гениталии, вид которых вызывает самое сильное сексуальное возбуждение, мы никогда, собственно, не находим «красивыми».

²¹ Анализ открывает у этой перверзии — как и у большинства других — неожиданное многообразие мотивов и значений. Навязчивость эксгибиционизма, например, сильно зависит еще от кастрационного комплекса; благодаря ему при эксгибиционизме постоянно подчеркивается цельность собственных мужских гениталий и повторяется детское удовлетворение по поводу отсутствия такого органа у женщин.

²² По этому поводу ср. помещенное ниже сообщение о прегенитальной фазе сексуального развития, в котором подтверждается этот взгляд.

²³ Вместо многих доказательств для подтверждения этого взгляда цитирую только место из Хэблока Эллиса (Ellis H. Das Geschlechtsgefühl, 1903): «Все известные случаи садизма и мазохизма, даже описанные Крафт-Эбингом, всегда носят следы (как уже доказали Колен, Скотт и Фере) обеих групп явлений у одного и того же индивида».

²⁴ Ср. упомянутую ниже «амбивалентность».

²⁵ Эти сдерживающие сексуальное развитие силы — отвращение, стыд, мораль — необходимо, с другой стороны, рассматривать как исторический осадок внешних задержек, которые испытало сексуальное влечение в психогенезе человечества. Можно наблюдать, как в развитии отдельного человека они появляются в свое время сами по себе, следуя намекам воспитания и стороннего влияния.

²⁶ Забегая вперед, я замечу относительно развития перверзий, что есть основание предполагать, что до фиксации их совершенно так же, как при фетишизме, имели место зачатки нормального сексуального развития. До сих пор аналитическое исследование могло в отдельных случаях показать, что и перверзия является осадком развития доэдипова комплекса, после вытеснения которого снова выступают самые сильные врожденные компоненты сексуального влечения.

²⁷ Только дополнением, но не ограничением этого заявления может послужить изменение его следующим образом: нервные симптомы основыва-

ются, с одной стороны, на требовании либидозных влечений, с другой — на требовании Я реакции против них.

²⁸ Studien über Hysterie. 1895. И. Брейер говорит о своей пациентке, к которой он впервые применил катартический метод: «Сексуальный момент был удивительно неразвит».

²⁹ Ясно сознаваемые фантазии перверзных, воплощаемые при благоприятных обстоятельствах в действиях, проецированы во враждебном смысле на других: бредовые опасения параноиков и бессознательные фантазии истериков, открываемые психоанализом как основа их симптомов, по содержанию совпадают до мельчайших деталей.

³⁰ Психоневроз часто соединяется с явной инверсией, причем гетеросексуальное течение становится жертвой полного подавления. Отдавая справедливость мысли, на которую я был наведен, сообщаю, что только частное замечание В. Флисса в Берлине обратило мое внимание на закономерную склонность к инверсиям у всех психоневротиков, после того как я открыл ее в отдельных случаях. Этот недостаточно оцененный факт должен был бы оказать большое влияние на все теории гомосексуальности.

³¹ Нелегко здесь доказать правильность этого предположения, почерпнутого из изучения определенного класса невротических заболеваний. С другой стороны, однако, невозможно сказать что-нибудь заслуживающее внимания о влечении, отказавшись от указания на это предположение.

³² Здесь необходимо вспомнить положение Молля, который разлагает сексуальное влечение на контректационное и детумесцентное влечения. Контректация (contrectation) означает потребность в кожных прикосновениях.

³³ Невозможно также правильно оценить вклад наследственности, не отдав должного значения детству.

³⁴ Высказанное здесь мнение показалось мне самому потом таким рискованным, что я решил проверить его, просмотрев вторично литературу. В результате этого просмотра я оставляю это место без изменений. Научная разработка телесных и душевных феноменов сексуальности в детском возрасте находится еще в зачаточном состоянии. Один автор — С. Белл (Bell S. A preliminary study of the emotion of love between the sexes // American Journal of Psychology, XIII, 1902) говорит: «Я не знаю ни одного ученого, который дал бы обстоятельный анализ эмоции такой, какова она в юности». Соматические сексуальные проявления до периода возмужалости привлекли внимание только как признаки вырождения и в связи с явлениями вырождения. Глава о любовной жизни детей отсутствует как во всех описаниях психологии этого возраста, которые я читал, так и в известных произведениях Преьера, Болдуина (Die Entwicklung des Geistes beim Kinde und bei der Rasse. 1898), Пере (L'enfant de 3—7 ans. 1894), Штрюмпеля (Die pädagogische Pathologie. 1899), Карла Гросса (Das Seelenleben des Kindes, 1904), Т. Геллера (Grundriss der Heilpädagogik. 1904), Сюлли (Untersuchungen über die Kindheit. 1897) и др. Самое лучшее представление о теперешнем положении вещей в этой области получаешь из газеты «Die Kinderfehler» (начиная с 1891 г.). Все же убеждаешься, что существование любви в детском возрасте открывать уже не приходится. Пере (l. c.) отстаивает ее, у К. Гросса (Игры людей. 1899) упоминается, как нечто общеизвестное, что некоторым

детям уже в очень раннем возрасте доступны сексуальные стремления и они ощущают потребность в прикосновении к другому полу (S. 336); самый ранний случай появления половых любовных переживаний (sex-love), по наблюдениям С. Белла, касался ребенка в середине третьего года. По этому поводу сравни еще: Ellis H. Das Geschlechtsgefühl (нем. перевод Kurella). 1903. Appendix, II.

Вышеупомянутое суждение о литературе по детской сексуальности должно быть изменено после появления обширного труда Стенли Холла (Hall S. Adolescence, its psychology and its relation to physiology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education. 2 vol. N. Y., 1908). Вновь появившаяся книга А. Молля «Das Sexualleben des Kindes» не дает повода к такой модификации. Смотри зато: Bleuler. Sexuelle Abnormitäten der Kinder // Jahrbuch der Schweizerischen Gesellschaft für Schulgesundheitspflege. IX, 1908.

Книга д-ра Г. Гуг-Гелльмута «Aus dem Seelenleben des Kindes», 1913, полностью считалась с сексуальным фактором, на который до того не обращали внимания.

³⁵ Связанную с самыми ранними детскими воспоминаниями проблему я пытался разрешить в статье «Über Deckerinnerungen» (Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie. VI, 1899).

³⁶ Невозможно понять механизм вытеснения, если принимать во внимание только один из этих двух совместно действующих процессов. Для сравнения может служить способ, пользуясь которым туристов поднимают на вершину большой пирамиды в Гизе: с одной стороны, их подталкивают, а с другой — тащат.

³⁷ Последний материал может быть использован здесь в верном расчете на то, что детские годы взрослых невротиков не отличаются в этом отношении от детских лет здоровых людей ничем существенным, кроме как в отношении интенсивности и ясности.

³⁸ Возможная анатомическая аналогия того проявления инфантильных сексуальных функций, о которой я говорил, дается открытием Байера (Deutsche Archiv für klinische Medizin, Bd. 73), что внутренние половые органы (uterus) новорожденных обыкновенно больше, чем детей старшего возраста. Однако взгляд на эту установленную Хальбаном и для других частей генитального аппарата инволюцию после рождения не окончательно установлен. По Хальбану (Zeitschrift für Geburtshilfe und Gynäkologie. LIII, 1904), этот регрессивный процесс приходит к концу в течение нескольких недель внеутробной жизни.

Авторы, видящие в интерстициальной части половой железы орган, определяющий пол, благодаря анатомическим исследованиям пришли, в свою очередь, к утверждению о существовании инфантильной сексуальности и латентного сексуального периода. Цитирую из упомянутой выше книги Липшютца о пубертатной железе: «...Скорее соответствует фактам утверждение, что созревание половых признаков, как оно происходит в пубертатном периоде, протекает только вследствие сильно ускоренного течения процессов, начавшихся гораздо раньше, по нашему мнению, уже в эмбриональной жизни» (с. 169). «То, что до сих пор называлось просто периодом половой зрелости, представляет собой, вероятно, только "вторую большую фазу

полового созревания", начинающуюся в середине второго десятилетия». Детский возраст до начала второй большой фазы можно было бы назвать «срединной фазой полового созревания» (с. 170).

Это, подчеркнутое Ференци (Intern. Zeitschrift f. Psychoanalyse. VI, 1920), сходство анатомических находок с психологическим наблюдением нарушается только одним указанием, что «первый кульминационный пункт» развития сексуального органа приходится в ранний эмбриональный период, между тем как ранний расцвет детской сексуальной жизни нужно перенести в возраст третьего—четвертого года. Полного совпадения во времени анатомического формирования и психического развития, разумеется, не требуется. Соответствующие исследования сделаны над половой железой человека. Так как у животного латентного периода в психологическом смысле не бывает, то важно было бы знать, можно ли доказать и у других высших животных те же анатомические данные, на основании которых авторы предполагают два кульминационных пункта сексуального развития.

³⁹ Название «сексуальный латентный период» я также заимствую у В. Флисса.

⁴⁰ В случае, о котором здесь идет речь, сублимация сексуальных сил влечения идет по пути реактивным образований. В общем, однако, необходимо различать понятия о сублимации и реактивных образованиях как о двух совершенно различных процессах. Сублимация возможно и посредством других и более простых механизмов.

⁴¹ В «Jahrbuch für Kinderheitskunde». N. F., XIV, 1879.

⁴² Здесь уже проявляется то, что имеет значение в течение всей жизни: сексуальное удовлетворение представляет собой самое лучшее снотворное средство. Большинство случаев бессонницы на нервной почве объясняется сексуальной неудовлетворенностью. Известно, что бессовестные няньки усыпляют плачущих детей поглаживанием их гениталий.

⁴³ Д-р Галант опубликовал в 1919 г. в «Neurolog. Zentralblatt» № 20 под заглавием «Das Lutscherli» исповедь взрослой девушки, не отказавшейся от этой детской формы сексуальных действий, и описывает удовлетворение от сосания как вполне аналогичное сексуальному удовлетворению, особенно от поцелуя возлюбленного.

«Не все поцелуи похожи на Lutscherli; нет, нет, далеко не все! Невозможно описать, как приятно становится во всем теле от сосания: совсем уносишься от этого мира, появляется полное удовлетворение, ощущение счастья и отсутствие всякого желания. Охватывает удивительное чувство; хочется только покоя, который ничем не должен нарушаться. Это несказанно прекрасно: не чувствуешь ни боли, ни страданий и уносишься в другой мир».

⁴⁴ Хотя Х. Эллис определил термин «аутоэротический» несколько иначе — в смысле возбуждения, вызванного не извне, но возникающего изнутри. Для психоанализа существенное значение имеет не происхождение, а отношение к объекту.

⁴⁵ Дальнейшие соображения и другие наблюдения заставляют приписывать свойство эрогенности всем частям тела и внутренним органам. По этому поводу ср. ниже сказанное о нарциссизме.

⁴⁶ В биологических рассуждениях почти невозможно уйти от того, чтобы не прибегать к телеологическому образу мыслей, хотя хорошо известно, что в отдельных случаях нельзя быть застрахованным от ошибки.

⁴⁷ По этому поводу см. богатую, но большей частью плохо ориентированную по своим взглядам литературу об онанизме, например: Rohleder. Die Masturbation. 1899; далее II книга венской дискуссии (Die Onanie. Wiesbaden, 1912).

⁴⁸ Ср. статью «Charaktet und Analerotik» в «Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre». Bd. 2, 1909; далее: «Über Ttiebumsetzung, ins besondere der Analerotik» в «Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre». Bd. 4, 1918.

⁴⁹ В работе, необыкновенно углубляющей наше понимание значения анальной эротики («Anal» und «Sexual» // Imago. IV, 1916), Лу Андреа Саломе указала, что история первого запрещения, предъявленного ребенку, запрещения получать удовольствие от анальной функции и ее продуктов, является решающим для всего его развития. Маленькое существо должно при этом впервые почувствовать враждебный его влечениям окружающий мир, научиться отделять свое собственное существо от этого чуждого ему мира и затем совершить первое «вытеснение» возможного для него наслаждения. С этого времени «анальное» остается символом всего, что необходимо отбросить, устранить из жизни. Требуемому позже отделению анальных процессов от генитальных мешают близкие анатомическая и функциональная аналогии и зависимости между обеими. Генитальный аппарат остается по соседству с клоакой, «у женщины даже только позаимствован у нее».

⁵⁰ Необычные приемы при онанизме в более поздние годы указывают, по-видимому, на влияние преодоленного запрещения онанировать.

⁵¹ Исчерпывающего аналитического объяснения ждет еще тот факт, что сознание вины невротиков всегда, как это еще недавно признал Блейлер, связывается с воспоминаниями об онанистических действиях по большей части периода полового созревания. Самый грубый и важный фактор этой зависимости составляет, вероятно, факт, что онанизм является воплощением всей инфантильной сексуальности и потому способен взять на себя все чувство вины, относящееся к этой сексуальности.

⁵² Х. Эллис в добавлении к своему труду о половом чувстве (1903) приводит несколько автобиографических отчетов лиц, которые остались в дальнейшем по большей части нормальными, об их первых переживаниях в детстве и о поводах к этим переживаниям. Эти сообщения страдают, понятно, тем недостатком, что не содержат доисторического периода половой жизни, покрытого инфантильной амнезией, который может быть дополнен только при помощи психоанализа у ставшего нервнобольным индивида. Но эти сообщения все же ценны во многих отношениях, и расспросы подобного же рода заставили меня сделать упомянутое в тексте изменение предполагаемой мной этиологии истерии.

⁵³ На вышеизложенные в 1905 г. утверждения об инфантильной сексуальности по существу мне дали право результаты психоаналитического исследования взрослых. Непосредственные наблюдения над ребенком не могли тогда быть в полной мере использованы и дали только отдельные намеки

и ценные подтверждения. С тех пор удалось благодаря анализу отдельных случаев нервных заболеваний в раннем детском возрасте непосредственно изучить инфантильную психосексуальность (*Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen*. Bd. 1, 1909, и след.). С удовлетворением могу указать на то, что непосредственное наблюдение вполне подтвердило выводы психоанализа и этим дало хорошее доказательство того, что этот метод исследования заслуживает полного доверия.

«Анализ фобии пятилетнего мальчика» научил, кроме того, еще многому новому, к чему не были подготовлены психоанализом, например тому, что сексуальная символика, изображение сексуального при помощи несексуальных объектов и отношений начинается с первых же лет того периода, когда ребенок овладевает речью. Далее мое внимание обращают на недостаток вышеизложенного, в котором в интересах ясности различие в понятиях обеих фаз аутоэротизма и любви к объекту описывается как различное и во времени. Но из упомянутого анализа (как и из сообщений Белла: см. выше) видно, что дети в возрасте от 3 до 5 лет способны на очень ясный, сопровождающийся сильными аффектами выбор объекта.

⁵⁴ С полным правом можно говорить о кастрационном комплексе у женщин. И мальчики, и девочки создают теорию, что и у женщины первоначально имелся пенис, утраченный вследствие кастрации. Явившееся в конце концов убеждение в отсутствии пениса у женщины оставляет у мужского индивида часто навсегда пренебрежительное чувство к другому полу.

⁵⁵ Ср. работу Абрахама об остатках этой фазы у взрослых невротиков: *Untersuchungen über die früheste prägenitale Entwicklungsstufe der Libido // Intern. Zeitschrift f. arztl. Psychoan.* IV, 1916.

⁵⁶ Многие лица могут вспомнить, что, качаясь на качелях, они ощущают напор движущегося воздуха на гениталии прямо-таки как сексуальное удовольствие.

⁵⁷ Анализ случаев невротических болезней — неспособности ходить и страха пространства — устраняет сомнения в сексуальной природе наслаждения от движения. Современное культурное воспитание, как известно, пользуется в широких размерах спортом, чтобы отвлечь молодежь от сексуальной деятельности; правильнее было бы сказать, что оно заменяет сексуальное наслаждение наслаждением от движения и направляет сексуальную деятельность обратно на один из ее аутоэротических компонентов.

⁵⁸ Обязательный вывод из вышеизложенного требует, чтобы каждому индивиду приписывалась оральная, анальная, уретральная и т. д. эротика и что констатация соответствующих этим эротикам душевных комплексов не означает суждения о ненормальности или неврозе. Различие, отличающее нормального человека от ненормального, может состоять только в относительной силе удельных компонентов сексуального влечения и в использовании их в ходе развития.

⁵⁹ Изложенное в тексте схематическое описание старается подчеркнуть различие. Насколько инфантильная сексуальность своим выбором объекта и выделением фаллической фазы приближается к окончательной сексуальной организации, указывается выше.

⁶⁰ См. появившийся в 1905 г. мой труд «*Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten*»; возникающим вследствие приемов остроумия «предва-

рительным» наслаждением пользуются для того, чтобы дать выход большому наслаждению благодаря уничтожению внутренних задержек.

⁶¹ Очень поучительно, что немецкий язык употреблением слова «Lust» — наслаждение считается с упомянутой в тексте ролью подготовительного сексуального возбуждения, которое одновременно дает некоторое удовлетворение и некоторую сумму сексуального напряжения. «Lust» имеет двойное значение, означая как ощущение сексуального напряжения (Ich habe Lust — я хотел бы, чувствую необходимость), так и удовлетворение.

⁶² См.: Zur Einführung des Narzismus // Jahrb. für Psychoanalyse. II, 1913. Термин «нарциссизм» создан не Некке, как там по ошибке указано, а Х. Эллисом.

⁶³ Необходимо признать, что понятия «мужской» и «женский», содержание которых по общепринятому мнению кажется таким недвусмысленным, принадлежат в науке к самым запутанным и поддаются разложению по меньшей мере в трех направлениях. Говорят «мужской» и «женский» то в смысле активности и пассивности, то в биологическом, а также в социологическом смысле. Первое из этих трех значений — самое существенное и единственно используемое в психоанализе. Соответственно этому значению либидо выше в тексте называется мужским, потому что влечение всегда активно, даже тогда, когда имеет пассивную цель. Второе, биологическое значение мужского и женского допускает самое ясное определение. Мужское и женское характеризуется здесь присутствием сперматозоидов или яйцеклеток и обусловленных ими функций. Активность и ее побочные проявления, более сильное развитие мускулатуры, агрессивность, большая интенсивность либидо обыкновенно сливаются с биологической мужественностью, но не связаны с ней обязательно, потому что имеются породы животных, у которых этими свойствами наделены женские особи. Третье, социологическое значение получает свое содержание благодаря наблюдению над действительно существующими мужскими и женскими индивидами. Эти наблюдения у людей показывают, что ни в психологическом, ни в биологическом смысле не встречается чистой мужественности или женственности. У каждой личности в отдельности наблюдается смесь ее биологических половых признаков с биологическими чертами другого пола и соединение активности и пассивности — как поскольку эти психические черты зависят от биологических, так и поскольку они не зависят от последних.

⁶⁴ Психоанализ показывает, что имеются два пути нахождения объекта: во-первых, описанный в тексте, который совершается с опорой на прообраз раннего детства, и, во-вторых, нарциссический, который ищет собственное Я и находит его в другом. Этот последний имеет особенно большое значение для патологического исхода, но не имеет прямой связи с обсуждаемой здесь темой.

⁶⁵ Те, кому эти взгляды покажутся «кошунством», пусть прочтут исследование отношений между матерью и ребенком у Х. Эллиса, почти совпадающее по своему смыслу с нашими (Das Geschlechtsgefühl. S. 16).

⁶⁶ Объяснением происхождения детского страха я обязан 3-летнему мальчику; однажды я слышал, как он из темной комнаты просил: «Тетя, поговори со мной: я боюсь, потому что так темно». Тетка ответила ему: «Что тебе

с того? Ведь ты меня не видишь». «Это ничего не значит, — ответил ребенок, — когда кто-нибудь говорит, то становится светло». Он боялся, следовательно, не темноты, а того, что ему не хватало любимого человека, и мог обещать, что успокоится, как только получит доказательство его присутствия. Тот факт, что невротический страх происходит из либидо, представляет собой продукт его превращения, относится, следовательно, к либидо, как укус к вину, является одним из самых значительных результатов психоаналитического исследования. Дальнейшее обсуждение этой проблемы см. в моих лекциях «Введение в психоанализ», где, однако, все же не дано окончательного объяснения.

⁶⁷ Ср. сказанное о выборе объекта у ребенка: «нежное течение».

⁶⁸ Ограничение инцеста принадлежит, вероятно, к историческим завоеваниям человечества и, подобно другим нравственным требованиям табу, зафиксировано у многих индивидов органическим унаследованием. (Ср. мое сочинение «Тотем и табу». 1913.) Все же психоаналитическое исследование показывает, как интенсивно еще каждый в отдельности в своем развитии борется с искушениями инцеста и как часто поддается им в своей фантазии и даже в действительности.

⁶⁹ Фантазии в период полового созревания имеют связь с прекращенным в детстве инфантильным сенсуальным исследованием и захватывают еще часть латентного периода. Они могут быть совсем или по большей части бессознательными, и поэтому часто невозможно точно установить сроки их появления. Они имеют большое значение для возникновения разных симптомов, так как являются непосредственной предварительной ступенью их, т. е. представляют собой те формы, в которых находят свое удовлетворение вытесненные компоненты либидо. То же самое представляет собой то, что лежит в основе ночных фантазий, достигающих сознания как сновидение. Сновидения часто представляют собой только воскресшие фантазии такого рода под влиянием и в связи с каким-нибудь дневным раздражением, застрявшим из состояния бодрствования («остатки дневных впечатлений»). Среди сексуальных фантазий периода половой зрелости выделяются некоторые, отличающиеся тем, что повсеместно распространены и отличаются большой независимостью от индивидуальных переживаний отдельного человека. Таковы фантазии о подглядывании за половым сношением родителей, о соблазнении в раннем детстве любимым лицом, об угрозах кастрацией, фантазии о пребывании и даже о переживаниях в материнском чреве и так называемый «семейный роман», в котором подрастающий юноша реагирует на различие его направленности к родителям в настоящее время и в детстве. Близкое отношение этих фантазий к мифу доказал О. Ранк в своем труде «Das Mythos von der Geburt des Helden». 1909.

⁷⁰ Правильно утверждают, что Эдипов комплекс составляет комплексное ядро неврозов, представляя собой существенную часть их содержания. В нем завершается инфантильная сексуальность, оказывающая решающие влияния своим действием на сексуальность взрослых. Каждому новорожденному предстоит задача преодолеть Эдипов комплекс; кто не в состоянии это сделать, заболевает неврозом. Успех психоаналитической работы все яснее показывает это значение Эдипова комплекса: признание его стало тем

шибболетом, по которому можно отличить сторонников психоанализа от его противников.

⁷¹ Ср. сказанное о неизбежном роке в сказании об Эдипе («Толкование сновидений»).

⁷² Бесчисленные особенности любовной жизни человека и навязчивость самой влюбленности можно вообще понять, только установив их отношение к детству и сохранившееся влияние этого детства.

⁷³ Это относится не только к возникающему в неврозе «негативу» склонностей к перверзии, но также и к положительным, называемым собственно перверзиями. Эти последние объясняются, следовательно, не только фиксацией инфантильных склонностей, но и регрессией к ним вследствие преграждения других путей сексуального течения. Поэтому и положительные перверзии доступны психоаналитической терапии.

⁷⁴ При этом часто видишь, что с наступлением половой зрелости сначала проходит нормальное сексуальное течение, которое, однако, вследствие своей внутренней слабости терпит крушение при первых внешних препятствиях и сменяется регрессией к первой фиксации.

⁷⁵ За некоторыми чертами характера признана была даже связь с определенными эрогенными компонентами. Так, упрямство, скупость и любовь к порядку происходят из анальной эротики. Честолюбие предопределяется сильным уретрально-эротическим предрасположением.

⁷⁶ Такой знаток человеческой души, как Э. Золя, описывает в «Радости жизни» девушку, которая в радостном самопожертвовании отдает любимым лицам все, что имеет и на что имеет притязание, свое имущество и свои надежды без награды с их стороны. В детстве эта девушка находилась во власти ненасытной потребности в нежности, которая превращается в жестокость, если оказано предпочтение другой.

⁷⁷ Возможно, что увеличение цепкости является также следствием особенно интенсивных соматических сексуальных проявлений в ранние годы.

АНАЛИЗ ФОБИИ ПЯТИЛЕТНЕГО МАЛЬЧИКА

(Фрагмент)

Зигмунд Фрейд

Прежде чем я приступлю к своим кратким замечаниям по поводу того, что можно извлечь ценного из фобии маленького Ганса для жизни и воспитания детей, я должен ответить на возражение, что Ганс — невротик,отягченный наследственностью дегенерат и ненормальный ребенок по сравнению с другими детьми. Мне уже заранее досадно думать, как сторонники существования «нормального человека» будут третировать нашего бедного маленького Ганса после того, как узнают, что у него действительно можно отметить наследственное отягощение.

Я в свое время пришел на помощь его матери, которая в своем конфликте девичьего периода заболела неврозом, и это даже было началом моих отношений с его родителями. Но я позволяю себе лишь с большой робостью привести кое-что в его защиту.

Прежде всего Ганс совсем не то, что после строгого наблюдения можно было бы назвать дегенеративным, наследственно обреченным на нервозность ребенком. Наоборот, это скорее физически хорошо развитый, веселый, любезный, с живым умом мальчишка, который может вызвать радость не только у отца. Конечно, не подлежит сомнению его раннее половое развитие, ко для правильного суждения у нас нет достаточного сравнительного материала. Так, например, из одного массового исследования, произведенного в Америке, я мог

ЧИКА

видеть, что подобные же ранний выбор объекта и любовные ощущения у мальчиков вовсе не так редки; а так как то же известно и из истории детства «великих» людей, то я склонен был думать, что раннее сексуальное развитие является редко отсутствующим коррелятом интеллектуального развития, и поэтому оно встречается чаще у одаренных детей, чем это можно было ожидать.

Открыто сознаваясь в моем равнодушии к маленькому Гансу, я должен заявить, что он не единственный ребенок, который в периоде детства был одержим фобиями. Известно, что эти заболевания необыкновенно часты, и даже у таких детей, воспитание которых по строгости не оставляет желать ничего большего. Такие дети позже или делаются невротиками, или остаются здоровыми. Их фобии заглушаются в детской, потому что для лечения они недоступны и, наверное, весьма неудобны. В течение месяцев или лет эти фобии ослабевают и кажутся излеченными; какие психические изменения обуславливает подобное излечение, какие связаны с ними изменения характера, об этом никто не знает. И когда приступаешь к психоанализу взрослого невротика, у которого болезнь, предположим, обнаружилась только в годы зрелости, то каждый раз узнаешь, что его невроз связан с таким детским страхом и представляет только продолжение его и что непрерывная и в то же время ничем не стесненная психическая работа, начинаясь с детских конфликтов, продолжается и дальше в жизни независимо от того, отличался ли первый симптом постоянством или под давлением обстоятельств исчезал. Таким образом, я думаю, что наш Ганс был болен не сильнее, чем столь многие другие дети, которые не носят клички дегенератов; но так как его воспитывали возможно бережнее, без строгостей и с возможно малым принуждением, то и его страх проявлялся более открыто. У этого страха не было мотивов нечистой совести и страха перед наказанием, которые, наверное, обыкновенно оказывают влияние на его уменьшение. Я склонен думать, что мы обращаем слишком много внимания на симптомы и мало заботимся о том, откуда они происходят. Ведь в деле воспитания детей мы ничего больше не желаем, как покоя, не жела-

ем переживать никаких трудностей, короче говоря, мы культивируем послушного ребенка и слишком мало обращаем внимания, полезен ли для него такой ход развития. Итак, я могу предположить, что продуцирование фобии Гансом было для него целительным, потому что: 1) оно направило внимание родителей на неизбежные трудности, которые ребенку при современном культурном воспитании приносит преодоление прирожденных компонентов влечения, 2) потому что его болезнь повлекла за собой помощь со стороны отца. Быть может, у него даже есть то преимущество перед другими детьми, что он больше не носит в себе того ядра вытесненных комплексов, которое для будущей жизни всякий раз должно иметь какое-нибудь значение. Оно (ядро), наверно, приводит в известной мере к неправильностям в развитии характера, если не к предрасположению к будущему неврозу. Я склонен так думать, но я не знаю, разделят ли мое мнение и другие, подтвердит ли все это опыт.

Но должен спросить, чем повредили Гансу выведенные на свет комплексы, которые не только вытесняются детьми, но которых боятся и родители? Разве мальчик начал серьезно относиться к своим претензиям на мать или место дурных намерений по отношению к отцу заняли поступки? Этого, наверно, боялись бы все те, которые не могут оценить сущность психоанализа и думают, что можно усилить дурные побуждения, если сделать их сознательными. Эти мудрецы только тогда поступают последовательно, когда они всячески убеждают не заниматься всеми теми дурными вещами, которые кроются за неврозом. Во всяком случае они при этом забывают, что они врачи, и у них обнаруживается фатальное сходство с шекспировским Кизилом в «Много шума из ничего», который тоже дает страже совет держаться подальше от всякого общения с попавшимися ворами и разбойниками. Подобный сброд вовсе не компания для честных людей!

Наоборот, единственные последствия анализа — это то, что Ганс выздоравливает, не боится больше лошадей и начинает относиться к отцу непринужденнее, о чем последний сообщает с усмешкой. Но все, что отец теряет в уважении, он выигрывает в доверии. «Я думал, что ты знаешь все, пото-

му что ты знал это о лошади». Благодаря анализу успешность в вытеснении не уменьшается, влечения, которые были в свое время подавлены, остаются подавленными. Но успех приходит другим путем, так как анализ замещает автоматический и экспрессивный процесс вытеснения планомерной и целесообразной переработкой при помощи высших духовных инстанций. Одним словом, он замещает вытеснение осуждением. Как нам кажется, анализ дает давно ожидаемое доказательство того, что сознанию присуща биологическая функция, и его участие приносит значительную выгоду.

Если бы я мог сам все устроить по-своему, я решился бы дать мальчику еще одно разъяснение, которого родители не сделали. Я подтвердил бы его настойчивые предчувствия, рассказав ему о существовании влагалища и коитуса, и таким образом еще больше уменьшил бы неразрешенный остаток и положил бы конец его стремлению к задаванию вопросов. Я убежден, что вследствие этих разъяснений не пострадала бы ни его любовь к матери, ни его детский характер, и он понял бы, что с занятиями этими важными, даже импозантными вопросами нужно подождать, пока не исполнится его желание стать большим. Но педагогический эксперимент не зашел так далеко.

Что между «нервными» и «нормальными» детьми и взрослыми нельзя провести резкой границы, что болезнь — это чисто практическое суммарное понятие, что предрасположение и переживание должны встретиться, чтобы переступить порог достижения этой суммирования, что вследствие этого то и дело многие индивидуумы переходят из класса здоровых в разряд нервных, — все это вещи, о которых уже столько людей говорило и столько поддерживало, что я со своими утверждениями, наверное, окажусь не одиноким. Что воспитание ребенка может оказать мощное влияние в пользу или во вред предрасположению к болезни при этом процессе суммирования, считается по меньшей мере весьма вероятным. Но чего надо добиваться при воспитании и где надо в него вмешаться, пока остается под вопросом.

До сих пор воспитание всегда ставило себе задачей обуздание или правильное подавление влечений; успех получался

далеко не удовлетворительный, а там, где он имелся, то — к выгоде небольшого числа людей, для которых такого подавления и не требовалось. Никто также не спрашивал себя, каким путем и с какими жертвами достигается подавление неудобных влечений. Но попробуем эту задачу заменить другой, а именно — сделать индивидуума при наименьших потерях в его активности пригодным для культурной социальной жизни. Тогда нужно принять во внимание все разъяснения, полученные от психоанализа, по поводу происхождения патогенных комплексов и ядра всякой нервозности, и воспитатель найдет уже в этом неоценимые указания, как держать себя по отношению к ребенку. Какие практические выводы можно отсюда извлечь и насколько наш опыт может оправдать реализацию этих выводов в нашей жизни при современных социальных отношениях, я предоставляю другим для испытания и разрешения.

Я не могу расстаться с фобией нашего маленького пациента, не высказав предположения, которое делает для меня особенно ценным этот анализ, приведший к излечению. Строго говоря, из этого анализа я не узнал ничего нового, ничего такого, чего я уже раньше, быть может, в менее отчетливой и непосредственной форме не мог угадать у других взрослых. Неврозы этих других больных каждый раз можно бы свести к таким же инфантильным комплексам, которые открывались за фобией Ганса. Поэтому я считал бы возможным считать этот детский невроз типичным и образцовым, как если бы ничто не мешало приписывать разнообразие невротических явлений вытеснения и богатство патогенного материала происхождению от очень немногих процессов с одними и теми же комплексами представлений.

И
ПРЕГЕНИ

«Три очер
вые в 1906 г.
их взглядов п
и это изложен
щим. Но в с
расширились
шее недавно
Завоевани
допустить су
развития дет
вующего мес
их «прегени
В последу
этих приним
основывается
материал соб
шеупоманут
следовательно
ние в смысл
черкнуть эт
шаг в разра
тому, поро
при первом

ИССЛЕДОВАНИЯ О САМОЙ РАННЕЙ ПРЕГЕНИТАЛЬНОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ ЛИБИДО

Карл Абрахам

I

«Три очерка по теории сексуальности» появились впервые в 1906 г. В них Фрейд дал синтетическое изложение своих взглядов по вопросу о сексуальности в детском возрасте, и это изложение мы и сегодня вправе считать основополагающим. Но в самое последнее время взгляды эти несколько расширились и дополнились, о чем свидетельствует и вышедшее недавно третье издание названной работы.

Завоевания психоаналитического опыта вынуждают нас допустить существование известных стадий в ранних фазах развития детского либидо. В них еще не отведено первенствующего места половым органам, поэтому Фрейд называет их «прегенитальными организациями» либидо.

В последующем изложении мы займемся самой ранней из этих принимаемых нами стадий развития. Наше изложение основывается на богатом эмпирическом материале, а весь этот материал собран задолго до теоретического установления вышеупомянутых стадий развития. При собирании материала, следовательно, не играло роли какое-либо предвзятое мнение в смысле теории о прегенитальных организациях. Подчеркнуть это я считаю все-таки нелишним, так как всякий шаг в разработке теории сексуальности способен, по-видимому, породить такие же возражения, какие раздались и при первом появлении «Трех очерков».

Я не могу, однако, излагать свои наблюдения и выводы, из них вытекающие, не бросив взгляда на те основы, на которых возникло учение о прегенитальных стадиях в развитии либидо.

Описывая самые ранние явления детской половой жизни, Фрейд мог сослаться на одного свидетеля, задолго до него поработавшего в этой области и сумевшего прийти к весьма новым, смелым и в то же время убедительным выводам. Эту важную предварительную работу произвел Линднер (Lindner), опубликовавший в 1879 г. этюд о сосании у ребенка. Либидозный характер этого процесса не ускользнул от только что упомянутого автора; он обратил внимание на интенсивность, с которой предаются дети сосанию, как оно поглощает все их внимание, несмотря на то, что оно вовсе не служит целям насыщения. Линднер подметил, кроме того, существование возбуждения, связанного с сосанием: возбуждение это возрастает до степени своего рода оргазма, а засыпание ребенка после этого процесса он расценил как результат достигнутого удовлетворения. Затем он подчеркнул и явления влечения к хватанию (Greiftrieb), которые сочетаются с сосанием, и установил всю постепенность перехода от сосания к мастурбации, процессу, уже вне всякого сомнения, сексуальному.

Фрейд примкнул к воззрениям Линднера. В детской сексуальности он нашел, кроме того, ряд особенностей, которые весьма явственно видны как раз на том же примере все того же примитивного инстинктивного проявления: на примере сосания. Во-первых, влечение направлено не на другой объект, но действует автоэротически. Во-вторых, примитивнейшее сексуальное проявление не представляет собой явления самостоятельного; оно опирается на функцию, играющую роль в поддержании жизни — всасывание пищи — оно, в сущности говоря, репродукция приятного раздражения, с которым ребенок познакомился при сосании пищи. В-третьих, достижение удовольствия связано с «эрогенной зоной», со слизистой оболочкой губ. Удовлетворение потребности в пище и удовлетворение эрогенной зоны неотделимы друг от друга в своих истоках в начальных моментах своего сущест-

ования. Слизистая оболочка губ должна, впрочем, обладать различной по степени эрогенностью, колеблющейся у разных детей, так как склонность к сосанию очень варьирует по своей интенсивности.

Фрейд приписал подобную же двойную функцию не только входному отверстию кишечного канала, но и выходному.

И это последнее отверстие в детском возрасте служит не одному только выделению, но выполняет также определенную роль в детской сексуальности и является эрогенной зоной. Ребенок старается вновь и вновь испытать те раздражения и ощущения, которые необходимым образом связаны с процессом опорожнения кишечника; ребенок может даже усиливать эти раздражения, задерживая содержимое кишечника. Следует принять во внимание, что эрогенность анальной зоны индивидуально колеблется, подобно эрогенности зоны губ. Произвольное повышение побочного удовольствия при дефекации является, совершенно так же как и сосание, вполне равнозначным генитальной мастурбации, ибо представляет собой раздражение эрогенной зоны; генитальная же мастурбация характерна уже для самого раннего детского возраста.

Наряду с этими автоэротическими явлениями раннего детства, Фрейд описал также и некоторые компоненты влечения, которым приходится иметь дело уже с другими лицами в качестве сексуальных объектов (любовь к разглядыванию и к показыванию, активный и пассивный компоненты жестокости). Эти частные влечения вначале еще не организованы в прочное единство, действуют самостоятельно и стремятся каждое само по себе к достижению наслаждения. И только позже эти эрогенные зоны и частные влечения подчиняются примату генитальной зоны; теперь сексуальность начинает служить делу продолжения рода, и вся эволюция приходит таким образом к своему нормальному завершению.

И вот совсем недавно Фрейд дал этим стадиям развития либидо, которые предваряют установление примата генитальной зоны, уже упомянутое нами в начале нашей статьи обобщенное название: он назвал эти стадии «прегенитальными». Речь здесь идет о предварительных или подготовительных стадиях бу-

дущей, «нормальной» сексуальности; эти стадии либидо ребенка проходят, как правило, таким образом, что окружающие даже и не замечают происходящих изменений. Но те же самые процессы, которые при нормальных условиях не привлекают никакого особого внимания, в патологических случаях, отмечает Фрейд, «активируются и становятся заметными и для грубого наблюдения».

Психоанализ невротиков дал нам возможность сделать заключение о существовании двух прегенитальных организаций; самая ранняя — оральная организация (ротовая); ее можно также назвать иначе, добавляет Фрейд, каннибальской. Как уже было указано выше, в этой стадии сексуальная деятельность еще не отделена от приема пищи. «Объект одной деятельности является одновременно и объектом другой, сексуальная цель состоит в поглощении объекта...». Тут Фрейд делает замечание, очень важное для понимания сосания: «Остаток этой фиктивной, навязанной нам патологией фазы организации можно видеть в сосании, при котором сексуальная деятельность, отделенная от деятельности питания, отказалась от постороннего объекта ради объекта на собственном теле».

Еще одна дальнейшая форма прегенитальной организации была разгадана с помощью психоанализа невротика навязчивости (Zwangsneurose). Вот слова Фрейда о ней: «Вторую прегенитальную фазу составляет садистско-анальная организация. Здесь уже развилась противоположность, проходящая через всю сексуальную жизнь, но она еще не может быть названа противоположностью мужского и женского, а должна называться противоположностью активности и пассивности. Активность проявляется благодаря влечению к овладению (Bemächtigungstrieb) со стороны мускулатуры тела, а эрогенная слизистая оболочка кишечника проявляет себя как орган с пассивной сексуальной целью; оба устремления имеют свои объекты, однако не совпадающие. Наряду с этим другие частные влечения проявляют свою деятельность автоэротическим образом. В этой фазе уже можно поэтому доказать сексуальную полярность и посторонний объект. Организации и подчинения функции продолжения рода еще нет».

Этих данных вполне достаточно для общих контуров современного состояния теории сексуальности, насколько это нужно для нашей темы. Что касается садистско-анальной организации, то в психоаналитической литературе уже существуют специальные работы, посвященные тем наблюдениям, которые привели к введению понятия этой фазы. Особенного внимания заслуживают сообщения Джонса (Jones) на эту тему, но самая ранняя «оральная» ступень развития продолжает оставаться менее изученной и ждет более подробного исследования.

Допустить ее существование, по выражению Фрейда, нас заставила патология. Этими словами уже почти сказано, что дело идет о таком процессе развития, который мало доступен для прямого наблюдения. Ребенок в этом раннем периоде еще не в состоянии помочь нам разобраться в том, что происходит в его влечениях, в его инстинктивной жизни. При нормальных условиях эта эволюция идет в детстве так спокойно, что большей частью нельзя отметить никаких резких явлений, указывающих наблюдателю, что происходят какие-то изменения. Впоследствии же, когда вступило в силу вытеснение, индивидуум, конечно, по природе вещей уже совершенно не в состоянии сообщить какие-либо сведения об этих самых ранних событиях в своей жизни.

Но данные нормальной эротики показывают определенно, что рот ничуть не теряет своего значения в качестве эрогенной зоны. Еще больше дает изучение половых извращений: рот может всецело принимать на себя роль сексуального органа — роль гениталий. И еще дальше: психоанализ невротиков показывает, что очень часто рот теряет свое значение эрогенной зоны только для сознания, но в бессознательном значении это сохраняется и дает знать о себе сознанию с помощью тех заменяющих образований (суррогатов, Ersatzbildungen), которые известны нам в качестве невротических симптомов. И мы обязаны психоанализу нашим знанием о том, что на эти явления мы должны смотреть как на инфантилизмы. Явления эти частью можно объяснить как результаты продолжающегося существования инфантильных влечений, существующих, однако, в сфере бессознательного; частью же

они выражение наступавшего в дальнейшем возврата к таким стадиям развития либидо, которые уже были преодолены данным индивидуумом, как раз в связи с теми явлениями, что разыгрываются на зоне рта. Фрейд еще в 1905 г. высказался в том смысле, что эти вытесненные инфантилизмы могут стать совершенно неузнаваемыми благодаря разнообразным модификациям и могут даже принимать совершенно противоположный первоначальному вид, подвергаясь значительному искажению. К примеру, невротики, у которых первоначально была особенно резко выражена эрогенность зоны рта (проявляющаяся, например, в сосании, которому они предавались целыми годами), в дальнейшем, в более зрелом возрасте часто страдают нервной рвотой. Очень возможно, что все эти наблюдения дают нам полное право делать выводы о существовании в прошлом ранней «оральной» стадии в развитии либидо, но они все-таки не дают нам никакой наглядной картины, никакого непосредственного представления об этом архаическом состоянии, от которого столь далеко отошла инстинктивная жизнь нормальной взрослого человека. В дальнейшем изложении я хотел бы поэтому обратить внимание на ряд явлений психопатологического характера, которые до сих пор были или почти не известны или же, во всяком случае, не обратили на себя должного внимания. Явления эти показывают, что и у взрослого человека встречается иногда совершенно определенное и положительное удерживание тех форм инстинктивной жизни, которые свойственны грудному младенцу; по этим явлениям мы видим, что либидо таких субъектов дает нам такую картину, которая до мельчайших деталей соответствует той оральной (или каннибальской) стадии развития, существование которой допускает Фрейд. Я расскажу в дальнейшем, поскольку это будет интересно в рамках нашей темы, о чрезвычайно резких явлениях, наблюдавшихся мною в одном из случаев. Явления эти помогут пролить свет на целый ряд психопатологических феноменов, до сих пор еще не подвергнутых специальному обследованию. Наконец, мы должны будем коснуться одного вопроса, возникающего в связи с новыми работами о психогенезе невроза навязчивости. Исследования Фрейда¹

и Джонса²
вследствие
влечений, во
себя от эти
что борьба
возврата к
зованию со
Правильно
быть подтве
ческих иссл
данных, кас
низации, сл
новый вклад
вопросу о во
ний; во-втор

Первое, о
лизу случая
ра (Bleuler).
общеизвестн
идеями, галл
пе этой боле
tia praesox (с
отдельному
simplex». У
что упомяну
Зато у них
стройства и
явления эти
заболевания
ассоциативн
в такой мер
психоанализ
Эта работа,
удается с ни
у невротика

и Джонса² показали, что явления навязчивости возникают вследствие отстранения от импульсов садистско-анальных влечений, вследствие того, что индивидуум старается оградить себя от этих импульсов. И тогда нетрудно прийти к мысли, что борьба, имеющая в виду ограждение от надвигающегося возврата к оральной организации, тоже может вести к образованию совершенно определенных и типических симптомов. Правильность этого предположения, по-видимому, может быть подтверждена некоторыми результатами психоаналитических исследований. И, кроме того, на основании изучения данных, касающихся наиболее ранней прегенитальной организации, следует сделать попытку в двойном смысле внести новый вклад в психоаналитическую теорию: во-первых, по вопросу о возникновении психических депрессивных состояний; во-вторых, по вопросу о «выборе невроза».

II

Первое, о чем я буду рассказывать, относится к психоанализу случая *dementia praecox*, или «Schizophrenia» Блейлера (Bleuler). Пациент этот, однако, не обнаруживал явлений общеизвестной клинической картины психоза с бредовыми идеями, галлюцинациями и т. п., а относился к той подгруппе этой болезни, которую принято называть «простой Dementia praecox (simplex)». Блейлер недавно подверг эту подгруппу отдельному обсуждению под наименованием «Schizophrenia simplex». У пациентов этой группы не наблюдается только что упомянутых грубых симптомов душевного расстройства. Зато у них отмечаются определенные ассоциативные расстройства и изменения эмоциональной жизни и влечений, и явления эти совершенно те же, что и в выраженных случаях заболевания, когда развиваются бредовые идеи и т. п. Но ассоциативная деятельность этих пациентов все-таки еще в такой мере упорядочена, что их можно подвергнуть психоанализу с тем же успехом, как и любого невротика. Эта работа, благодаря отсутствию различных задержек, удается с ними даже легче. Очень многие вещи, которые у невротика вытеснены, интенсивно не допускаются в созна-

ние и не могут быть высказаны, у этих больных, наоборот, подходят очень близко к сознанию и иногда высказываются без всякого сопротивления.

Мой больной принадлежал к семейству, в котором было уже несколько случаев тяжелой, кататонической *Dementiae praecox*. Он окончил среднее учебное заведение, и интеллектуальное дарование его было отнюдь не плохим. Но в университете, где не было строгой обязательности средней школы, где не было палки, он совершенно не подвигался вперед. Напротив, у него стали все сильнее и сильнее развиваться некоторые особенности, которыми он выделялся из числа других и раньше, еще будучи учеником средней школы. Когда он начал лечиться у меня, то поведение его во многих отношениях напоминало поведение глупого и дурашливого ребенка. Ничто не вызывало в нем серьезного интереса: ни его университетская специальность, ни какие-либо явления внешнего мира.

Он развлекался, самое большее, всякого рода пустяками и внешними явлениями, но внимание его фактически резко нарцисстическим образом устремлялось на его собственное «я». Его, например, могла очень долго и очень сильно занимать какая-нибудь игра слов, какие-нибудь незначительные выдумки.

Но собственное тело привлекало его интерес больше, чем все остальное. Генитальные и анальные ощущения имели для него величайшее значение. Он предавался, впрочем, не только генитальной мастурбации, но и анальной. В годы полового созревания он развлекался, играя своим калом, да и в дальнейшем он много внимания уделял своим выделениям; так, например, он находил удовольствие поглощать свое собственное семя. Но совершенно исключительную роль в качестве эрогенной зоны играл у него рот.

Как это часто бывает в подобных случаях, наш пациент вполне отдавал себе отчет в сексуальном характере таких явлений, которые объективный наблюдатель затруднился бы, вероятно, сразу отнести к числу сексуальных. Пациент обратил мое внимание на эрогенное значение рта: однажды он вдруг рассказал мне о «поллюциях изо рта», причем гово-

рил он о них так, как будто это явление известное и обыкновенное.

Я стал расспрашивать его об этом подробнее, и тогда он описал следующий процесс, часто у него повторяющийся. Он просыпается ночью после какого-нибудь волнующего его сновидения и замечает, что у него изо рта течет слюна. Затем он свободно предался своим ассоциациям и преподнес мне целую массу всяческих данных, иллюстрирующих эрогенное значение рта. Я приведу лишь те из них, которые особенно показательны в этом смысле.

Пациент сообщил, что будучи мальчиком он долго не мог расстаться с употреблением в пищу молока. Когда он был учеником — рассказывал он — и пил молоко, то никогда не мог напиться вдоволь. Наклонность эта есть у него и теперь, но она в некотором отношении изменилась.

Прежде, до пятнадцатилетнего возраста, он никогда не пил молока попросту из какого-нибудь сосуда — у него был особый метод всасывать молоко. Когда он пил, то он придавал особое положение языку, изгибал его кверху, прижимал его к небу за передними зубами и затем в таком положении всасывал молоко. Он не мог пить ни холодного, ни горячего молока: оно должно было иметь температуру тела. В этом случае он достигал того, что испытывал особенно приятное чувство. При этом, исключительно по собственной инициативе, он прибавил: «Это точно сосание груди, точно сосание грудного соска». В 15 лет он отучился от этой манеры сосания и начал употреблять напитки и в холодном виде.

Но влечение пить молоко вовсе еще не было преодолено; наоборот, сексуальная гипердетерминированность этого стремления в последующие годы приобрела особенно ясный характер благодаря некоторым часто повторяющимся событиям, о которых наш пациент рассказывает как о вещах, само собой разумеющихся и обыкновенных. Он часто просыпается ночью с сильным половым позывом. И вот он пьет в таких случаях молоко, которое стоит у него в спальне наготове. Нередко он по ночам вставал и отправлялся на поиски молока в кухню. Если случалось, что под рукой не было молока, то он мастурбировал и тем самым клал конец своему половому

возбуждению; во всех остальных случаях он испытывал удовлетворение при употреблении молока. Он и сам ощущал в себе это стремление сосать молоко как глубочайшее и истоннейшее инстинктивное влечение. Генитальная же мастурбация (как она им ни владела) все же казалась ему чем-то вторичным и добавочным.

В данном случае достаточно уже того, что я успел сообщить, чтобы сказать, что фактические данные красноречивы уже сами по себе. Нет места ни малейшим сомнениям в том, что сосание молока имеет сексуальное значение, что рот играет роль эрогенной зоны. Поведение же нашего пациента по ночам (по его собственному описанию), как это нетрудно усмотреть, является просто-напросто продолжением того состояния, которое у нервно расположенных детей наблюдается обычно в течение первого и второго года жизни.

Таких детей бывает чрезвычайно трудно приучить спать всю ночь без просыпу. Они просыпаются ночью, нередко даже по два раза, и криком дают понять (или, если они уже способны на это, другими знаками), что просят грудь матери или рожок с молоком. Если такому ребенку дают возможность пососать молока, то у него вскоре наступает состояние удовлетворенности и покоя; в противном случае ребенок создает себе сам некоторое компенсаторное удовлетворение: он раздражает себе рот, вводя в него палец, или же раздражает какую-нибудь другую эрогенную зону адекватными этой зоне мастурбационными действиями (например, генитальную зону).

Поведение нашего пациента вполне совпадает с поведением грудного младенца. Но наш пациент — взрослый человек, и если по его ощущению самая интенсивная форма удовлетворения — форма, которая носит характер поглощения или включения в свое собственное тело, то это ясно говорит за то, что его либидо претерпело сильную фиксацию на самой ранней прегенитальной стадии: оральной, или каннибальской.

Сосание для нашего пациента — одновременно и метод приема пищи, и метод извлечения сексуального наслаждения. Правда, первое значение сосания отступает на задний

план перед вторым. Здесь мы должны вспомнить об упомянутых выше «поллюциях изо рта», как их называет наш пациент. В то время как вообще мы имеем обыкновение смотреть на слюнотечение в качестве признака аппетита, у нашего пациента (у которого зона рта в такой высокой степени подчинялась сексуальности) слюнотечение было спутником сексуальных позывов, появлявшихся у него во сне. Это значит, что его либидо обнаруживало склонность к тому, чтобы находить себе отток по путям той эрогенной зоны, которая имеет преимущественное значение в самом раннем детстве. В высшей степени интересно то, что удалось выяснить с помощью психоанализа о дальнейшем развитии либидо у нашего больного.

Его ассоциации совершенно свободно и непринужденно перешли от сосания молока к эмбриологически более поздней форме приема пищи, к еде. Тут у больного всплыло одно воспоминание, вслед за которым стали появляться и дальше некоторые очень важные ассоциации. Когда он был маленьким мальчиком, то мысль о любви к кому-нибудь была для него совершенно равнозначна представлению о съедании чего-нибудь вкусного. У него с детства имеются «каннибалистические представления».³

Представления эти на первых порах удалось проследить ассоциативным путем вплоть до четвертого года жизни. В этом возрасте правильность датировки удалось проверить: у него была няня, к которой он был очень привязан. Няня эта находилась в центре всех его каннибалистических фантазий. Уже значительно позже у пациента все еще бывало иногда желание впиться в нее зубами и «проглотить ее с кожей, волосами и одеждой». Но с помощью психоанализа удалось проникнуть даже еще глубже.

Еще одна ассоциация больного вскрыла, что вкус мяса напоминает ему вкус молока. И то и другое «жирно и сладко». Как у него иногда появляется внезапная жажда молока, так же он чувствует иногда и влечение к мясу. Ему представляется, будто он ищет суррогат человеческого мяса.

Отсюда пути ассоциаций пошли дальше, к фантазии о кусании женской груди. Этим было дано непосредственное

сочетание мяса и молока. Здесь надо отметить, что период кормления грудью у нашего больного был исключительно богат яркими переживаниями, способными оставить сильное впечатление. По разным причинам несколько раз меняли кормилицу и вообще чрезвычайно долго не отнимали его от груди. Эти обстоятельства, конечно, не могли не оставить последствий у ребенка, в сексуальной конституции которого был такой резкий акцент на зоне рта; они должны были облегчить фиксацию на более ранней ступени развития либидо и тем самым облегчить в дальнейшем регрессию к этой ступени.

В заключение отметим еще одну особенность из истории болезни нашего пациента: еда также была связана для него с очень сильным наслаждением; об этом свидетельствует его склонность к неумеренному приему пищи. Но этот оттенок наслаждения в функции еды не носил в сознании больного того же самого сексуального характера, а представлялся ему тоже как нечто добавочное и присоединившееся. Однако и это явление тоже говорит о склонности больного доставлять самые разнообразные раздражения своим эрогенным зонам. И если его либидо находило новые источники наслаждения, то это нисколько не умаляло значения прежних источников. Эта особенность резко проявлялась и в последующем развитии его инстинктивной жизни (Тriebleben). Она объясняет нам, почему, когда он стал взрослым, его либидо никогда не приобретало единой тенденции. Он не был в состоянии прийти к нормальной эмоциональной установке по отношению к другим лицам, не мог прийти к выбору объекта, а все его различные эрогенные зоны сохранили свое прежнее значение. Но из этих зон одна зона рта имела особое значение: раздражение ее доставляло максимальное наслаждение нашему больному и о значении этой зоны он говорил с особым аффектом.

Особенности приведенного патологического случая можно представить следующим образом:

1. Оральная зона по своему значению имеет перевес над остальными эрогенными зонами. Особенно резко проявляется любовь к сосанию. Сосание молока вызывает состояние удовлетворенности.

2. Функция сексуальная и функция питания сочетаются друг с другом в акте сосания.

3. По отношению к объекту, привлекающему к себе желания и фантазии пациента, у него существует стремление к поглощению, к включению его в свое собственное тело (Einverleibung). (Сам пациент обозначает эти импульсы как каннибалистические.)

Но это как раз те самые признаки, которые Фрейд принужден был приписать самой ранней стадии развития либидо в детском возрасте.

Совпадение здесь полное, но оно нисколько не изумляет тех, кто на основании личной психоаналитической работы пришли к убеждению, что теории Фрейда вытекают из непосредственных наблюдений и ничего общего не имеют с чуждой реальной жизни спекуляцией. Взрослый человек, либидо которого находится в только что описанном состоянии, конечно, в совершенно исключительной степени уклоняется от нормы.

Исключительная резкость явлений в данном случае ведет нас к пониманию явлений родственных, когда они выражены или не так резко или же более удачно замаскированы.

III

Обратим внимание на момент отнятия от груди. Срок этого отнятия различный. Уже среди здоровых детей в этом отношении отмечаются значительные различия. Различия эти, правда, частью основаны на чисто внешних причинах, но частью объясняются только индивидуальными особенностями самих детей. Так, например, переход от приема пищи с помощью сосания к питью жидкой пищи (в более узком смысле слова) происходит в разные сроки: то раньше, то позже.

Из внешних причин надо принимать в расчет следующие: этнологические, социальные и семейные. У многих менее культурных народов детей отнимают от груди лишь в возрасте четырех, а то и шести лет. И даже в пределах населения одной какой-нибудь страны или области отнятие практику-

ется в довольно различные сроки. А в широких массах населения не редкость, что ребенку (которому уже несколько лет) иногда дается грудь матери, когда у нее появляется другой младенец. А невротические матери нередко даже стараются как можно дольше кормить своих детей, потому что кормление грудью доставляет им физические наслаждения максимальной силы. В особенности же этим отличаются женщины холодные в смысле генитальной сексуальности, так как у них грудь как эрогенная зона приобретает особое значение.

Но нас в этом отношении гораздо больше интересуют те случаи, в которых сам ребенок в силу внутренних, в нем самом лежащих причин препятствует отнятию от груди, затрудняет этот процесс. Эти сопротивления ребенка можно встретить иной раз еще в пределах того периода, когда он только сосет пищу: эти сопротивления наблюдаются во время перевода ребенка от кормления грудью матери или кормилицы на рожок. Тут можно наблюдать весьма своеобразные особенности в поведении детей. Многие из них в несколько дней привыкают к этой перемене. Те дети, у которых при сосании груди не было достаточного количества энергии, которые сосали с трудом, очень скоро начинают предпочитать рожок, так как из рожка питательная жидкость поступает без всяких усилий с их стороны. И, наконец, есть и такие дети, которые с величайшим ожесточением противятся переходу к рожку.

Но совершенно явственный вид это сопротивление принимает позже, когда от ребенка требуют окончательного отказа от питания по способу сосания. С детьми же с невротическим предрасположением очень нередко случается следующее: на попытку отнять их от груди они реагируют тем, что начинают принимать чрезвычайно мало пищи, вынуждая матерей отказаться в таком случае на время от отнятия. И затруднения подобного рода продолжаются в выраженных случаях вплоть до школьного возраста. Для примера упомяну о девятилетней девочке, которую невозможно заставить завтракать утром, перед уходом в школу, вместе с родителями, братьями и сестрами. Чтобы не допускать ее ухода в школу с пустым желудком, натошак, мать каждое утро приносит ей в постель рожок с теплым молоком. В остальное время дня «стропти-

вая» девочка кушает регулярно за общим столом вместе со всей семьей.

Gött (Gött) опубликовал случай, касавшийся мальчика 13-ти лет, которого пришлось отучать от рожка. Это напоминает нам чрезвычай-но резкие особенности того случая, о котором мы уже говорили подробно.

Такое поведение ребенка можно объяснить только упорным стремлением удержать то наслаждение, которое он извлекает из сосания благодаря тому, что губы являются эрогенной зоной. Опыт показывает, что лица, долго не расстающиеся с удовольствием, доставляемым ребенку сосанием, обычно сильно страдают в дальнейшем неправильным развитием своей сексуальности: развитие это тормозится и задерживается. Влечение к приему пищи и сексуальность у таких субъектов и в дальнейшем оказываются в известном объеме спутанными вместе: они как бы сплетаются в некоторое недифференцированное целое.

Их либидо не находит нормального пути к живому объекту, к человеку; оно ищет удовлетворения, по возможности, прежде всего с помощью приема пищи по способу сосания.

Участие сексуальности в любви к сосанию, сохраняющейся и в более зрелом возрасте, явственно проявляется у тех лиц, которые, даже будучи взрослыми, продолжают испытывать сильное влечение к сосанию женской груди. Этот вид сексуальной деятельности сильнее возбуждает их, чем нормальное сношение. Один из моих пациентов объявил мне, что он в подобных случаях испытывает странную эмоциональную двойственность. Он, с одной стороны, испытывает страх, что вдруг из груди появится молоко, а с другой стороны, недоволен и разочарован, если молоко не появляется. В данном случае сексуальный интерес при сосании представляется самым главным интересом, берет верх над всем остальным. Всякое другое значение сосания утрачено, от него ничего не осталось, кроме напряженного ожидания и любопытства, не появится ли из груди молоко.

Как известно, у детей после отлучения от груди сохраняется склонность сосать (вбирать в себя) сладкие веществ-

ва. У мужчин-невротиков с резким подавлением либидо нередко можно отметить интенсивное инстинктивное влечение к сладостям. Они находят особенное удовольствие в том, что медленно всасывают эти сладости. У меня было два очень ярко выраженных случая, где мне удалось с полной несомненностью установить, что активные импульсы либидо были оттеснены как раз страстью к сосанию (связанной в своем происхождении с детским автоэротизмом); страсть эта доставляла таким пациентам величайшие наслаждения.

Надо сказать, что один из этих пациентов очень любил сосать сладости на ночь, лежа в постели, после чего он засыпал с чувством удовлетворенности. То, что это повторяет поведение ребенка в грудном возрасте, в этом случае проявляется самым неприкрытым образом. Нормальная же любовная мужская активность в данном случае была вполне и совершенно подавлена. У другого пациента можно было отметить необычайно большое количество всякого рода инфантильных черт. Его либидо было совершенно лишено какой-либо мужской активности, и тем интенсивнее пользовался он всеми источниками автоэротических наслаждений. Когда он по утрам собирался идти на службу, то проделывал сперва весьма характерную игру. Он делал вид, будто он совсем маленький ребенок, и говорил своей жене: «Ну, мальчик пойдет теперь в школу». По дороге он покупал себе сладостей — как дети — и с наслаждением понемногу сосал их. Об этих детских забавах больной говорил с необычайно живым аффектом, а все сексуальное, в смысле нормальной мужественности, было сопряжено у него с ненормально слабым интересом.

В течение этого анализа можно было по многим признакам прийти к заключению, что весь либидозный интерес, обычно связанный с нормальной половой функцией, был целиком прикован к автоэротическим процессам. То обстоятельство, что столь резкий либидозный акцент принадлежал именно сосанию сладостей, показывает с полной ясностью, как слабо расчленены в данном случае функция питания и функция половая.

Если этот случай показывает нам прикованность больного к инфантильной страсти к сосанию, то следующий при-

мер должен продемонстрировать перед нами регрессию этого источника наслаждения, наступившую в дальнейшем.

Речь идет о молодой невротической девушке: она мастурбировала много лет и вот однажды прочитала книгу о том, как вредны и греховны подобные поступки. Ее охватил страх, и она впала в дистимию, в продолжительное расстройство настроения. Она стала абсолютно воздерживаться от мастурбации. В этот период полового воздержания и упадка настроения на нее нападает сильнейшая потребность в сладостях. Случается это довольно часто. Она покупает сладости, поглощает их с величайшей таинственностью, причем испытывает чувство такого удовольствия и удовлетворения, что сама прямо-таки поражена интенсивностью своих ощущений. Больная эта с самых ранних пор испытывала крайнее отвращение к нормальному сношению с мужчиной. Наложив на себя строгий запрет и не мастурбируя больше, она целиком отвергла свою генитальную сексуальность. Таким образом становится понятным, что ее либидо избирает путь регрессии и, как уже описано, овладевает у нее зоной рта. Кроме того, надо еще отметить, что психоанализ дал много отправных точек, объясняющих существование вытесненных желаний и импульсов, которые направлены на сосание мужского полового органа.

Теперь, после того как мы пришли к выводу, что у некоторых людей сосание пищевых веществ имеет особое значение — значение сексуального поступка, некоторые другие явления, довольно часто встречающиеся у невротиков, также предстают в совсем ином и новом свете.

IV

У многих невротиков бывает ненормально сильное чувство голода. Этот симптом особенно часто встречается у женщин, и всякому врачу-невропатологу хорошо известны такие пациентки, на которых это чувство голода внезапно находит на улице или в каком-нибудь другом месте, так что им приходится постоянно на всякий случай носить с собой съестное. Иногда они даже просыпаются ночью, разбуженные жесто-

ким голодом: поэтому с вечера они ставят у кровати еду, чтобы она была наготове. Для этого невротического голода характерно, что он появляется совершенно независимо от состояния наполнения желудка, что он наступает без всякой последовательности, через различные промежутки времени; начинается в виде приступа, сопровождается крайне мучительными явлениями, совершенно не свойственными нормальному ощущению потребности в пище. Особенно важно отметить встречающееся при этом чувство страха..

Больные сами жалуются на «приступы волчьего голода». Они чувствуют различие между нормальным голодом и этим «волчьим голодом», но тем не менее склонны вполне смешивать эти состояния. И они проявляют жесточайшее сопротивление, когда психоанализ вскрывает связь между этим невротическим волчьим голодом и вытесненным либидо. Существуют, однако, известные предательские признаки, которые в таких случаях направляют нас на верную дорогу. Так, например, бросается в глаза, что такие припадки голода очень часто встречаются у холодных в половом отношении женщин. Один из моих больных, у которого этот симптом невротического голода был очень сильно выражен, отметил сам, что ощущение голода отдает в яичко.

Сильные либидозные импульсы могут прекрасно укрываться за такими ощущениями голода, как за маской, в тех случаях, когда сознание защищается от их появления в неприкрытом и обнаженном виде. В голоде можно признаться себе самому и не только себе, но даже и другим людям, даже если это чрезвычайно сильный голод. Никто и не подозревает, из какого источника черпает свою власть невротический симптом. И сам больной не подозревает этого. Власть симптома бывает в некоторых единичных случаях так велика, что больные вынуждены приспособить и подчинить весь свой образ жизни этой болезненной потребности в пище. Но именно эта самая мощь и власть, которую приобретает над больными невротический голод, дает нам право сделать вывод о том, насколько сильны те инстинктивные, но вытесненные импульсы, которые в нем выражаются. Для примера я приведу здесь некоторые фактические данные одного из моих

психоанализов. Данные эти не назовешь иначе, как чудовищными.

Я лечил одну тяжело больную пациентку, на которую волчий голод нападал всякий раз, как только она на несколько шагов отходила от своей квартиры. Она никогда не выходила из дому, не взяв с собой каких-нибудь пищевых продуктов. Когда она съедала взятое с собой, то шла в кондитерскую или в какое-нибудь другое заведение, чтобы утолить свой голод; но сильнее всего мучила ее эта потребность по ночам. С годами она дошла до того, что каждую ночь от двух до трех раз обедала, причем ела она в таких случаях много. Несмотря на то, что, не довольствуясь вечерним ужином, она плотно ела перед самым отходом ко сну, она каждую ночь пробуждалась от мучительного голода и обычно была не в силах с ним бороться. Такие частые обеды и ужины имели вполне естественное следствие: значительную прибавку в весе, хотя пациентка и ела по ночам главным образом овощи, будто бы потому, что при таком ночном питании меньше отлагалось жира. Во время лечения психоанализом она жила в одном пансионе, где и устроила себе большие запасы овощных консервов. Каждый вечер она готовила себе обеды, предназначавшиеся на ночь. Если она ложилась спать примерно в 10 часов, то просыпалась приблизительно в 1, в 3 и в 5 часов ночи. Всякий раз она съедала основательный обед. Утром, между 6 и 7 часами, она уже спешила на кухню и спрашивала о своем завтраке. Поведение больной очень напоминало поведение тех «избалованных» ребят, которые неоднократно просыпаются по ночам и успокаиваются только тогда, когда мать даст им попить. Впрочем, больная была единственным ребенком у своих родителей.

Поведение больных, страдающих потребностью питаться через короткие промежутки времени и испытывающих мучения, если это влечение не удовлетворяется, напоминает нам весьма поразительным образом поведение морфинистов и некоторых пьяниц. Что касается этих последних состояний, то психоанализу удалось выяснить, что опьяняющий яд дает таким больным суррогат удовлетворения взамен той деятельности либидо, в которой ему отказано. Некоторые невро-

тики чрезмерно много едят; это происходит под влиянием патологической навязчивости и должно оцениваться совершенно таким же образом.

Последний описанный нами случай отличается от других сообщенных случаев тем, что больная испытывала болезненный позыв к очень частому приему плотной пищи, а не к всасыванию молока, или к каким-либо иным приемам, носящим характер сосания. Все поведение этой больной в целом лишь тогда станет понятным для нас, когда мы примем во внимание ту степень наслаждения, которую для нее представлял процесс еды: сознательного или бессознательного, это все равно. Несмотря на то, что у нее не было ни одной ночи, которую ей удалось бы проспать спокойно и без перерывов, она все-таки оказала самое крайнее противодействие анализу ее припадков голода и отучению ее от ночных обедов. Надо отметить, что не только процесс еды сам по себе был связан с этими сильными аффектами; она наслаждалась своими запасами пищи уже во время закупки, затем — при приготовлении своих обедов и т. д. Она испытывала, следовательно, некоторым образом предвосхищение и наслаждение.⁴

V

Невротики, у которых сексуальность захла до такой степени, что является в большей или меньшей степени связанной и слившейся с сосанием пищи (или с процессом еды), в зрелом возрасте не обнаруживают особенной склонности к сосанию большого пальца. Таковы, по крайней мере, мои наблюдения до настоящего времени. Напротив, те взрослые невротики, у которых эта особенность сохранилась, и сохранилась в определенно выраженной степени, обыкновенно не обнаруживают никакого особенного либидозного акцента, связанного с явлениями приема пищи. У них, пожалуй, гораздо чаще бывает отвращение к пище, и в особенности к молоку и мясу, а также склонность к тошноте и к рвоте.

Это может показаться странным, но можно все-таки утверждать, что взрослые невротики, сосущие палец (*Daumenlutscher*), по сравнению с группой невротиков, занимавшей нас

до сего момента, являются представителями более высоко стоящей стадии развития либидо. Их либидо завоевало себе некоторую степень самостоятельности по отношению к инстинкту питания: самостоятельность эта выражается в том, что извлечение наслаждения не связано уже всецело с сосанием пищи. Зона рта, правда, и у них сохранила преобладающее значение, и они тоже очень еще далеки от удачного и успешного перенесения своего либидо на иные объекты. Напротив, в своей действительной жизни, в реальности такие люди проявляют различные признаки сильнейшего сексуального отрицания и отпора. Зато в продуктах их фантазии господствующую роль играет использование рта для сексуальных целей (Fellatio, Cunnilingus), но, по большей части, в связи с негативным эффектом отвращения и содрогания, хотя и не всегда. Упорство, с которым эти невротики практикуют автоэротическое раздражение слизистой оболочки губ и эротическое использование рта (по крайней мере, в продуктах фантазии), будет нам вполне понятно, если мы обратим наше внимание на поведение маленького ребенка. Достаточно вспомнить одно: с какой интенсивностью предается ребенок сосанию уже в самые ранние дни своей жизни (Wonnepsaugen); с каким усердием вводит грудной младенец себе в рот обе ручки, с какой силой тянется он к своим пальчикам, как он отдается целиком ритму сосания; все это, вместе взятое, и, наконец, эффект удовлетворения в конце всего этого процесса дают нам возможность видеть с ясностью, какая сила заложена в этих ранних инстинктивных импульсах. Их власть с особенной определенностью сказывается и в тех случаях, в которых люди, даже будучи взрослыми, продолжают подчиняться этим влечениям.

Но поведение этих невротиков и еще в одном отношении напоминает поведение грудного младенца. По моим наблюдениям, невротики, не преодолевшие сосания, отличаются, кроме того, чрезвычайно выраженной склонностью к автоэротическим раздражениям других зон, а в особенности половых органов. Ведь и у малого ребенка наряду с сосанием мы видим склонность хватать какое-нибудь место своего тела и производить в его пределах ритмические дергающие

движения. Мы вспоминаем, что у детей, имеющих привычку сосать палец, бывает и другая манера: они сосут палец одной руки и в то же время потягивают себя другой рукою за ушную мочку. Очень часто бывает и так, что другая рука устремляется к половым органам и раздражает их такими же движениями.

Сосание пальца взрослыми людьми производит на нас очень странное впечатление, но оно станет менее непонятным, если мы вспомним, что рот не потерял своей роли эрогенной зоны и у нормальных взрослых людей. Мы считаем, что поцелуй — это совершенно нормальное проявление либидо. Правда, при поцелуях эрогенная зона функционирует, направляясь на свой нормальный объект. И, кроме того, поцелуй не претендует на значение настоящей сексуальной цели: он представляет собой только одно из подготовительных действий. Но и здесь все-таки границы расплывчаты. Некоторые формы поцелуев могут становиться очень существенной целью сексуального стремления. А главное: зона губ очень часто присваивает себе настоящие генитальные функции; никоим образом не следует недооценивать степени этой частоты.

Я перейду опять к подробным сообщениям из двух моих психоаналитических историй болезни: эти случаи показывают нам судьбу детской привязанности к сосанию, показывают их чрезвычайно поучительно и во многих отношениях (случаев этих два) дополняют друг друга.

Мужчина средних лет страдал неврозом хронического течения, из всех симптомов больше всего мучила его упорная бессонница. При попытке подойти к психосексуальным причинам этого расстройства удалось выяснить целый ряд особенностей в ходе развития его либидо или — иначе говоря — в истории развития его невроза.

В раннем детстве у больного была совершенно особая склонность к сосанию большого пальца. Когда он подрос и все-таки не оставил своей привычки, взрослыми были применены обычные приемы, и мальчик бросил, наконец, сосать свой палец, который ему смазывали жидкостью горького вкуса. Но успех был только кажущийся. Теперь мальчик пускал

в ход уголок своей подушки или одеяла и засыпал только после сосания или жевания этого предмета. Его воспитателям пришлось начать борьбу и против этой новой привычки, но и на этот раз случилось так, что мальчик подчинился только видимо и стал искать нового способа, нового суррогата, который заменил бы ему это удовольствие. Вскоре были обнаружены следы его зубов на деревянных частях кровати. У него появилась привычка по вечерам кусать зубами дерево.

В годы *praerubertatis* эта потребность доставлять своему рту приятные раздражения перед отходом ко сну укреплялась все больше и больше, так что, в конце концов, превратилась в условие засыпания. Долгие годы большую роль в числе его автоэротических снотворных средств играла мастурбация. После периода полового созревания, а в особенности в возрасте около двадцати лет, больной вел интенсивную борьбу, стараясь отвыкнуть от мастурбации, причем во время этой борьбы вновь вступили в силу давние запреты из времен детства. Воздержание от мастурбации часто удавалось ему на продолжительное время, но этот успех больному приходилось оплачивать столь же продолжительными периодами упорной бессонницы. Затем он стал получать снотворные по врачебным назначениям и вскоре так привык к употреблению этих средств, что пришлось вести борьбу, чтобы отвыкнуть от них; и вот на протяжении ряда лет борьбу эту приходилось не раз начинать сначала, чередуя ее с периодами борьбы против мастурбации. Наконец, больной приступил к курсу лечения и стал моим пациентом. Как только он почувствовал некоторое улучшение, он попробовал два вечера подряд не принимать снотворных средств. Однако на другой день после второй ночи, проведенной без снотворных, он пришел ко мне в приемные часы с явственными признаками неохоты и нерасположения. Но когда он, как полагается, улегся и рассказал мне о том, как прошла у него последняя ночь, я вдруг заметил, что он поднес ко рту большой палец правой руки и, вместо того чтобы продолжать рассказ, начал сосать палец. Его сопротивление едва ли могло проявиться как-нибудь явственнее. Это сопротивление, направленное раньше

на родителей и других воспитателей, теперь было перенесено на врача и значило приблизительно следующее: «Если вам угодно запрещать мне кусание простыни, мастурбацию или снотворные лекарства, то мне придется вернуться к моему самому давнишнему способу удовлетворения. Вы видите, что вам все равно ничего от меня не добиться». То обстоятельство, что сосание происходило прямо на глазах у врача, несомненный признак упрямства, желания сделать наперекор.

Этот случай с несравненной ясностью показывает, каковы соотношения между сосанием пальца и сексуальностью. Следующая же выдержка из другого психоанализа должна показать, какие сложные явления могут быть сведены в конечном счете к детской любви к сосанию.

Есть группа невротиков (отнюдь не небольшая), у которых с самых ранних пор ненормально резко акцентирована охота к сосанию; в зрелом возрасте у них имеется склонность к извращенному использованию рта, но они все-таки оказывают ожесточенное сопротивление импульсам к подобного рода действиям: к результату у них развиваются симптомы, разыгрывающиеся в области ротовой зоны. Пациент, о котором я теперь буду говорить, принадлежал именно к этой группе.

Больному — 17 лет; он обратился ко мне по предложению своего домашнего врача. Во время своего первого визита он говорил чрезвычайно односложно и был замкнут. Только после больших усилий мне удавалось получить от него отдельные короткие ответы; в то же время я заметил, что больной беспрестанно предпринимал различные действия в области рта и близлежащих частей. То он кусал губу, верхнюю или нижнюю, то облизывал ее языком. Часто можно было видеть, как он втягивал обе щеки, делая, очевидно, сосущее движение; затем вдруг до такой степени плотно сжимал челюсти, что обозначался рельеф жевательных мышц. Время от времени больной широко разевал рот и закрывал его снова, сосал зубы или нёбо.

Когда в течение лечения удалось устранить задержки, мешавшие ему говорить (хотя бы на короткий срок), он рассказал о целом ряде явлений, связанных с полостью рта; все

эти явления были окрашены оттенком наслаждения. Особенно резко выступил неукротимый позыв к сосанию. Больной все время делал сосательные движения: все равно, был ли он один или на людях, был ли он занят или бездельничал. Когда ему было 13 лет, ему был вставлен, вследствие неправильного положения зубов, аппарат для коррекции. Давление аппарата на десны было болезненно; но он умолчал об этом, не жаловался на боль и предпочел другую реакцию на это раздражение: начал сосать соответственный участок челюсти и делал это беспрерывно. Дальше больной признался в том, что он доставлял себе приятные ощущения и другими способами. Он делал языком особые движения: щекотал мягкое небо, касался неба языком, и эти ощущения были для него сладострастными ощущениями. Сексуальная природа этих действий самому больному вовсе не была непонятна. В подобных случаях мы вправе говорить об оральной мастурбации.

Некоторые симптомы у нашего больного стояли в теснейшей связи с эрогенностью полости рта. Разевание рта, например, о котором мы уже упоминали и которое носило определенно навязчивый характер, было несомненно такого происхождения. Как только пациент попадал в общество лица мужского пола, так у него тотчас же возникала навязчивая фантазия взять в рот член этого мужчины. И пока он с чувством ужаса отчасти отдавался этой фантазии, отчасти же пытался отстранить ее, возникало это движение рта, носившее характер схватывающего движения, смысл которого не может вызывать никаких сомнений.

Нам постоянно приходится устанавливать, что орган, используемый в слишком резкой степени в качестве эрогенной зоны, не в состоянии больше удовлетворительно исполнять свои остальные функции⁵. В описываемом случае рот отказывался выполнять те функции, которые не имели сексуального характера. Стоило больному очутиться в обществе других людей, как он испытывал почти полную невозможность говорить или есть. Так, например, он не мог беседовать со своими коллегами в общем рабочем помещении. Его товарищи иной раз съедали до обеда принесенный ими из дома завтрак, но для нашего больного это было совершенно

невозможно. Хлеб, который он приносил с собой, он уносил обратно, не дотронувшись до него, и бросал его где-нибудь по дороге на улице. Он делал это, чтобы не подвергаться дома каким-либо расспросам. Действие психоаналитической терапии в данном случае весь-ма заслуживает нашего внимания. Как только гомосексуальная установка нашего больного (носившая навязчивый характер и сопряженная с постоянным страхом) уступила место нормальному интересу к женскому полу, он тотчас же стал способен есть вместе со своими товарищами и разговаривать с ними.

Оба эти случая дают нам возможность убедиться, какое подавляющее влияние может иметь сохранившаяся до поздних лет страсть к сосанию, как она может определять все поведение человека в целом. Таких резких случаев, конечно, меньшинство, но наряду с ними существует гораздо большее количество людей, которые должны постоянно платить известную дань зоне рта, не заболевая, однако, какими-либо тяжелыми невротическими симптомами. Конфликт между автоэротизмом и другими жизненными интересами у них выравнивается известными компромиссами образованиями. Такие люди могут, например, быть весьма ценными и продуктивными в своей профессии: они в состоянии успешно сублимировать часть своего либидо, но автоэротизм их предписывает им условия, от которых зависит выполнение ими их работы в жизни. Мне пришлось однажды лечить одного невротика, который мог собраться с мыслями для умственной работы лишь в том случае, если предварительно мастурбировал. Сходным образом некоторые лица только тогда в состоянии интенсивно думать, когда держат палец во рту или грызут ногти или ручку пера. Другие лица вынуждены кусать свои губы или облизывать их во время интенсивной работы. Их автоэротизм только в том случае допускает интенсивную и непрерывную работу, если ему дается в то же время известная степень удовлетворения. Этим же путем отчасти объясняется и то, что у весьма многих мужчин курение становится таким необходимым условием для работы; но в данном случае соотношения все-таки гораздо более сложные.

Резкое разграничение между нормальной склонностью и привычкой, с одной стороны, и патологической навязчивостью, с другой, едва ли можно провести в этой области. Но для практических целей все-таки можно будет держаться в общем известного критерия: таким критерием будет служить то, как индивидуум перенесет временный отказ от подобного привычного раздражения. Реакция на отказ в таком источнике наслаждения, к которому индивидуум был болезненно фиксирован, носит обычно патологический характер. Реакция эта состоит в образовании невротических симптомов.

VI

Не подлежит сомнению, что удовлетворение нормальным человеком своих сексуальных потребностей оказывает сильное влияние на ровность его настроения. Но здоровый человек способен в пределах известных границ выносить временный недостаток привычного удовлетворения. Кроме того, он способен доставлять себе компенсаторные удовлетворения путем сублимации. То же самое может быть сказано и о большом числе невротиков. Но некоторые из этих последних все-таки в высшей степени невыносимы ко всяким сокращениям привычного наслаждения — и тем сильнее, чем ближе уровень их инстинктивной жизни к формам раннего детского возраста. Они в последней степени похожи на «избалованных детей». Их либидо непрестанно требует привычного удовлетворения. Вследствие этого они делаются чрезвычайно несвободными, зависимость их от удовлетворения очень велика и они начинают реагировать чувством неудовольствия, как только им не удастся получить привычное наслаждение. Но это чувство неудовольствия в дальнейшем переходит уже в определенно выраженное расстройство настроения (*Verstimmung*).

Мне представляется, что такого рода происхождение расстройств настроения (депрессий) у невротиков очень часто не получает надлежащего признания. Привычное автоэротическое удовлетворение имеет практически двойное значение для невротика: оно служит и для предотвращения угрожающих ему депрессий, и для устранения тех, что уже наступили.

В первом смысле примером может послужить следующее: многие невротики хватаются за свое привычное средство удовлетворения уже с утра, чтобы защитить себя от депрессии. Это бывает с индивидуумами, которые с трудом встают утром с постели. Каждый день, каждое возвращение к бодрствованию начинается у них с чувства резкого неудовольствия. Это чувство могло бы укрепиться, остаться и испортило бы им весь день, если бы они не обращались к привычному способу удовлетворения как к профилактическому средству против невротической депрессии. И вот как раз те раздражения зоны рта, о которых мы уже говорили подробнее, играют в этом отношении особенно важную роль. Такое поведение невротиков лучше всего объясняется на следующем примере. Я напому о девятилетней девочке, которую нельзя было заставить утром встать, не дав ей предварительно ее излюбленного рожка с молоком.

Несколько детальнее я должен остановиться на примерах тех невротиков, которые стараются рассеять наступающую у них депрессию приятным раздражением оральной зоны. При этом я намеренно не касаюсь алкоголя как момента, улучшающего настроение (*Stimmungs-Korrigens*), так как в данном случае картина усложняется наркотическим действием.

Особенно поучителен случай одной молодой циклотимической больной, который мне пришлось наблюдать лично. Она с громадным трудом входила в душевный контакт с людьми; наоборот, она скорее совершенно удалялась от других людей и вполне отдавалась своим автоэротическим наклонностям. Как только настроение ее становилось подавленным, она тотчас же обращалась к помощи различных средств, из которых нас интересует, главным образом, следующее: она покупала себе что-нибудь съестное и тотчас же во время еды чувствовала некоторое прояснение настроения, некоторую веселость. Было у нее и еще одно средство, крайне характерное для ее автоэротизма: она целыми часами ездила в трамваях и доставляла себе таким образом резко выраженное наслаждение движением⁶. И вот, чувствуя себя подавленной, она посвящала большую часть дня трамвайным поездкам и поглощению пищевых припасов, которые носила с собой.

В том, насколько все подобные явления коренятся в сфере инфантильного, мне удалось убедиться при анализе одного молодого человека, которого я лечил по поводу невротической депрессии. Он был сильно фиксирован к матери и в течение долгих лет уже после наступления половой зрелости не был способен перенести свое либидо на других лиц женского пола. Довольно продолжительное время он находил компенсаторное удовлетворение в своей профессиональной деятельности, но, наконец, произошли некоторые события, приведшие его к внутреннему конфликту, каковой, конечно, им не был осознан. Фиксированность к матери и тенденция к разрыву с ней, к отрешению от нее вступили между собой в ожесточенную борьбу; работа уже перестала удовлетворять больного. Дальнейшим следствием всего этого была депрессия, в начале которой он был поражен следующим своеобразным происшествием. На него напало сильнейшее отвращение к жизни, и вот в таком состоянии, испытывая сонливость и потерю аппетита, он лег однажды в постель. Мать принесла ему чашку молока. Он поднес чашку к губам, и как только они коснулись молока, у него сразу появилось, как он сам выразился, «смешанное ощущение теплоты, мягкости и сладости». Ощущение показалось ему странным, но в то же время и каким-то знакомым, идущим точно из какого-то далекого прошлого: это ощущение произвело на него какое-то непонятное ему самому, успокоительное действие. Психоанализ очень быстро разгадал эту загадку. Больной наш вскармливался грудью матери в течение всего первого года жизни и сосал молоко с особой интенсивностью (как это выяснилось из опроса его родителей). В последующие годы своего детства он неоднократно хватал мать за грудь и говорил о ней в нежных выражениях (на особом детском языке). Мы говорили уже о предпринятой им попытке отрешения от матери; попытка эта не удалась, пациент впал в тяжелую депрессию и бессознательно обратился к тому источнику наслаждения, с которым познакомился раньше всего. Мать подала ему молоко, это вызвало в нем следы давнишних приятных воспоминаний и на короткий срок смягчило его депрессивное состояние.

Теперь нам становится понятным одно явление, хорошо известное всякому врачу-невропатологу. Подавленные или взволнованные невротики часто успокаиваются — конечно, только на короткий срок — от одного только проглатывания какого-нибудь лекарства, даже в том случае, если это лекарство само по себе и не имеет успокаивающего действия.

Для объяснения этого явления принято ссылаться на суггестивное, внушающее действие врачебных назначений. Но наблюдения показывают, что и без врачебного назначения невротик нередко берет в рот что бы то ни было и достигает этим на мгновение успокоения. В данном случае упускают из виду один важный фактор. В жизни каждого человека было время, когда прием жидкости избавлял его от всякого волнения. «Внушающее» действие бутылки с лекарством нельзя никоим образом свести только на влияние личности врача, который лечит данного больного; оно, по крайней мере, в той же степени, зависит и от ее способности дать рту больного нечто такое, что вызывает в нем его давным-давно минувшие приятные воспоминания.

Склонность нервных людей к тому, чтобы им предписывалась определенная диета (притом — непрерывно изменяемая), по возможности приближающаяся к исключительно жидкой пище, отчасти можно объяснить за счет того же самого источника. Обратим, кроме этого, внимание и на тех больных, которые очень любят, когда за ними ухаживают сиделки: лежа в постели, они охотно принимают всякого рода нежности.

Не будем, однако, забывать и того, как часто наши больные отказываются от пищи. При невротических заболеваниях отказ от пищи встречается в довольно разнообразных проявлениях, нередко в замаскированном виде. Я укажу только на отсутствие аппетита, отвращение к еде, явления тошноты и рвоты. После всего сказанного нельзя сказать ничего принципиально нового по вопросу о происхождении этих симптомов.

В дурном настроении, в депрессивном состоянии у людей нередко наблюдается вполне сознательная, даже прямо и откровенно высказываемая склонность к отказу от пищи. Резче

всего это явление выражено при тех расстройствах настроения, которые мы уже относим к числу психозов. И мы вправе ожидать, что психоанализ этих заболеваний поможет нам пролить свет на более глубокие причины отказа от пищи.

VII

Есть два симптома из числа важнейших и наиболее бросающихся в глаза проявлений депрессивных душевных расстройств, которые имеют непосредственное отношение к приему пищи: отказ принимать пищу и страх умереть от голода.

Когда я несколько лет тому назад в первый раз сделал попытку выяснить психоаналитическим путем структуру депрессивных душевных заболеваний, я не обратил на оба эти симптома того внимания, которого они, как мне кажется теперь, заслуживают. Я полагаю, что в последующих строках мне удастся дать еще некоторые данные по вопросу о психогенезе депрессивных состояний, но я вполне отдаю себе отчет в том, что все это по-прежнему еще очень далеко от полного и окончательного разрешения проблемы.

Кто станет внимательно наблюдать меланхолически-депрессивного больного, тот вскоре получит впечатление, что такой больной отвергает жизнь. Поэтому очень нетрудно прийти к мысли, что в отказе от пищи следует видеть проявление тенденции к самоубийству. Ничего нельзя возразить против правильности подобного объяснения. И все же психоаналитик не в состоянии удовлетвориться этим объяснением, потому что оно неполно и односторонне. У него возникает вопрос, почему же больной, если он решился на смерть, выбирает медленный и ненадежный путь голодной смерти. Кроме того, психоаналитический опыт не позволяет нам легко соглашаться с таким пониманием, которое пытается свести психопатологическое явление к сознательным и логическим причинам.

Однако и возникновение второго из указанных симптомов — страха умереть от голода — тоже не удастся объяснить какими-либо простыми соображениями. Страх голод-

ной смерти особенно часто имеет место при депрессивных состояниях, наблюдающихся в возрасте обратного развития. Примитивное психологическое понимание этого проявления болезни было бы, по всей вероятности, таково: человек чувствует, что он становится старым, и начинает испытывать озабоченность, начинает опасаться за свое дальнейшее существование. А так как в периоде обратного развития склонность к нервным и психическим расстройствам особенно велика, то, в зависимости от предрасположения данного индивидуума, эти заботы выразятся либо в болезненном страхе, либо в депрессивной бредовой идее.

Но такое толкование не захватывает самого существа этого состояния. Оно придерживается исключительно буквального словесного смысла болезненного представления, его явного содержания. При этом не выясняются ни движущие силы психоза, ни более глубокое содержание симптомов.

Психоанализ исследует латентное содержание болезненных представлений. В моей статье, которую я уже цитировал, мне удалось доказать, что больные с депрессивным расстройством настроения оплакивают потерянную ими способность к жизни. Но как раз возраст обратного развития, возраст процессов инволюции приносит человеку понижение значения его генитальной эротики. И это как раз тот возраст, в котором чаще всего развиваются депрессивные состояния. У женщин в этом возрасте возникает особое чувство, имеющее очень большое значение для них: чувство утраты ими своего обаяния для мужчин. Но психоанализ депрессивных душевных расстройств в более молодом возрасте дает те же результаты: и тут существует то же самое соотношение в переживаниях. Больной человек отстраняет от своего сознания восприятие этой внутренней перемены. И в то же время в его либидо происходит такое регрессивное изменение, которое мы должны признать особенно глубоким и значительным. Я имел возможность несколько глубже заглянуть в структуру депрессивных психозов и пришел к убеждению, что у этих больных либидо реградирует на самую примитивную из известных нам стадий своего развития, на ту стадию, которую мы называем оральной, или каннибалистической.

Даже при нормальных условиях в периоде инволюции, в возрасте обратного развития можно установить наличие следов регрессивного изменения либидо. С особенной же ясностью признаки этого процесса проявляются у субъектов невротических. Но в общем у них регрессия не идет так далеко и принимает, кроме того, более спокойное и постепенное течение. Явления этого рода столь хорошо знакомы психоаналитикам, что нам достаточно немногих указаний.

В возрасте инволюции многие люди начинают уделять гораздо больше внимания своему питанию, чем это они делали раньше. А с падением половых функций (в прямом смысле слова) появляется особый повышенный интерес к еде, к выбору пищи, к ее особенностям. Регрессивная тенденция этого процесса явственно сказывается в том, что часто вновь возвращается детская любовь к сладостям. В то же время и функции кишечника начинают привлекать гораздо больше внимания. И чем больше падает значение генитальной зоны как источника наслаждения, тем сильнее у многих людей происходит возврат к наслаждениям, связанным с оральной и анальной зонами. У лиц, находящихся в возрасте обратного развития, нередко можно отметить все возрастающую склонность делать эти оральные и анальные интересы темой разговоров.

Как уже сказано, подобные явления у невротиков отмечаются в особо высокой степени. Представления, относящиеся к процессам приема пищи, принимают ипохондрический характер⁷.

Что касается меланхолических депрессивных состояний, то, как мне кажется, либидо при них регрессирует до самой ранней из известных нам ступеней развития. Это значит: меланхолический больной в своем бессознательном переживает особое желание по отношению к своему сексуальному объекту — желание включения его в свое тело, желание поглощения объекта (*Einverleibung*). В глубинах бессознательного живет тенденция проглотить, уничтожить объект.

В моей прежней статье показаны некоторые резко бросающиеся в глаза общие особенности и совпадения в структуре меланхолии и невроза навязчивости: я подчеркнул,

в особенности, амбивалентность эмоциональных импульсов и первичное преобладание садизма в эмоциональной жизни больных. Но теперь я чувствую себя обязанным отметить и некое, как мне кажется, существенное отличие этих только что названных болезненных состояний друг от друга.

Правда, остается неизменным прежний взгляд, что либидо больного относится к своему объекту преимущественно враждебно, стремится уничтожить его. Но, в противоположность садистским тенденциям навязчивого невротика, бессознательные стремления меланхолика, как мне кажется, имеют своей целью скорее произвести уничтожение объекта любви путем поглощения его в качестве пищи, путем его пожирания.

Часть тяжелых самообвинений меланхоликов обнаруживает перед непрофаном эти только что указанные инстинктивные импульсы, хотя, конечно, вся эта связь остается неосознанной самими больными.

В этих самоупреках много типического. Иной больной прямо-таки объявляет, что он — величайший преступник всех времен: все несчастья, все зло и все страдания, существующие в мире, возникли только благодаря ему. Кто знает язык невротиков и психозов, кто знает формы этого языка, легко поймет более глубокий смысл подобных гиперболических доносов на себя самого. Больной борется с совершенно определенными представлениями, стремящимися проникнуть в его сознание: представления эти кажутся ему особенно страшными и невыносимыми. И мне думается, мы вправе допустить, что речь здесь идет о каннибалистических инстинктивных импульсах.

В некоторых случаях нетрудно видеть, что это именно так. Так, наряду с другими примерами, Крепелин (Kraepelin) приводит в своем учебнике по психиатрии следующее заключение: «Больной навлек несчастья и беды на весь мир, съел своих собственных детей, выпил источник благодати!»

Но по большей части эти обличения и оговоры претерпевают известное искажение.

Фантазия каннибалистического характера со всей явственностью сказывается также в одной определенной форме

депрессивного бреда. В прежние времена бредовая идея, которую я имею в виду, была чрезвычайно широко распространена, но она и в настоящее время далеко не совсем еще исчезла. Эта бредовая идея состоит в представлении о превращении в дикое животное, поглощающее людей. Старая психиатрия очень хорошо знала это бредовое самообвинение, оно встречалось очень часто; по этой бредовой идее даже выделялось особое состояние «одержимости», носившее название ликантропии. Это бред превращения в хищного волка.

Но чаще это своеобразное самооклеветание больных претерпевает некоторую деформацию.

Больной отрицает в своем сознании качество поступка, к которому он стремится, но обвиняет себя в таком огромном количестве преступлений, какого он в действительности никоим образом не мог бы совершить.

Если мы допустим, что глубочайшие вытесненные желания меланхолика суть желания каннибалистического характера, что его «грехи» в конечном счете сводятся к запрещенной и отвратительной еде, то нам станет вполне понятно, почему так часто встречается отказ от пищи. Больной ведет себя таким образом, как будто только полный отказ от всякой пищи может спасти его от того, чтобы не пустить в ход его вытесненные импульсы. Но одновременно он приговаривает себя к наказанию, которое одно можно считать адекватным его бессознательным каннибалистическим позывам: к смерти от голода.

Теперь нам нетрудно понять и страх больных перед голодной смертью. Позыв к поглощению, к пожиранию желанного объекта наталкивается на мощное внутреннее сопротивление. Так же, как и другие инстинктивные импульсы, каннибалистическое влечение превращается в тот же невротический страх, как только реализация наталкивается на непомерно сильное сопротивление. Этому влечению грозит удел никогда не исполниться; зона рта никогда не испытает того насыщения, к которому стремится бессознательно. Следствие — страх умереть от голода.

Я не могу оставить тему меланхолических расстройств, не отметив и не подчеркнув, что выше пытался выяснить исклю-

чительно содержание желаний в некоторых депрессивных бредовых идеях, а также и бессознательные импульсы, лежащие в основе некоторых особенностей поведения меланхолических больных; я не делал попыток выяснения общих причин меланхолической депрессии. Решение этой последней большой проблемы не входило в план настоящего исследования.

VIII

Бессознательные каннибалистические импульсы, лежащие, как мне кажется, в основе определенных симптомов депрессивных психических заболеваний, существуют и у нормального взрослого человека. Они иной раз проступают в сновидениях.

Один знакомый рассказал мне однажды следующее сновидение.

Он видел перед собой посуду с кушаньем, приготовленным для него женой. Масса, находившаяся в посуде, имела вид овощей, но на овощах лежали детские ножки, точно они были сварены вместе с овощами. Ножки эти напомнили ему во время сновидения ножки его собственного сына. Он проснулся с величайшим ужасом и негодованием; просыпаясь со страхом от этого сновидения, он ясно отдал себе отчет, что он только что собирался во сне поглотить части тела своего собственного ребенка. Негодование, которое он испытал при одной мысли о подобном поступке, — это то же самое негодование, в какое нас приводят привычки каннибальских народов. И в наше время у некоторых народов еще бывают такие случаи, когда какой-нибудь князек убивает или велит убить своего мятежного сына и после этого сам его съедает.

А в сказаниях культурных народов (и в сказаниях весьма распространенных) мы находим богов, которые поглощают своих собственных детей. Но здесь не место углубляться в мифологические и этнологические детали. Поэтому я отсылаю читателя к богатейшему материалу, разработанному О. Ранком (O. Rank) в его труде о «мотиве инцеста» (кровосмешения), особенно к главе, посвященной «мотиву раздробления на куски».

Все эти многообразные фактические данные, сопоставленные мной на предыдущих страницах, вынуждают нас к признанию правильности сделанного Фрейдом предположения о существовании ранней каннибалистической стадии развития либидо. Эта фаза индивидуальной инстинктивной жизни находится в полном соответствии со степенью каннибальской культуры, сохранившейся до наших дней у некоторых народов и пережитой в прежние времена и «культурными нациями», имеющими за собой столь долгий путь развития. И вот известные психические явления, продуцируемые больным и здоровым индивидуумом (особью), напоминают нам о самой ранней стадии его детства; народ же хранит следы своего отдаленнейшего прошлого в сагах и сказках.

¹ Предрасположение к неврозу навязчивости. — Internat. Zeitschrift f. ärztl. Psychoanal. Bd. I. 1913.

² Ненависть и анальная эротика при неврозе навязчивости. — Там же.

³ Нелишним, может быть, будет подчеркнуть, что и мысль, передаваемая здесь, и выражение это принадлежат самому пациенту. Термин «каннибалистические представления» взят им вовсе не из «Трех очерков по теории сексуальности». Анализ, о котором я рассказываю, производился два-три года назад, а третье издание исследований Фрейда, в котором впервые предложено это выражение, появилось только в 1915 г.

⁴ В дополнение к вышеприведенной, весьма далекой от полноты, выдержке из психоаналитической истории болезни обратим внимание на то, что больная предпочитала для своих ночных обедов растительную пищу. Приводимое самой больной рациональное объяснение недостаточно и даже неправильно по существу. Если же мы все поведение больной будем рассматривать как форму автоэротического удовлетворения, то мы легко поймем, почему ночью она избегает мяса.

⁵ Фрейд трактовал этот процесс на примере с глазами в маленькой работе о «психогенном расстройстве зрения». См.: Kleine Schriften. Bd. III, S. 314.

⁶ Ср. мою статью: «О конституциональных основаниях боязни улицы».

⁷ Я отсылаю читателя к фрейдовскому описанию психогенеза ипохондрии. Согласно Фрейду, ипохондрия возникает на основе регрессии к нарциссизму, следовательно, также к одной из ранних фаз развития либидо. (Freud. Zur Einführung des Narzismus // Jahrb. d. Psychoanalyse. Bd. I. 1914).

КОНФЛИКТЫ ДЕТСКОЙ ДУШИ

Карл-Густав Юнг

Как раз в то время, когда я был занят подготовкой к печати первого полутoma нашего ежегодника за прошлый год, в котором помещены достопамятные сообщения Фре́йда о «маленьком Гансе», я получил от одного сведущего в психоанализе родителя ряд наблюдений, сделанных им над его четырехлетней дочкой.

В этих наблюдениях многое до такой степени напоминает данные Фре́йда о «маленьком Гансе» и так дополняет их, что я не мог отказаться от желания познакомить с ними более широкие круги читателей. «Маленького Ганса» встретили непониманием, чтобы не сказать — негодованием, и это для меня лишний повод к тому, чтобы опубликовать и мой материал, правда, значительно уступающий «Гансу» в смысле обширности. Несмотря на это, он содержит такие данные, которые способны подтвердить то, что в «маленьком Гансе» является типическим. Так называемая ученая критика, поскольку она вообще сочла нужным ознакомиться с этими важными явлениями, и на этот раз взяла опять слишком быстрый темп: до сих пор еще не научились сначала проверять и только затем уже после проверки судить окончательно о работе.

Девочка, чутью и умственной живости которой мы обязаны нижеследующими наблюдениями, является здоровым и цветущим ребенком, обладающим живой эмоциональной конституцией. Ничем серьезным она никогда не хворала, ни-

каких «симптомов» со стороны нервной системы не наблюдалось.

Интересы систематического характера в более живой форме появились у нее приблизительно на третьем году; она начала задавать вопросы и высказывать желания, конечно, в виде фантазий. В дальнейшем нам, к сожалению, придется отказаться от систематического изложения: наши данные представляют собою отдельные эпизоды, выхваченные из целого ряда сходных с ними происшествий; описание носит поэтому не строго научный, а художественный характер, от такого способа изложения мы, при теперешнем положении психологической науки, не в силах отказаться; нам еще очень далеко до возможности во всех случаях с полной уверенностью отделять курьезное от типического.

Условимся называть нашу девочку Аней. Однажды, когда ей было приблизительно три года, между ней и ее бабушкой завязался следующий разговор:

Аня. Бабушка, отчего у тебя такие тусклые глаза?

Бабушка. А потому, что я уже старая.

Аня. Слушай, ты ведь опять будешь молодой.

Бабушка. Нет, милая, я буду становиться все более и более старой, а потом и умру.

Аня. Ну, а потом?

Бабушка. Потом я превращусь в ангела.

Аня. А потом ты опять станешь маленьким ребеночком?

Девочка находит здесь удобный повод к предварительному разрешению определенной проблемы. За последнее время она часто обращается к матери с вопросами такого рода: получит ли она живую куклу, ребеночка, например, братца; за этими вопросами, конечно, сейчас же следуют вопросы о том, откуда происходят маленькие дети. Вопросы эти Аня ставила совершенно безо всяких влияний со стороны и, между прочим, родители не придали им значения и отнеслись к ним так же легко, как, по их мнению, относилась к ним и сама девочка. Так, в один прекрасный день ей сказали в шутливом тоне, что детей приносят аист. В другой раз она услышала иную версию, несколько более серьезную: дети — это ангелочки, они живут на небе, и оттуда их приносят вниз на

землю аист. По-видимому, эта теория и послужила исходной точкой для исследовательской работы маленькой девочки. В разговоре с бабушкой оказывается, что теория эта получает широкое применение; оказывается, что с ее помощью можно не только удовлетворительно разрешить неприятный вопрос о смерти, но и загадку о происхождении детей. По-видимому, Аня говорит себе: когда человек умирает, он превращается в ангела, а потом он делается ребенком. Такого рода решения, убивающие сразу не менее двух зайцев, упорно держатся не в одной только науке, ребенок тоже расстается с ними не без известных потрясений. В этом наивном воззрении содержатся все элементы учения о перевоплощении, в которое, как известно, веруют до сих пор миллионы людей.

В жизни «маленького Ганса» поворотный пункт — рождение сестренки, в нашем случае эту роль играет появление братца, случившееся, когда Ане только что исполнилось четыре года. До сих пор проблема появления детей почти не затрагивалась, теперь после этого события она становится насущной. Беременность матери, по-видимому, не обратила на себя внимания девочки: в этом смысле она не делала никаких замечаний. Вечером, незадолго до родов, когда у матери уже появились боли, девочка находилась в комнате у отца. Он взял ее на колени и спросил: «Послушай, что бы ты сказала, если бы у тебя в эту ночь появился братец?» — «Я бы его убила», тотчас последовал ее ответ. Слово «убила» кажется весьма страшным, но на деле оно имеет довольно невинное значение. В детском языке слова «убить» и «умереть» означают удаление (исчезновение), активное или пассивное, на что неоднократно указывал Фрейд. Мне как-то пришлось лечить 16-летнюю девушку, которой много раз в течение анализа совершенно самостоятельно приходило в голову все одно и то же представление: это была мысль о стихотворении Шиллера «Колокол»; однако она ни разу не читала этого стихотворения, как следует, и только однажды перелистала его; в настоящее же время ей вспоминается исключительно то, что речь шла о каком-то соборе. Дальнейших же подробностей она не помнит вовсе. Вот относящийся сюда отрывок:

«С соборной башни
Тяжко и тревожно
Колокола поют
Песнь погребенья» и т. д.
«Подземный темный князь
Уводит из объятий мужа
Его дражайшую супругу,
Мать верную его детей» и т. д.

Само собой разумеется, что дочь очень любит свою мать и ей и в голову не приходит думать о ее смерти. Все дело в следующем: дочь и мать собираются поехать на пять недель к родственникам, в прошлом же году мать ездила одна, а дочь оставалась дома вместе с отцом. Она — единственный ребенок в семье и избалована. И вот теперь, к сожалению, маленькую «супругу» «уводят из объятий мужа», дочке же было бы гораздо приятнее, если бы были разлучены «верная мать» и ребенок.

Итак, слово «убивать» на языке ребенка вещь совершенно безобидная, а кроме того, надо учитывать и то, что наша девочка пользуется этим словом для обозначения самых разнообразных видов разрушения, удаления, уничтожения и т. п. Но все-таки сама тенденция, конечно, заслуживает внимания. (Ср. анализ «маленького Ганса».)

Под утро наступили роды. Присутствовали врач и акушерка. Когда все убрали и смыли все следы крови, отец пошел в комнату, где спала Аня. Она проснулась, как только он вошел. Отец сообщил ей новость о появлении братца. Аня приняла эту вест с изумлением, выражение ее лица приняло напряженный оттенок. Отец взял ее на руки и снес в комнату матери. В первый момент девочка бросила быстрый взгляд на мать, которая выглядела несколько бледной, а потом приняла какой-то смущенно-недоверчивый вид, точно думала: «Ну, что-то теперь будет?» (таково впечатление отца). При виде новорожденного она не проявила почти никакой радости, так что родители были даже несколько разочарованы: так холодно отнеслась она к братцу. Вплоть до обеда девочка почему-то избегала матери, что очень бросалось в глаза, так как обычно она от матери не отходила. Но выбрав момент, когда мать осталась в комнате одна, Аня подбежала к ней,

обняла ее за шею и быстро прошептала: «Слушай, разве ты теперь не умрешь?»

Теперь нам становится отчасти ясен происходящий в душе ребенка конфликт; теория с аистом, очевидно, осталась без всякого действия, зато прочное впечатление оставила гипотеза о перевоплощении, согласно которой смерть одного человека сопровождается появлением на свет другого, но уже ребенка. По этой теории маме полагалось умереть — но в таком случае, могла ли Аня радоваться новорожденному? Мы не говорим уже о том, что пробуждающаяся детская ревность настраивает ее не в его пользу. И вот, выбрав удобный момент, она должна удостовериться, умрет ли мама или нет. Мама не умирает. Однако этот счастливый исход наносит тяжкий удар теории перевоплощения.

Так как же объяснить появление братца, как понять, откуда берутся дети? Оставалось только вернуться к теории аиста, которой она на словах никогда не отрицала, но отрицание которой все-таки подразумевалось в переходе к теории перевоплощения.¹ Дальнейшие попытки объяснения, последовавшие непосредственно вслед за этими событиями, к сожалению, остались неизвестны родителям, так как девочка на несколько недель переехала к бабушке. Со слов последней выяснилось, что девочка неоднократно вспоминала аиста, конечно, под влиянием того, что окружающие говорили ей в таких случаях.

Когда Аня вернулась обратно к родителям, то в момент встречи с матерью в поведении ее опять проскользнуло какое-то смущение и недоверие, совсем как в день родов. И мать и отец это ясно почувствовали, хотя и не поняли причины. По отношению же к новорожденному она вела себя очень мило. За это время у ребенка появилась воспитательница, она носила особое форменное платье, так как принадлежала к особой общине; на девочку она произвела большое впечатление, на первых порах крайне отрицательное, — она во всем сильно сопротивлялась воспитательнице. Так, например, она ни за что не хотела, чтобы воспитательница раздевала и укладывала ее в постель по вечерам. Но вскоре выяснилось, откуда происходило такое сопротивление: у постели

братца произошла сцена, Аня с гневом закричала на воспитательницу: «Это не твой братец, а мой». Но постепенно она с ней примирилась и начала даже сама играть в воспитательницу, изъявила желание иметь белую наколку и передник и ухаживала то за братцем, то за куклами. Нельзя было, однако, не заметить, что настроение ее как-то изменилось в сравнении с прежним, стало каким-то элегически-мечтательным. Аня часто подолгу сиживала под столом и пела какие-то длинные, собственного сочинения песни, частью непонятные, частью содержавшие выражение фантастических желаний на тему о воспитательнице («Я воспитательница из общины Зеленого Креста»); было заметно, что в этих песнях прорываются и ищут выражения какие-то определенно тоскливые чувства.

Здесь мы встречаем новый важный момент в жизни маленькой девочки: она начинает переживать какие-то мечты, какие-то приступы элегической настроенности, даже какие-то намеки на поэтическое творчество. Все это такие вещи, которые мы привыкли наблюдать совсем не в этот период жизни, а в более поздний; в ту пору, когда, юное человеческое существо собирается сорвать с себя оковы семьи и начать самостоятельную жизнь, но в то же время внутренне еще приковано к семье и не в силах расстаться с ней, так как испытывает тоскливые и щемящие ощущения при одной мысли об утрате родительского очага с его теплом и уютом. В эту пору начинается пополнение недочета за счет творческого воображения: недостающее компенсируется фантазией. Это сближение психологии 4-летнего ребенка с психологией периода полового созревания на первый взгляд может показаться парадоксальным, однако в данном случае это сходство в механизме, к возрасту же оно не имеет никакого отношения. Элегические мечтания означают то, что известное количество любви подверглось интроверсии, т. е. обращению вовнутрь, внутрь субъекта; прежде эта сумма любви была направлена на реальный объект, как и следовало; теперь, подвергшись интроверсии, эта любовь порождает усиленную деятельность фантазии.² Но каково происхождение этой интроверсии? Является ли она характерным для этого

возраста психологическим процессом или же она вызвана к жизни каким-нибудь конфликтом?

Это разъясняется следующими событиями. Аня довольно часто не слушается матери, проявляет упорство и говорит при этом: «Я опять поеду к бабушке!».

Мать. Мне будет грустно, если ты опять уедешь.

Аня. Ах, с тобой останется братец!

То впечатление, которое эта угроза девочки снова уехать производит на мать, показывает нам, куда, собственно, метила девочка: ей, очевидно, хотелось знать, как отнесется мать к этому ее проекту, а тем самым и как она вообще относится к ней; она хочет выяснить, не лишилась ли она любви матери, не вытеснил ли ее из сердца матери маленький братец. Однако нельзя принимать эту маленькую уловку так просто и без оговорок за чистую монету. Ведь девочка могла прекрасно видеть и чувствовать, что, несмотря на появление братца, отношение к ней ни в чем существенном не изменилось, что мать любит ее по-прежнему. Так что ее упрек матери необоснован, и это отражается и в некоторой аффектации ее тона, не ускользающей от чуткого слуха. И взрослые люди нередко говорят таким тоном. В таких случаях человек не рассчитывает, что к его тону отнесутся серьезно, и чувствует себя вынужденным еще более повысить его. Упрек этот, как таковой, матери, конечно, не приходится принимать всерьез, так как он только предвестник дальнейших и на этот раз более сильных сопротивлений. Вскоре после только что приведенного разговора, произошла следующая сцена:

Мать. Поди сюда, мы пойдем сейчас в сад!

Аня. Ты лжешь, смотри, если ты сказала неправду!

Мать. Что с тобой? Конечно, я говорю правду.

Аня. Нет, ты не говоришь правды.

Мать. Вот ты увидишь, что я говорю правду, мы пойдем сейчас в сад.

Аня. Это правда? Наверное правда? Ты не врешь?

Сцены подобного рода повторялись неоднократно. Тон теперь стал резким и подчеркнутым, а ударение на словах «ложь» и «неправда» указывало на какой-то особый затаенный смысл, неразгаданный родителями, так как в то время

они и вовсе не придавали никакого особого значения подобным проявлениям девочки. В этом отношении они, конечно, вели себя так, как это вообще принято, совсем в духе современного официального воспитания.

Ведь обычно к детям совсем не прислушиваются, обычно их (в любом возрасте) опекают, точно невменяемых, чуть только дело коснется чего-нибудь существенного, все же остальное сводится к дрессировке, ведущей к автоматоподобному совершенству. За сопротивлением всегда кроется какой-нибудь вопрос, какой-нибудь конфликт, о чем мы и узнаем впоследствии по какому-нибудь другому поводу. Но мы обыкновенно забываем привести в связь между собой то новое, что мы узнали или услышали, с сопротивлением, ранее имевшим место. Так, например, некоторое время спустя Аня стала задавать матери такие трудные вопросы:

Аня. Когда я буду большая, я хотела бы стать воспитательницей.

Мать. Такое же желание было и у меня, когда я была маленькой.

Аня. Вот как! Так почему же ты не стала воспитательницей?

Мать. Да потому что я сделалась мамой, у меня самой дети, которых я могу воспитывать.

Аня (задумавшись). Неужели я буду другой женщиной, не такой же, как ты? Неужели я буду жить тогда в другом месте? Буду ли я тогда разговаривать с тобой?

Опять мы видим по ответу матери, какова, собственно, была цель вопроса девочки³: Ане, очевидно, хочется получить ребеночка, чтобы воспитывать его и ходить за ним, вроде как это делает сестра-воспитательница. Ане совершенно ясно, откуда взялся ребеночек у сестры-воспитательницы, таким же образом и у нее самой, когда она станет большой, может оказаться ребеночек. Но почему мама не стала такой же воспитательницей, относительно которой все было бы так же ясно и понятно? То есть откуда у нее взялся ребенок, если он получен ею не тем же путем, как воспитательницей? Получить ребенка по способу воспитательницы, конечно, вполне возможно в будущем и для Ани, но совершенно неясно и

непонятно, как это могло бы быть на иной лад, как она могла бы уподобиться матери в смысле способа получения ребенка. Отсюда вытекает полный раздумья вопрос: «Неужели я буду не такой женщиной, как ты?» И буду ли я во всех отношениях какой-то другой? Теория аиста явно никуда не годится; смерть тоже ничего не объясняет; значит ребенка можно получить, например, по способу сестры-воспитательницы. Способ этот совершенно естественный, и она сама (Аня), вероятно, могла бы иметь ребенка с его помощью, но как же происходило это у мамы? Она — не воспитательница, и все-таки у нее есть дети. С этой точки зрения Аня и задает свой вопрос: «Почему ты не стала воспитательницей?» Scilicet <лат.: то есть> почему же ребеночек появился у тебя не таким же способом, вполне понятным и естественным? Эта своеобразная манера ставить вопросы в косвенной форме представляется типичной и, может быть, обусловливается неясным пониманием самой проблемы: так приходится объяснять эту форму, если не угодно думать, что ребенок прибегает к некоторой «дипломатической» неопределенности, избегая прямо ставить вопросы. В дальнейшем мы встретим кое-что, указывающее на то, что возможно и такое понимание.

Перед нами, очевидно, вопрос: «Откуда появляются дети?» Ребенка принес не аист, мама не умерла и получила ребенка не по способу воспитательницы. Когда прежде она расспрашивала об этом отца, он сказал ей, что детей приносит аист; но это, несомненно, не так, она никогда этому не верила. Значит, папа и мама лгут, да и все остальные тоже. Мы видим теперь, как просто объясняются и ее недоверчивое настроение после родов матери, и ее упреки по адресу мамы. Но, кроме того, раскрывается значение еще одного момента, а именно — значение элегической мечтательности, которую мы решили свести к частной интроверсии. Теперь нам понятно, каков тот реальный объект, который должен был лишиться направленной на него любви, после чего эта любовь, став беспредметной, должна была подвергнуться интроверсии: объект этот — родители, которые лгут и не хотят говорить ей правды. (Что же это такое, если этого нельзя сказать? Что происходит при этом? Таковы, примерно, те во-

просы, которые несколько позже ребенок ставит как бы в скобках, между строк. Ответ получается следующий: «Значит, это что-нибудь такое, что надо скрывать; может быть, это что-нибудь опасное.» Не удастся и попытка вызвать на разговор мать и выманить у нее истину с помощью коварных вопросов: в результате сопротивлению противопоставляется сопротивление и с другой стороны, и начинается интроверсия любви. Вполне естественно, что у 4-летнего ребенка способность к сублимации развита еще очень незначительно и не в состоянии сослужить сколько-нибудь большой службы: психике поэтому приходится обращаться к компенсациям иного рода, приходится вернуться к какому-нибудь из давно уже оставленных инфантильных приемов борьбы за любовь, из которых самый излюбленный — крик по ночам и вызов матери. Этот прием уже усердно практиковался и был широко использован на первом году жизни. Теперь он появился вновь, однако в соответствии с теперешним возрастом он уже сопровождался мотивировкой и был разукрашен свежими впечатлениями.

В это время как раз произошло землетрясение в Мессине и за столом шли разговоры об этом событии. Аня проявила крайний интерес к этому происшествию и постоянно заставляла бабушку рассказывать ей, как заколебалась земля, как стали обваливаться дома, сколько людей при этом погибло. С этого момента у нее каждый вечер стал появляться страх, она боялась оставаться одна, мать должна была приходить и сидеть с ней, так как она боялась, что произойдет землетрясение, обвалится дом и ее задавит. Мысли эти живо занимают ее и днем; на прогулках она изводит мать разными вопросами на эту тему: что будет с нашим домом, когда мы вернемся домой? Будет ли он цел? А папа? Будет ли он еще жив? Верно ли, что дома не произошло землетрясения? Наверное ли это так? О каждом камне, попадавшемся на дороге, она спрашивала, не от землетрясения ли он? Всякий строящийся дом казался ей руиной от землетрясения и т. п. В конце концов она стала часто вскрикивать по ночам, кричала, что приближается землетрясение, что она уже слышит его раскаты.

По вечерам приходилось давать ей торжественное обещание, что наверняка не будет никакого землетрясения. Пробовали успокаивать ее самыми различными способами, например, ей сказали, что землетрясения бывают только там, где существуют вулканы.

Но после этого потребовались новые доказательства, что горы в окрестности города — не вулканы. Это резонерство постепенно вылилось в крайне сильную любознательность, совершенно неестественную в таком возрасте; любознательность эта проявлялась таким образом, что, наконец, пришлось принести ей из библиотеки ее отца целый ряд атласов и геологических таблиц. Она целыми часами рылась в этих изданиях, рассматривала изображения вулканов, искала землетрясения и задавала бесконечные вопросы.

Здесь перед нами очень энергичная попытка сублимации страха в научное стремление, однако эта попытка решительно не по возрасту. Как это и вообще нередко делается по отношению к одаренным детям, которых мучит та же проблема, эту преждевременную сублимацию начинают поощрять, с ней начинают носиться, что, конечно, совсем не в интересах ребенка, так как, благоприятствуя сублимации в этом возрасте, мы только поддерживаем элементы невроза. В данном случае корнем научного стремления является страх, и этот страх, в свою очередь, является выражением конвертированного либидо, т. е. интроверсии, которая уже успела стать невротической, что в этом возрасте и не отвечает действительным потребностям ребенка и не может быть благоприятным для его развития. Какова была в конечном счете цель этого научного влечения, становится понятным на основании целого ряда поднимавшихся почти ежедневно вопросов: почему Соня (так зовут ее младшую сестрицу) моложе, чем я? Где же Фриц (братец) был до рождения? Он был на небе? Что же он делал там? Почему он спустился вниз только теперь, а не раньше?

Все эти обстоятельства внушили отцу мысль, что мать должна сообщить девочке всю правду о происхождении братца, причем для этого ей следовало воспользоваться каким-нибудь подходящим поводом.

Это и произошло вскоре, когда Аня как-то снова завела речь об аисте. Мать сказала ей, что рассказ про аиста — это неправда, в действительности же Фриц вырос внутри мамы, наподобие того, как цветы вырастают из земли. Сперва он был совсем маленький и постепенно становился все больше и больше, как и растения. Девочка слушала очень внимательно, нимало не изумилась и вслед затем спросила: «Что же, он вышел сам собой?»

Мать. Да.

Аня. Да ведь он даже ходить не может.

Младшая сестра Ани. Значит, он выполз.

Аня (не обращая внимания на слова сестрицы). А разве там (показывает при этом на грудь) есть дыра? Или он появился изо рта? Ну, а кто вырос из воспитательницы?

Тут она перебила сама себя и воскликнула: «Нет, я знаю, что братца принес с неба аист». Затем, прежде чем мать успела ответить на последние вопросы, девочка оставила эту тему и выразила опять желание посмотреть на картинки с изображением вулканов. Весь вечер после этого разговора прошел совершенно спокойно. Внезапно полученное девочкой половое просвещение, очевидно, навязало ей целый ряд всевозможных догадок, что и отразилось в той поспешности, с которой она ставила свои вопросы. Теперь перед нею открылись новые и неожиданные перспективы, и она быстро подходит к главной проблеме, а именно, к вопросу: откуда появился ребенок? Из отверстия в груди или изо рта? Оба эти предположения являются иногда отправными пунктами целых теорий.

Случается, что этой теории — отверстия в стенке туловища и кесаревого сечения — продолжают придерживаться даже молодые женщины, недавно вышедшие замуж. Это должно выражать особенно высокую степень невинности. Конечно, в этих случаях дело совсем не в невинности, а в инфантильных сексуальных проявлениях, приведших к тому, что естественные родовые пути получили в их глазах в дальнейшем дурную славу. В сущности говоря, мы должны бы удивляться тому, как может прийти в голову ребенка подобная нелепая идея, что в груди существует отверстие, или что роды проис-

ходят через рот; почему же через рот, а не через одно из тех естественных отверстий в нижней части тела, из которых ежедневно выделяются соответствующие продукты? Однако это объясняется очень просто: ведь еще не так давно наша девочка проявляла повышенный интерес к этим двум отверстиям и к их своеобразным продуктам, причем этот интерес далеко не всегда соответствовал требованиям опрятности и приличия, так что воспитательскому таланту матери было над чем потрудиться. Пора эта не за горами. В эту пору ей пришлось познакомиться с существованием особых исключительных законов, касающихся этой области тела; как впечатлительный ребенок она вскоре сообразила, что там, в этой области, что-то «табу». Поэтому эта область и не может идти в счет; эту маленькую логическую ошибку нам нетрудно простить 4-летнему ребенку, когда мы вспомним о всех тех взрослых людях, которые нигде не усматривают ничего сексуального и не в состоянии усмотреть, несмотря на то, что вооружены сильнейшими очками. Наша девочка реагирует гораздо послушнее, чем ее маленькая сестренка, которая, надо сказать, проявила совершенно исключительные успехи в области интереса к моче и калу, обнаружив весьма сходные манеры также и за едой. Эксцессы свои она всегда обозначала словом «весело»; но мать находила, что это «отнюдь не весело» и запрещала ей эти игры. Девочка с внешней стороны как будто бы пошла навстречу этим непонятным педагогическим капризам, но вскоре, однако, последовала ее месть. Как только за обедом появлялось какое-нибудь новое кушанье, она категорически отказывалась есть его наряду с другими и делала при этом замечание: «это невесело». С этого момента она отказывалась от всех, не совсем обычных кушаний, со словами: «это невесело».

Психология этого негативизма вполне типична, и понять ее нетрудно. Эмоциональная логика здесь такова: «Вы находите, что мои «художества» вещь невеселая, вы требуете, чтобы я от них отказалась, в таком случае я буду так же относиться к вашим хваленым «художествам» и не буду принимать в них участия». Как и все подобные, столь частые у детей, компенсации, эта компенсация строится на основа-

нии следующего детского принципа: «Если мне больно, пусть вам будет еще больнее».

Сделав это отступление, обратимся снова к нашему случаю. Аня оказалась легко поддающейся девочкой и до такой степени приспособилась к культурным требованиям, что мысль о самом простом (в данном вопросе) приходит ей в голову лишь в последнюю очередь (таков, по крайней мере, ее разговор). Неправильные теории, занимающие место правильных воззрений, держатся у нее целыми годами, пока вдруг совершенно внезапно и извне она не получает соответствующее разъяснение. Поэтому неудивительно, что подобные теории, даже поощряемые родителями и воспитателями, в дальнейшем, если развивается невроз, делаются важными детерминантами симптомов, а в случаях развития психоза превращаются в бредовые идеи, как это доказано мною в моей «Психологии раннего слабоумия». То, что существовало в душе в течение долгих лет, всегда как-нибудь да наличествует в ней, хотя бы и скрываясь за компенсаторными явлениями как будто иного характера или происхождения.

Еще не разрешен окончательно вопрос о том, откуда же выходит младенец, как уже навязывается новая проблема: итак, из мамы выходят дети, а как же обстоит дело у воспитательницы? Может быть, и из нее тоже вылез кто-нибудь? Но после этого вопроса сразу происходит перелом: «Нет, нет, братца принес аист с неба». Что же тут особенного, что никто не появился на свет из воспитательницы? Мы вспоминаем, однако, что Аня идентифицировала себя с сестрой-воспитательницей и строит планы самой стать в будущем воспитательницей, так как ей тоже хотелось бы иметь ребеночка, и ей кажется вполне возможным получить его на тот же лад, как его получила воспитательница. Но как быть теперь, когда стало известно, что братец вырос в маме, что теперь думать об этом?

Этот страшный вопрос тотчас же отбрасывается, и Аня снова хватается за старую теорию, в которой фигурируют аист и ангелочек и в которую она, в сущности, никогда как следует не верила, но на этот раз эта теория после некоторых попыток остановиться на ней, окончательно сдается в архив.

Теперь, однако, висят в воздухе два вопроса; один из них гласит: «Откуда появляется на свет младенец». Второй вопрос значительно труднее, вот он: «Как это так, что у мамы есть дети, а у воспитательницы и у прислуги нет детей?». В первое время, однако, эти вопросы больше не всплывали.

На другой день за обедом Аня вдруг, по-видимому, без всякой связи, заявила следующее: «Мой брат в Италии, у него дом из материи (сукна) и стекла, и этот дом не падает».

Как и всегда, в данном случае нельзя было получить объяснения путем расспросов, так как она оказывает слишком большое сопротивление и ее внимание не удается фиксировать. Это заявление, сделанное всего один раз, производящее впечатление как бы чего-то официозного, чрезвычайно важно. В течение приблизительно трех месяцев дети заняты стереотипной фантазией на тему о взрослом «большом брате», который все знает, все может, у которого ни в чем нет недостатка, который был и есть везде и всюду, где они не бывали, и может делать все, что им запрещено. У каждой девочки есть такой большой брат и у него есть большие коровы, овцы, лошади, собаки и т. п.⁴ Источник этой фантазии не приходится искать слишком далеко; отец представляет собой образец для фантазии: он ведь что-то вроде такого брата по отношению к матери. Такого могущественного брата поэтому должны иметь и дети. Брат этот очень смел, находится в настоящее время в опасной Италии и живет в очень «ломком, до невозможности хрупком доме, который все-таки не обваливается». Все это реализует очень важное для ребенка желание: землетрясение больше не представляет опасности. Страху и фобии в силу этого надлежит отпасть, и они действительно проходят. С этого момента боязнь землетрясения совершенно прекратилась. Вместо того, чтобы по вечерам звать отца к своей кроватке для успокоения страха, девочка проявляет больше нежности и просит отца целовать ее. Чтобы испытать прочность создавшегося положения, отец показал девочке целый ряд новых фотографий вулканов и изображений последствий землетрясений. Но Аня отнеслась к ним холодно и равнодушно: «Это покойники! Это я уже

много раз видела». Так же было дело и с фотографией вулканического извержения: для девочки во всем этом не было больше ничего привлекательного. Весь интерес к науке пропал, причем столь же быстро, как и возник. Но в ближайшие дни после полученного ею разъяснения у нее, конечно, было занятие поважнее, она приступила к распространению новых знаний на окружающее, причем вот каким образом: прежде всего еще раз было констатировано, что маленький Фриц вырос внутри мамы, а также и она и младшая сестренка; папа вырос в своей маме, мама — в своей, точно так же и служанка.

Желая убедиться в прочности этой новой для нее истины, Аня стремилась проверить ее целым рядом частых вопросов, так как предшествовавшие события сделали ее в значительной степени недоверчивой, и, чтобы рассеять все сомнения, нужно было много раз подтвердить, что все это действительно так. Наряду с этим время от времени случалось, что обе девочки опять вспоминали теорию с аистом и с ангелочками, однако не всерьез, несколько нараспев рассказывая ее куклам. Очевидно, новая истина оправдывалась, так как фобия исчезла. И только один раз случилось так, что эта уверенность чуть не пошла прахом. Дней через восемь после полученного ею разъяснения отец как-то до обеда пролежал в постели, так как захворал гриппом. Дети не знали о болезни отца; Аня пришла в спальню родителей и увидела нечто для нее непривычное: отец лежал в постели. Опять на ее лице отразилось изумление, она остановилась на значительном расстоянии от постели, не захотела подойти поближе; очевидно, испугалась и стала опять недоверчивой. Наконец, она выпалила внезапно: «Почему ты в постели? У тебя, может быть, тоже растение в животе?»

Отец, конечно, расхохотался и успокоил ее, сказав, что в папе не могут расти дети, что у мужчин вообще детей не бывает, а только у женщин, после чего девочка тотчас же успокоилась и стала доверчивой. Но спокойствие было только наружным, в глубине же шла работа над все теми же проблемами. Прошло несколько дней, и Аня сообщила за столом, что «видела сегодня ночью во сне Ноев ковчег». Отец спро-

сил, что же она, собственно, видела; в ответ Аня понесла какой-то вздор. В таких случаях необходимо просто выждать и наблюдать, что будет дальше. Так оказалось и тут, через несколько минут она сказала бабушке: «Сегодня ночью я видела во сне Ноев ковчег, внутри него было много зверьков». Затем наступила снова пауза, после чего она уже в третий раз приступила к рассказу: «Сегодня ночью я видела во сне ковчег Ноя, в нем было много зверьков, а внизу была крышка, она открылась и все зверьки вывалились». Эта фантазия для посвященного весьма ясная. У наших девочек действительно есть игрушечный ковчег, но отверстие в нем и крышка находятся сверху, на кровле, а не внизу. В сновидении содержится следующий тонкий намек: рассказ о том, что роды происходят через рот или через грудь, неверен; правда начинает чувствоваться: ребенок выходит снизу.

После этого прошло несколько недель без всяких сколько-нибудь заметных событий. Затем как-то она видела такое сновидение: «Я видела во сне папу и маму! Они долго сидели в кабинете, и дети тоже были вместе с ними». На поверхности здесь перед нами обычное детское желание, так же долго не ложиться спать вечером, как и родители. Здесь реализуется это желание, причем оно маскирует другое, гораздо более важное желание, а именно следующее: быть при том, как родители останутся вечером наедине, и, конечно, вполне невинным образом, в кабинете, где девочка видела столько интересных книг, где она утолила жажду знания, т. е. стремилась разрешить жгучий вопрос, откуда появился на свет братец. Вот если бы дети были бы с родителями в кабинете, они бы узнали это.⁵

Через несколько дней Аня видела страшный сон и проснулась с криком: «Сейчас будет землетрясение, дом уже дрожит». Мать подошла к ней, успокоила и утешила ее: землетрясения не будет, все спокойно, все в доме спят. На это Аня крайне серьезно сказала: «Я хотела бы посмотреть на весну, как будут выходить цветочки, как весь луг будет полон цветов. Я хотела бы посмотреть да маленького Фрица, у него такое милое личико. Что делает папа? Что он говорит?» (Мать отвечает: «Он спит и ничего не говорит».) Тогда девочка

говорит с насмешливой улыбкой: «Пожалуй, он опять будет болен завтра!»

Этот текст следует читать, начиная с конца. Последняя фраза была сказана несерьезно, насмешливым тоном: когда отец был болен в прошлый раз, Аня высказала подозрение, что у него «растение в животе». Смысл насмешки, по-видимому, таков: у папы-то завтра, пожалуй, будет ребенок? Но сказано это, конечно, несерьезно: у папы не будет ребенка, ведь дети могут быть только у мамы, а у нее вот действительно завтра, может быть, опять будет ребеночек. Откуда же он появится? «Что делает папа?» Здесь всплывает определенно формулировка трудной проблемы: что же такое делает отец, если он не рождает детей? Девочке слишком сильно хочется получить разъяснение всех ее вопросов; хочется знать, как появился на свет маленький Фриц; хочется видеть цветочки и как они весной появляются из земли. И все эти желания скрываются за страхом, что случится землетрясение.

После этого интермеццо Аня спала спокойно до утра. Утром мать стала ее спрашивать: «Что это такое было с тобой сегодня ночью?» Девочка ничего не помнила и думала, что видела только следующее сновидение: «Мне снилось, что я могу сделать лето, а кто-то вдруг после этого бросил в клозет Петрушку».

В этом странном сне, очевидно, две различных декорации, два действия, отделенные словом «вдруг». Материал для второй части связан с недавним желанием иметь Петрушку, т. е. куклу мужского пола (подобно маме, у которой есть мальчуган). Кто-то кидает Петрушку в клозет. В клозет же обычно спускают совсем другое. Вот так же, как это выходит в клозете, так выходит наружу и ребеночек. Итак, тут мы имеем полную аналогию с «Lumpf»-теорией «маленького Ганса». Если в одном сновидении встречается несколько сцен, то обыкновенно каждая такая сцена представляет собою особый вариант обработки комплекса. Так и в данном случае первая часть только вариант темы, общей для обеих частей. Мы уже видели выше, что это значит: «видеть весну» или «видеть, как выходят цветочки». Теперь Ане снится, что она «может делать лето», т. е. сделать так, чтобы появились цве-

точки; снится, что она сама может сделать ребеночка; вторая же часть сновидения говорит о том, что делается это так же, как в клозете. Здесь перед нами эгоистическое желание, скрывающееся за теми интересами, о которых речь шла ночью и которые казались совершенно объективными.

Несколько дней спустя у Аниной матери была в гостях дама, ожидавшая вскоре разрешения от бремени. Дети как будто ничего и не заметили.

Но на другой день тайком от родителей они потешались над этим и играли в особую игру: они вытащили все старые газеты из корзины отца и набили себе этими газетами толстые животы, несомненно, имитируя виденное накануне. Ночью у девочки был следующий сон: «Я видела во сне женщину в городе, у нее был толстый-толстый живот». В сновидениях главным действующим лицом всегда бывает тот, кто переживает это сновидение, правда, всегда в каком-нибудь особом аспекте; в данном случае игра, которой накануне забавлялись дети, получает свое исчерпывающее объяснение.

Некоторое время спустя Аня поразила мать следующим зрелищем: она подсунула себе под юбки куклу, потом осторожно вытащила ее, головой вниз, и сказала: «Смотри, вот ребеночек выходит, вот он совсем вышел». Этим она хотела сказать: «Видишь, я так понимаю роды, а ты что думаешь? Так ли это?» Смысл игры заключался, как мы увидим дальше, в требовании Ани дать ей официальное подтверждение верности этого ее понимания родов.

В течение следующих недель у Ани то и дело появлялись разные фантазии, указывавшие на то, что обдумывание проблемы родов все еще продолжается. Так, через несколько дней, игра повторилась, причем роль ребенка играл медведь, любимая кукла девочки. Однажды, показывая на розу, она сказала бабушке: «Смотри, у розы будет ребеночек». Бабушка не могла вполне согласиться с этим; Аня показала ей тогда несколько вздутую чашечку: «Смотри, она стала в этом месте совсем толстая». Как-то Аня поссорилась с сестренкой, и эта последняя сердито окрикнула ей: «Я убью тебя!», на что Аня возразила: «Если я умру, ты будешь совсем одна и тебе придется молить Бога, чтобы он дал тебе живого ребеноч-

ка». Тотчас сцена изменилась; Аня стала ангелом, сестренка должна была встать перед ней на колени и просить ее подарить ей живого ребеночка. Так Аня превратилась в мать, раздающую детей.

Как-то за столом к десерту были поданы апельсины. Аня с нетерпением стала просить себе апельсин и сказала: «Я возьму апельсин и проглочу его целиком, совсем глубоко в живот, и получу потом ребеночка».

Ну, как тут не подумать о сказках, в которых рассказывается про бездетных женщин, которые, в конце концов, становятся беременными, проглотив плоды, рыбу или что-нибудь в этом роде.⁶ В данном случае Аня сделала попытку разрешить вопрос, каким образом, собственно, дети оказываются внутри матери? Здесь она ставит вопрос, до сих пор еще ни разу не формулированный ею с такой остротой. Разрешает она его в форме сравнения, в целом свойственной архаическому детскому мышлению. (И взрослый человек мыслит этим же способом в пределах душевного слоя, лежащего непосредственно под сознательным. Сновидения заставляют всплывать на поверхность подобные уподобления; то же самое происходит и при раннем слабоумии.) Характерно, что подобные детские сравнения довольно часто встречаются как в немецких сказках, так и в сказках многих других народов. Сказки, по-видимому, представляют собою детские мифы, поэтому в них наряду с прочим содержится также и мифология, которую создает себе ребенок по поводу явлений сексуального характера.⁷ Поэзия сказок действует чарующим образом и на взрослого человека; это, может быть, в известной мере обуславливается тем, что в нашем бессознательном продолжает жить немало древних теорий. Кому не знакомо то совершенно своеобразное и таинственное чувство, которое возникает в нас, когда что-нибудь смутно (чисто эмоционально) напомним нам наше самое раннее детство!

Проблема того, как ребенок очутился внутри матери, представляет большие затруднения и трудно разрешима. Ведь в наше тело проникает только то, что попадает в рот; поэтому можно предположить, что мать съела нечто вроде какого-нибудь плода, который потом вырос внутри тела. Однако

возникает дальнейшее затруднение, а именно следующее: теперь известно, что детей производит на свет мать, но неизвестно, зачем же тут, собственно, отец. Это давняя привычка нашего ума приводить в связь две неизвестные величины и при выяснении значения одной из них принимать в расчет и другую.

И вот у ребенка очень скоро укрепляется убеждение, что отец принимает какое-то участие во всем этом деде, причем, главным образом, потому, что все еще остается неясным, как дети попадают в тело матери, остается неразрешенной проблема, как возникают дети.

Что делает отец? Теперь Аню занимает исключительно этот вопрос. Однажды утром она прибежала в спальню к родителям и застала их за утренним туалетом, она прыгнула на постель отца, легла на живот и стала болтать ногами. При этом она воскликнула: «Так делает папа? Верно?» Родители усмехнулись и не ответили на этот вопрос, так как они гораздо позже сообразили, что за смысл могло иметь подобное представление. Прямо изумительно, однако, сходство с лошадью, делающей шум ногами, о которой говорил «маленький Ганс».

После этого случая разработка всей этой проблемы, по видимому, совершенно остановилась, по крайней мере, родителям не удалось сделать каких-либо дальнейших наблюдений. Что остановка в развитии проблемы произошла именно в этот момент, неудивительно, так как здесь был затронут самый трудный пункт. А кроме того, опыт показывает, что мало детей переходит эту границу уже в детском возрасте. Проблема слишком трудна для детского интеллекта, так как у ребенка нет целого ряда необходимых сведений, без которых неразрешима эта проблема. Ребенок ничего не знает о семени, не знает также и о половом сношении. И рисуется только одна возможность: мать что-нибудь съедает, так как только таким образом что-нибудь может попасть внутрь тела. Но что же при этом делает отец? Частые сравнения с сестрой-воспитательницей и другими незамужними женщинами, очевидно, не прошли даром. Аня должна была на их основании сделать вывод, что существование отца имеет значение.

Но что же он делает? И маленький Ганс, и Аня полагают, что здесь что-то делается ногами.

Затишье в разработке вопроса продолжалось приблизительно пять месяцев и в течение этого времени не наблюдалось никаких фобических симптомов и вообще никаких признаков обработки комплекса. По истечении же этого срока появились предвестники событий. Семья Ани жила тогда на даче, на берегу озера, в котором детям разрешалось купаться вместе с матерью. Аня боялась входить в воду дальше, чем по колено, и тогда отец как-то взял и внес ее в воду, что привело, однако, к страшному крику. Вечером, укладываясь спать, Аня спросила мать: «Послушай, папа хотел утопить меня?»

Через несколько дней она опять сильнейшим образом расплакалась. Она подошла к садовнику и так долго не отходила от него, что он, в конце концов, в шутку посадил ее в небольшую, только что вырытую им яму. Аня принялась жалобно кричать и после уверяла, что садовник хотел зарыть ее.

В довершение всего она как-то ночью проснулась в страхе и с криком. Мать вошла к ней в комнату и успокоила ее. Ане приснилось, что «там наверху проезжает поезд и обрушивается вниз».

Итак, перед нами та же история, что и ломовая телега «маленького Ганса». Эти события определенно указывают на то, что в воздухе снова запахло страхом, т. е. что снова появилось препятствие для перенесения на родителей, вследствие чего значительнейшая доля любви подверглась конверсии в страх. На этот раз недоверие направлено уже не на мать, а на отца, который, конечно, знал в чем дело, но никогда не проронил до этого повода ни слова. Что же он такое затеял, что он делает? Эта тайна представляется ребенку, как нечто очень опасное, так что, очевидно, необходимо опасаться самого худшего со стороны отца. (Подобный страх, такую же настроенность против отца у взрослых мы встречаем при раннем слабоумии, причем во вполне ясно выраженной форме; вообще создается такое впечатление, будто это заболевание находится в согласии с психоаналитическими принципами и снимает покров с очень многих бессознатель-

ных процессов.) Поэтому Аня и приходит к по видимости столь нелепому предположению, что отец хочет утопить ее.

Тем временем Аня несколько подросла и ее интерес к отцу принял особый оттенок, с трудом поддающийся описанию. Трудно найти в нашем языке подходящие слова, чтобы описать эту совершенно своеобразную форму нежного любопытства, написанного на лице ребенка.

Как раз в это время дети придумали одну любопытную игру. Едва ли это было случайно. Две самые большие куклы были возведены в ранг бабушек, и началась игра в «больницу», причем роль больничного здания играла беседка в саду. Туда они отнесли «бабушек», положили их там и оставили на ночь. В данном случае «бабушка» до последней степени напоминает фигурировавшего в прошлом «большого брата». Представляется весьма вероятным, что «бабушка» эта просто замещает мать. И вот девочка, следовательно, приступает уже к устранению матери.⁸ Возникновению этого намерения могло способствовать и то, что мать опять подала ей повод к тому, чтобы относиться к ней несколько пренебрежительно.

Было это вот как: садовник разбил большую площадку и стал засеивать ее травой. Аня с великим удовольствием помогала ему в этой работе, по-видимому, совершенно не чуя глубокого значения этой «детской игры». Прошло дней четырнадцать. Аня часто приходила и с радостью смотрела на молодую пробивающуюся травку. Однажды она явилась к матери и спросила ее: «Скажи мне, как выросли глаза в голову?» Мать ответила, что она не знает этого. Но Аня стала продолжать свои вопросы и пожелала знать, известно ли это Богу и папе, и почему Бог и папа все знают? Мать предложила ей обратиться к отцу и спросить у него, как это происходит, что глаза вырастают в голову. Несколько дней спустя вся семья была в сборе за столом, только что окончился обед, и все собирались расходиться по своим делам. Отец несколько задержался, читая газету, осталась тут же и Аня. Внезапно она подошла к отцу и спросила: «Скажи мне, каким образом глаза выросли в голову?»

Отец. Они вовсе не выросли в голову, а с самого начала были в ней и выросли вместе с головой.

Аня. «Разве глаза не посадили (как растения)?»

Отец. Да нет! Они выросли в голове, так же как и нос.

Аня. А рот и уши тоже так выросли?

Отец. Да, все это выросло так же.

Аня. И волосы так же? Ведь маленькие мышки появляются на свет совсем голые. Где же до этого были волосы? Нет ли для них семечек?

Отец. Нет, знаешь, волосы выходят из очень маленьких зернышек, вроде семечек; но эти зернышки уже сидят под кожей, и их никто не посеял».

Здесь отец почувствовал себя в несколько затруднительном положении. Он догадывался, чего хотела девочка, куда она метила; итак, теория с семенами вошла в обиход ее мыслей, она вывела ее, наблюдая природу, причем сама форма теории была столь дипломатична и удобна, что отец решил не громить всю теорию только потому, что в данном случае девочка применила ее неправильно; к тому же и тон девочки был так необычен и серьезен, что отнестись к ее вопросам невнимательно было совершенно невозможно.

Аня (явно разочарованная, сокрушенным тоном). Но как же маленький братец попал внутрь мамы? Кто его туда вклеил? И кто вклеил тебя в твою маму? И где он вышел наружу?

Весь этот поток вопросов вырвался совершенно внезапно, отец выбрал последний из них для ответа: «Подумай, ты видишь, ведь маленький Фриц — мальчик; из мальчиков потом выходят мужчины, из девочек-женщины; детей могут иметь только женщины, но не мужчины. Теперь подумай, где же мог выйти наружу маленький Фриц?»

Аня (засмеялась, радостно возбужденная, и показала на свои половые органы). Значит, он вылез отсюда?

Отец. Ну, конечно, ведь и сама ты так думала?

Аня (не слышит вопроса, поспешно). Но как маленький Фриц попал внутрь мамы? Его тоже посадили как растение? Посадили семечко?

Этот вопрос был слишком определенным, и отец почувствовал, что на этот раз он не в силах дать уклончивый ответ. Он объяснил ребенку, что мать играет роль почвы, а отец — роль садовника, отец дает семена, а у матери семена

возрастают, и таким способом получается младенец. Аня слушала с величайшим вниманием. Ответом этим она была чрезвычайно довольна, тотчас же бросилась к матери и воскликнула: «Папа мне все рассказал, я теперь все знаю». Но что она знала, она не сказала.

Уже на следующий день она сыграла на своих новых познаниях. Придя к матери, она сказала ей: «Мама, подумай, папа рассказал мне про Фрица: он был ангелочком и аист принес его с неба». Мать, конечно, очень удивилась и сказала: «Не может быть, папа не мог сказать этого». Девочка же засмеялась и убежала.

Это была, несомненно, месть. Мать не знала или не хотела знать, как выросли на голове глаза; она, в конце концов, может быть, не знает даже и того, каким образом врос в нее Фриц. Можно поэтому преспокойно провести ее, рассказать ей эту старую историю. Она, пожалуй, даже поверит.

Теперь девочка успокоилась, так как знания ее обогатились и трудная проблема разрешилась. Но главная польза была в том, что создались более интимные отношения с отцом, несколько, однако, не умалявшие ее умственной независимости. Отец, правда, был встревожен, он чувствовал себя несколько не по себе при мысли, что он выдал ребенку четырех с половиной лет такую тайну, которую другие родители тщательно скрывают. Понятно, что его тревожило, как девочка воспользуется своими знаниями? Не начнет ли она болтать, не будет ли слишком широко пользоваться своими знаниями? Ведь ей ничего не будет стоить начать просвещать своих сверстниц или с наслаждением играть роль *enfant terrible* <фр.: ужасного ребенка> перед взрослыми. Однако все эти опасения оказались совершенно неосновательными. Аня никогда, ни разу, ни слова не проронила об этом. Разъяснение, данное девочке, достигло цели и в том отношении, что все вопросы прекратились, проблема, так сказать, затихла. Но, конечно, в бессознательном сохранился интерес к загадке появления людей на свет. Несколько недель спустя после разъяснения Аня рассказала следующий сон: ей снилось, что она в саду и что около деревьев было несколько садовников, которые мочились; среди них был и отец.

Мы узна
это делает
В это вр
ли исправ
рела, как
сновидение
Это сно
Аня задал
ли сделать
у меня все
вает на то,
степени за
гаясь бесс
каких-то н
лось при п
сколько ме
лось пять
доросла д
ствовала п
дано неко
ния. Она
шее о пони
ко она ни
появились
к матери:
она была д
таких дур
бель мале
разразила
сказала: «
дети». Ей
какое пре
видимому
несколько
она делал
Но вот с
к матери
воте?»

Мы узнаем нерешенную еще до сих пор проблему: как отец это делает?

В это время в квартире появился слесарь, которого позвали исправить какой-то тугой ящик; Аня стояла подле и смотрела, как он обтесывал ящик. Ночью же у нее было такое сновидение: слесарь обтесывает ей половые органы.

Это сновидение нетрудно истолковать в том смысле, что Аня задает себе вопрос: все ли у меня в порядке? Не надо ли сделать чего-нибудь вроде того, что сделал слесарь, чтобы у меня все было в порядке? Подобное предположение указывает на то, что в настоящий момент эта проблема в сильной степени занимает бессознательную сферу девочки, подвергаясь бессознательной переработке; причина — наличность каких-то неясностей. Что это действительно так, обнаружилось при первой же возможности; произошло это через несколько месяцев, незадолго до того дня, когда ей исполнилось пять лет. Тем временем и младшая сестрица Соня тоже доросла до этих же вопросов. Надо сказать, что она присутствовала при том разговоре, во время которого Ане было дано некоторое разъяснение, в период боязни землетрясения. Она даже сделала одно замечание, как будто говорившее о понимании ею того, о чем шла речь (ср. выше). Однако она ничего не поняла. Это вскоре обнаружилось. У нее появились периодические приливы нежности по отношению к матери: она ходила за матерью по пятам, но в то же время она была довольно непослушна и раздражительна. В один из таких дурных дней ей вдруг захотелось опрокинуть колыбель маленького братца. Мать запретила ей это, тогда она разразилась громким ревом. И, громко рыдая, она внезапно сказала: «Я же совсем не знаю, откуда берутся маленькие дети». Ей, конечно, тотчас же дали такое же разъяснение, какое прежде было дано и старшей девочке. На этом, по видимому, проблема у нее остановилась. Так продолжалось несколько месяцев. Потом опять стали выпадать дни, когда она делалась плаксивой, когда у нее портилось настроение. Но вот однажды она совершенно неожиданно обратилась к матери с таким вопросом: «Разве Фриц был у тебя в животе?»

Мать. Да.

Соня. И ты его выдавила?

Мать. Да.

Соня (быстро). Там внизу?

Тут она употребила такое детское выражение, которое обозначает и половой орган и задний проход.

Соня. И тогда его спустили вниз?

Выражение «спустили вниз» относится к механизму ватерклозета, очень интересовавшему детей: в клозете «спускают вниз» экскременты.

Аня. Разве Фриц был в рвоте?

У Ани вечером как раз была рвота в связи с легким расстройством пищеварительного тракта.

После паузы в несколько месяцев Соня снова принялась за все эти вопросы и захотела еще раз удостовериться в верности данного ей разъяснения. Это, по-видимому, указывает на то, что у нее возникали сомнения в верности слов матери. Судя по содержанию вопросов, сомнения были обусловлены недостаточно ясным объяснением акта рождения. Выражение «выдавливает» наши дети применяют для обозначения дефекации. Это выражение указывает на тот путь, которым пойдет у Сони развитие теории. Ее вопрос, не был ли Фриц «спущен вниз», указывает, что она вполне отождествляет братца с экскрементами: отождествление это заходит так далеко, что граничит с забавным. По этому поводу Аня делает странное замечание, спрашивает: «Разве Фриц был в рвоте?» Рвота, случившаяся у нее накануне вечером, произвела на нее сильное впечатление. Рвоты у нее не было со времени самого раннего детства: с тех пор это был первый случай. Ведь и таким путем возможно выделение чего-либо из внутренних частей тела. До сих пор мысль об этой возможности не приходила ей, как следует, в голову. (Она подумала об этом, лишь когда возник вопрос об отверстии в стенке туловища: тогда ей пришла было в голову мысль о рте.) Делая такое замечание, она решительно уклоняется в сторону от теории экскрементов. Почему же она тут же не догадывается, почему сразу не думает о половых органах? Последнее рассказанное ею сновидение дает возможность найти те основа-

ния, которые, по всей вероятности, сыграли здесь роль: в половых органах есть что-то непонятное для нее; там что-то должно быть сделано для того, чтобы дело «пошло». А может быть, все это происходит и иным путем, не с помощью половых органов? Может быть, семя, из которого происходит ребенок, попадает в тело через рот, как и кушанья, а ребенок появляется затем наподобие рвоты.

Итак, механизм родов в деталях продолжает все еще оставаться загадочным.

Поэтому мать еще раз внушила Ане, что ребенок действительно выходит снизу. Приблизительно через месяц Аня вдруг рассказала следующее сновидение: «Мне снилось, будто я была в спальне у дяди и тети. Оба они лежали в кровати. Я сняла с дяди одеяло, села ему верхом на желудок и стала подскакивать».⁹

Об этом сновидении она заговорила как-то совершенно неожиданно: такое, по крайней мере, складывалось впечатление. В то время дети уже несколько недель жили на даче, а отец, задержанный делами в городе, как раз в этот день приехал к ним на побывку. Аня была с ним особенно нежна. Отец спросил ее в шутку: «Хочешь поехать со мной в город вечером?» Аня: «Да. А можно мне будет спать с тобой вместе?» В этот момент она с нежностью припала к отцу, взяв его под руку, причем сделала она это точь-в-точь, как это иногда делает мать. А через несколько мгновений она рассказала это сновидение. Незадолго до этого разговора она несколько дней провела в гостях у тети, упоминаемой в этом сновидении.¹⁰ Она с радостью собиралась в гости к тете, так как была вполне уверена, что встретится там с двумя маленькими кузенами, которыми она искренне интересовалась. Но, к сожалению, их там не оказалось, чем Аня очень была огорчена и разочарована. В настоящей ситуации, очевидно, должно было быть нечто близкое по содержанию к теме сновидения, иначе непонятно, почему это сновидение внезапно всплыло в памяти в настоящий момент. И действительно, имеется совершенно ясное сходство между содержанием сна и ее теперешним разговором с отцом. Дядя — человек уже довольно пожилой, наша девочка знает его не очень близко, встре-

чалась с ним всего несколько раз, да и то изредка. В сновидении образ этого дяди представляет собой выполненное *lege artis* <лат.: по всем правилам искусства> замещение отца. Само сновидение представляет собой компенсацию за пережитое накануне разочарование: она находится в постели отца. Вот где *tertium comparationis* <лат.: основание для сравнения> с настоящей ситуацией. Вот почему в этот момент она внезапно вспоминает это сновидение. В этом сновидении она повторяет одну игру, которую часто проделывала в (пустой) кровати отца: езду верхом и болтание ногами, в игре она делала это на матраце. Игра эта связана с вопросом: как делает это папа? так? (см. выше). В настоящий момент ей тоже пришлось испытать разочарование — отец ответил ей на поставленный вопрос: «Ты будешь спать в соседней комнате». И вслед за этим всплывает воспоминание о сновидении, однажды уже принесшем ей утешение после испытанного ею эротического разочарования. В то же время в сновидении имеется существенное уточнение теории: это происходит в кровати и с помощью указанных выше ритмических телодвижений. Она говорит, что садится дяде на желудок: есть ли здесь какая-нибудь связь со рвотой, это пока еще не ясно.

Таковы наблюдения к настоящему времени. Ане теперь несколько больше пяти лет, и, как мы видели, ей уже известен целый ряд важнейших фактов в области половой жизни. Однако каких-либо дурных влияний этих знаний на ее характер или нравственность не последовало. О благоприятном же терапевтическом эффекте мы уже говорили. Из всего этого сообщения вытекает, что и младшая сестра, очевидно, тоже будет нуждаться в сексуальном просвещении, причем приступить к нему придется лишь тогда, когда эти вопросы у нее возникнут сами собой. Пока они не назрели, все разъяснения, по-видимому, совершенно бесполезны.

Я не сторонник того, чтобы сексуальное просвещение детей производилось в школе, и вообще не сторонник какого-либо механического, общего для всех способа этого просвещения. Поэтому я не могу советовать в этом вопросе что-либо положительное и общеобязательное. На основании приводи-

мого мной м
брать детей
перестать в
видеть; а во
правилами
подобное тр
только путь
способен да
рии развити

¹ Здесь на
у детей этого
это надо ответ
в окружающей
чувств. Это, ме
емых детьми о
минуту снять с
хологию ребен
самое важное
значительная д
и вообще сексу
шие привычны
ся где-то в чел
нее того предп
проявляет их
примитивное

² Это воо
в связи с жит
в нем, проис
тельность. На
сти, направле
денция этой р
порах хотя
в дальнейшем
шение. Тако
вротиков, пы
типические ф
те. (Что у ни
это показыва
точности ори

³ Наш пр
показаться

мого мной материала я могу сделать только один вывод: надо брать детей такими, каковы они в действительности; надо перестать видеть в них только то, что мы хотели бы в них видеть; а воспитывая их, надо сообразоваться не с мертвыми правилами, а с естественным направлением развития. Если подобное требование не должно остаться фразой, то есть один только путь выполнить его: этот путь — психоанализ. Что он способен дать нам, мы видим по нашему фрагменту из истории развития души ребенка.

¹ Здесь нам могут задать вопрос, имеем ли мы право допускать, что у детей этого возраста вообще есть интерес к подобного рода теориям. На это надо ответить, что дети напряженно интересуются всеми переменами в окружающей их обстановке, которые воспринимаются с помощью органов чувств. Это, между прочим, проявляется и в бесконечных вопросах, задаваемых детьми о самых различных предметах. А кроме того, необходимо на минуту снять с себя очки культурного человека, если мы хотим понять психологию ребенка: ведь рождение младенца и для всякого человека, пожалуй, самое важное событие. Однако для цивилизованного мышления утрачена значительная доля биологической единственности этого события, равно как и вообще сексуальности. И все-таки правильные биологические оценки, бывшие привычными в течение десятков тысячелетий, должны были сохраниться где-то в человеческом духе, в какой-то его сфере. Что может быть вероятнее того предположения, что у ребенка эти оценки еще существуют и что он проявляет их до тех пор, пока покров цивилизации не сброшен еще на примитивное мышление.

² Это вообще типический процесс, наступающий всякий раз, когда, в связи с житейскими препятствиями и невозможностью приспособиться в них, происходит остановка в претворении либидо в реальную действительность. Наступает интроверсия: вместо активности, вместо деятельности, направленной на реальное, начинается усиленная работа фантазии: тенденция этой работы — устранение препятствий, по крайней мере, на первых порах хотя бы только чисто фантастическое устранение, причем в дальнейшем может наметиться даже и определенное фактическое разрешение. Таково происхождение преувеличенных сексуальных фантазий невротиков, пытающихся преодолеть специфическое вытеснение, таковы же и типические фантазии заик об имеющемся у них большом ораторском таланте. (Что у них до известной степени существует право на таковой талант, это показывают ценные соображения Адлера (Adler) по вопросу о недостаточности органов.)

³ Наш прием судить о цели вопросов ребенка по ответам матери может показаться парадоксальным и требует поэтому пояснений. Фрейд вскрыл

всю проблематичность сознательных мотивов в наших желаниях, и это одна из его величайших психологических заслуг. Значение сознательного мышления в определении нашей деятельности вообще безмерно переоценивается; эта переоценка — следствие вытеснения влечений. По Фрейд, критерием для психологии поступков является не сознательный мотив, а результат (но не физическое его значение, а психологическое). Это понимание проливает новый, биологически значительный свет на наши поступки. Не буду приводить примеров, ограничусь только указанием на то, что эта точка зрения имеет существенное значение для психоанализа и чрезвычайно ценна в эвристическом отношении.

⁴ Это — примитивное определение божества.

⁵ Это желание сидеть до глубокой ночи у отца и матери нередко впоследствии играет роль во время невроза. Обычно желание это преследует цель: помешать половому акту родителей.

⁶ Ср.: Riklin. *Wunscherfüllung und Symbolik im Märchen*. F. Deuticke. Wien.

⁷ «Сказка — миф ребенка» — это формула, слишком уже сокращенная. Носительницей сказок является прежде всего мать, ей известны действительные сексуальные отношения, и она во всяком случае не делает сознательного перевода их на язык символов. Да и бессознательный перевод этих отношений в символы едва ли осуществляется когда-либо в наши времена; символика сложилась вполне прочно, имеет за собой вековую давность и во всех древнейших источниках встречается почти в тождественном виде. Целый ряд символов, несомненно, заимствован сказками из суеверных обычаев, утративших былое обрядовое значение. Наши толкования в единичных случаях могут, конечно, быть и не совсем правильными, но тем не менее не подлежит сомнению, что существенная часть символических сказок носит сексуальный характер. Время возникновения символов довольно отдаленное; это — эпоха инфантильного, т. е. аналогизирующего мышления. С тех пор сменилось, однако, не более 100 культурных поколений.

⁸ Тенденция удалить мать обнаружилась еще и по следующему поводу: в играх девочек беседка выполняла роль квартиры, в которой они как бы поселились вместе с куклами. Важной принадлежностью всякой квартиры является клозет, каковой, конечно, должен был найти свое место и в этой квартире. Соответственно этому дети начали отправлять свои потребности в одном из уголков беседки. Мать, конечно, должна была расстроить эту иллюзию и запретила подобную игру. Вскоре ей пришлось услышать следующее объяснение: «Когда мама умрет, то мы каждый день будем делать в беседке и ежедневно надевать воскресные платья».

⁹ Аня употребила здесь непереводимое выражение (на диалекте: «uf und abgjukt»), его смысл: производить ритмическое подскакивающее движение в вертикальном направлении.

¹⁰ С тех пор, как она видела это сновидение, тоже прошло несколько дней.

ЗНАЧЕНИЕ ОТЦА В СУДЬБЕ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Карл-Густав Юнг

*Ducunt volentem fata,
nolentem trahunt.*¹

Психосексуальные отношения ребенка к родителям, и в особенности к отцу, имеют решающее значение по отношению и содержанию невроза, развивающегося у этого ребенка в его дальнейшей жизни; на это обстоятельство Фрейд обращал наше внимание неоднократно² с полной определенностью и ясностью. Действительно, отношение к родителям — это тот инфантильный канал *par excellence* <фр.: по преимуществу>, в который устремляется обратно либидо³ взрослого человека, если оно наталкивается на препятствия в жизни; подобное устремление либидо ведет к тому, что снова оживают давным-давно забытые сновидения времен детства. Так ведь всегда и бывает в жизни, когда приходится отступить перед каким-либо крупным препятствием, перед угрозой слишком горького разочарования или слишком рискованным и ответственным решением; в подобных случаях волевая энергия, накопленная было для решения задачи, бессильно устремляется обратно и заполняет побочные рукава, каналы примитивной системы, не употреблявшиеся уже, так как они перестали соответствовать целям взрослого индивида. Кому не удастся счастье любви к женщине, — а это ведь лишает мужества, — тот возвращается обратно и хватается за суррогат мечтательной дружбы, онанизма, религиозности, а если такой разоча-

рованный человек сверх того и невротик, то он идет еще дальше назад, он возвращается к тем своим связям времен детства, которых он никогда не покидал совсем и целиком и к которым и нормальный человек привязан столькими нитями: к отношениям с отцом и матерью. Каждый сколько-нибудь основательно проведенный психоанализ обнаруживает более или менее ясно эту регрессию (Regression). Здесь отмечается, однако, та особенность, что отношение к отцу, по-видимому, превалирует, имеет более веское значение; обстоятельство это ярко оттенено и в работах и воззрениях Фрейда. И вот с этим значением отца в образовании детской психосексуальности мы встречаемся опять в совсем уже другой области, в области генеалогических исследований целых семейств.⁴ Новейшие фундаментальные исследования в этой области обнаруживают доминирующее влияние отцовского характера в семьях, которое часто можно проследить на протяжении целых столетий. Материнское влияние в семье, по-видимому, гораздо менее значительно. Если это обнаруживается даже в сфере наследственности, то мы, конечно, вправе ожидать несравненно более ясных проявлений того же самого в сфере тех психологических влияний, которые исходят от личности отца. Правомерность этой точки зрения выяснилась для меня окончательно не только в связи с вышеизложенными данными, но и в значительной степени была обусловлена результатами одного психоанализа, проведенного мной совместно с д-ром Гроссом (Otto Gross). Разработка этого вопроса значительно продвинулась вперед и углубилась в связи с исследованиями моей ученицы, д-ра Е. Фюрст (E. Fürst), установившими однообразие типа реакций⁵ в пределах одной и той же семьи. Фюрст проделала ассоциативный эксперимент с 100 испытуемыми, принадлежавшими к 24 семьям. Из всего этого обширного материала к настоящему времени подверглись обработке и изданы только результаты опытов, относящихся к 9 семьям с 37 испытуемыми (все они субъекты неинтеллигентные, без образования). Однако точность произведенных вычислений дает нам уже и в настоящий момент возможность сделать некоторые довольно интересные выводы. Ассоциации были классифицированы согласно клас-

сификационной схеме Крeпелина-Ашаффенбурга (Kraepelin-Aschaffenburg), которую я несколько упростил и видоизменил, а затем были вычислены различия в разных качественных группах для разных испытуемых. В итоге получились средние величины различия в типе реакций вообще. Результат получился следующий:

Мужчины, не связанные родством, различаются между собой на	5,9
Женщины, не связанные родством, различаются между собой на	6,0
Мужчины-родственники различаются между собой на	4,1
Женщины-родственницы различаются между собой на	3,8

Итак, у родственников, а особенно у родственниц, существует в среднем сходство в типе реакции. Это говорит за то, что психологическая установка родственников сравнительно мало различается. При изучении этих различий в зависимости от разных степеней родства получалось следующее:

Средняя разность для мужа и жены равняется	4,7
--	-----

Но предел этой средней величины равен 3,7, т. е. количеству очень большому, а это значит, что средняя величина 4,7 составила из очень различных величин: существуют супружеские пары с очень большим сходством типа реакции, и, наоборот, с очень большим различием. В общем, ближе всех друг к другу оказываются отцы и сыновья с одной стороны, матери и дочери — с другой.

Разность отцов и сыновей составляет	3,1
Разность матерей и дочерей составляет	3,0

За исключением некоторых случаев разности между супругами (разность между ними может спускаться до 1,4) эти цифры принадлежат к минимальным величинам разности. Среди них в материале Фюрст имеется даже один случай, где разность между 45-летней матерью и 16-летней дочерью составляла всего 0,5. Но как раз в этом последнем случае разность между типом матери и дочери и типом отца составила 11,8. Отец — человек глупый и грубый, к тому же пьяница, мать посещает «Christian Science». Этому вполне соответствует и то, что и матери и дочери в большой степени свойствен тип оценочных предикатов (Wertprädikamentypus)⁶,

а это, по моим наблюдениям, важный симптоматический признак для диагностики недостаточной насыщенности сексуального объекта. При этом типе реакции огромное количество эмоции обращено на внешний мир, вовне, причем человек раскрывает свои чувства, стремясь вызвать ответные чувства у экспериментатора; стремление это совершенно прозрачно, хотя испытуемый не мог бы признаться в нем и самому себе.

Значительное сходство типа реакции у предков и потомков заставляет задуматься. Ведь ассоциативный эксперимент только небольшой фрагмент из душевной жизни человека. Повседневная жизнь в сущности не что иное, как огромный и крайне разнообразный ассоциативный эксперимент, и в принципе наши реакции и в жизни, и в эксперименте соответствуют одним и тем же нашим особенностям. Однако как ни ясно это положение, оно все же подлежит некоторым ограничениям. Возьмем в качестве примера только что отмеченный случай 45-летней несчастной матери и 16-летней незамужней дочери. Высокая степень выраженности оценочных предикатов у матери несомненно представляет собой осадок всей ее жизни, полной разбитых надежд и неисполнившихся желаний. Подобный тип реакции в данном случае нас несколько не удивляет. Но ее 16-летняя дочь ведь совсем еще ничего не пережила; ее реальный сексуальный объект совсем еще не найден, и все-таки она реагирует так, как если бы она была на месте своей матери и так же, как и мать, пережила целый ряд разочарований. У нее установка матери постольку, поскольку она идентифицирует себя со своей матерью. Но установка матери, как совершенно очевидно, определяется ее отношением к отцу. Дочь же не состоит в браке с отцом и не нуждается поэтому в подобной же установке. Установка эта воспринята ей благодаря влиянию среды, и ей придется в дальнейшей жизни сделать попытку приспособиться к жизни, обладая подобной семейной травмой (*familiäre Bruchfläche*). Ведь вытекающая из неудавшегося брака установка нецелесообразна в той же степени, в которой нецелесообразен и этот неудачный брак, и этой девушке придется в дальнейшем ходе ее жизни перешагнуть через препятствия своей семейной среды, чтобы быть в силах приспособиться к жизни.

ни; если же ей не удастся сделать это, то ее постигнет судьба, predetermined подобной установкой.

Судьба эта, конечно, может оказаться бесконечно разнообразной. Семейная травма может сгладиться, негатив родительских характеров может заполниться, причем все это может завершиться во внутреннем мире человека совершенно незаметно для окружающих, принимая форму борьбы с разного рода препятствиями, которые останутся непонятыми им самим. Или же человек в своем развитии вступает в мучительный конфликт с окружающим миром, в котором он нигде не находит себе места, и дело кончается тем, что удары судьбы, следующие один за другим, открывают ему постепенно глаза на его инфантильные особенности, делают и его негодным к приспособлению. Исконная причина инфантильного приспособления к родителям лежит, конечно, в аффективном отношении обеих сторон, т. е. в психосексуальности родителей, с одной стороны, и ребенка, с другой. Это своего рода психическая зараза,⁷ а мы знаем, что движущие пружины такой заразы — не истины логики, а аффекты и их телесные проявления. Аффекты эти устремляются в душу ребенка со всею мощью стадного инстинкта и определяют ее очертания и детали ее формы. Все главнейшие определяющие развитие линии, в точности соответствующие родительской Matrix, по-видимому, вполне заканчивают свое образование в течение первых четырех лет жизни, а это — самая пластичная пора жизни. Это так, ибо, как учит психоаналитический опыт, первые признаки будущего конфликта между родительской констелляцией и самостоятельностью индивида, между либидо и вытеснением (Фрейд), обыкновенно, как правило, обнаруживаются до пятого года жизни ребенка.

Теперь я хотел бы привести ряд анамнезов и показать на их примере, как родительская констелляция, о которой мы говорили, препятствует приспособлению потомства к жизни. Я ограничусь тем, что буду приводить только главные события жизни, т. е. события сексуального характера.

Случай первый. Женщина 65 лет, хорошо сохранившаяся; одета бедно, но аккуратно: платье — черного цвета, не без некоторой элегантности; тщательно причесана; в обхожде-

нии вежлива и определенно жеманна; в разговоре имеется склонность к оборотам изысканным и набожным. По виду пациентку можно принять за жену мелкого чиновника или купца. Однако, по ее словам, она — разведенная жена крестьянина. Больная, сообщая это, сильно краснеет и опускает глаза. Она обращается в поликлинику с жалобами на депрессию, страх по ночам, сердцебиение, легкие нервные подергивания в руках, представляя собою, следовательно, типическую картину легкого климактерического невроза. Картина эта становится совсем полной, когда больная добавляет, что ее сильно мучают страшные сны, ей чудится во сне, будто кто-то бросается на нее, нападают дикие звери и т. п.

Анамнез свой она начинает с истории своего семейства. (Я воспроизвожу, насколько возможно, слова самой пациентки.) Ее отец был высоким представительным мужчиной, несколько полным, но величественным. Брак его с матерью больной был очень счастлив, так как мать благоговела перед ним. Человек он был толковый, ремесленник по профессии, умел держать себя с достоинством. Детей было только двое: больная и еще одна сестра, старше ее. Сестра была любимицей матери, а больная — любимицей отца. Отец умер внезапно от удара в возрасте 42 лет, когда больной исполнилось пять лет. Больная стала чувствовать себя одинокой, и ей стало казаться, что мать и сестра обходятся с ней, как с Золушкой. Она прекрасно видела, что мать любит старшую сестру больше, чем ее. Мать осталась вдовой, так как ее благоговение перед отцом было слишком велико и исключало возможность брака с другим человеком. Память отца она окружила «как бы религиозным культом», и в этом же духе воспитывала и своих детей.

В дальнейшем сестра больной вышла замуж довольно рано, сама же больная вступила в брак лишь в возрасте 24 лет. Молодые люди никогда не нравились ей, казались слишком пошлыми; внимание ее всегда устремлялось на мужчин более зрелого возраста. В возрасте приблизительно 20 лет она познакомилась с господином несколько старше 40 лет, представительной внешности, к которому почувствовала большое расположение. По различным причинам отношения эти, однако, расстроились. Когда ей исполнилось 24 года, она по-

знакомилась со вдовцом, у которого было двое детей. Он напоминал ее отца своей величественной фигурой, был высокого роста, представитель, несколько тучен, и ему было 44 года. Она, вышла замуж за этого человека, любила его и была ему в высшей степени предана.

Брак был бездетен, а дети мужа от первой жены умерли от инфекционной болезни. После четырех лет совместной жизни, муж умер от удара. Восемнадцать лет она была верной вдовой своему мужу. Но в возрасте 46 лет (т. е. непосредственно перед менопаузой) она почувствовала сильную любовную потребность. Знакомств у нее не было, поэтому она обратилась в брачную посредническую контору и вышла замуж за первого встречного, а именно за крестьянина лет 60, дважды уже разведенного по приговору суда вследствие его грубости и сумасбродства, о чем она узнала еще до свадьбы. Этого мужа она терпела пять лет, жизнь с ним была невыносима, и она прибегла к разводу. Некоторое время спустя после развода начинается невроз.

Эпикриз. Для читателя, искушенного в психоанализе, не требуется никаких дальнейших разъяснений. Случай слишком прозрачен. Для незнакомых с психоанализом читателей отмечу следующее: ведь у больной до 46-летнего возраста не было, в сущности, никаких других переживаний, кроме таких, которые представляли собой довольно точную копию среды, окружавшей ее в самом раннем детстве. И вот сексуальность заявляет о себе, но слишком поздно и чересчур неотступно, что ведет еще к одному изданию отцовского суррогата, на этот раз ухудшенному, и поздний расцвет сексуальности нашей пациентки оказывается отравленным. Невроз выявляет яркую, хоть и вытесненную, эотику стареющей женщины, которой все еще хотелось бы нравиться (жеманность), которая, однако, не осмеливается признаться себе в своей сексуальности.

Случай второй. 34-летний мужчина; небольшого роста; выражение лица умное, добродушное. Легко приходит в смущение, часто краснеет. Пациент пришел полечиться от «нервности». Он жалуется на большую раздражительность, быструю утомляемость, нервные желудочные расстройства; по

его словам, настроение у него часто ухудшается так резко, что он уже не раз подумывал о самоубийстве.

Еще за некоторое время до личного обращения ко мне, он прислал мне обширную рукопись — свою автобиографию или, скорее, свою собственную историю болезни. Это он сделал, чтобы подготовить меня к своему визиту. История эта началась следующими словами: «Отец мой был мужчина очень высокий и сильный». Эта фраза показалась мне любопытной, я перевернул страницу и прочел следующее: «Когда мне было 15 лет, один 19-летний парень высокого роста взял меня с собою в лес и совершил надо мной безнравственный поступок».

В этой истории болезни оказалось много пробелов; пришлось собрать у больного более точный анамнез, что привело к следующим довольно интересным результатам.

Больной — младший в семье, у него два брата. Отец служил сначала солдатом в папской швейцарской гвардии, потом стал полицейским. Он — высокого роста, рыжеволосый. Это был строгий, сердитый военный, воспитывавший своих сыновей в духе военной муштры; он имел обыкновение командовать, звать сыновей свистками, а не по имени. Молодость свою он провел в Риме, и об этом бурном периоде жизни напоминал *lues* <лат.: зараза, здесь — сифилис>, последствиями которого он страдал и в пожилом возрасте. Он умел порассказать о своих прежних приключениях. Его старший сын (значительно старше больного) был совершенно похож на отца; высокого роста, крепкий, с рыжеватым цветом волос. Мать была женщиной болезненной, рано состарилась, была истощена и измучена жизнью; она умерла в 40 лет, когда больному было 8 лет от роду. Больной вспоминает о матери с хорошим, нежным чувством.

В школе наш пациент был всегдашним козлом отпущения: товарищи колотили его и издевались над ним. Он думает, что виною тому было его произношение, отличавшееся от местного диалекта. Попав потом в ученье к очень строгому и злому мастеру, он продержался у него более двух лет, живя все время в самых скудных условиях; никто из других учеников не выживал так долго, все убегали гораздо скорее. Когда

ему исполни
ние, за котор
чительные го
ба забросила
французом
героем. Эт
чем больной
что стеснял
тентен.

В дальне
похожий на
ный образ
мало, но по
его с собой
быть импо
бы он отда
Больной р
том, бывш
ему дават
мотает. О
свое насл
И второй
при этом
больного
брату эт
я не рас
такую ж
совсем
нулся в
го зараб
комилс
Глава 3
и сове
жилой
всего,
мья ж
шую с
гим, ч

ему исполнилось 16 лет, случилось вышеупомянутое покушение, за которым последовали и некоторые другие менее значительные гомосексуальные экстравагантности. Затем судьба забросила его во Францию. Там он познакомился с одним французом — южанином, большим хвастуном и сексуальным героем. Этот последний потащил его в публичный дом, причем больной наш шел против своего желания, только потому, что стеснялся своего компаньона. Однако он оказался импотентен.

В дальнейшем он отправился в Париж, где его брат, столь похожий на отца, работал по малярному делу и вел беспутный образ жизни. Там он жил довольно долго, зарабатывал мало, но помогал своей невестке, жалея ее. Брат часто таскал его с собой по публичным домам, однако больной продолжал быть импотентным. Однажды брат потребовал от него, чтобы он отдал ему 6.000 франков, унаследованные им от отца. Больной решил предварительно посоветоваться с другим братом, бывшим тоже в Париже. Последний не рекомендовал ему давать брату этих денег, так как тот их наверняка промотает. Однако больной отправился к брату и передал ему свое наследство, которое тот и спустил в кратчайший срок. И второй брат, не советовавший давать денег, тоже потерял при этом 500 франков. Когда я изумился и невольно спросил больного, зачем же так легко и без всяких гарантий он отдал брату эти деньги, он ответил: ведь брат потребовал их у меня, я не раскаиваюсь ни капли, что дал их ему, дал бы и еще раз такую же сумму, если бы она у меня была. Старший брат совсем опустил, и жена его развелась с ним. Больной вернулся в Швейцарию, где целый год не мог найти регулярно заработка и часто терпел от голода. В это время он познакомился с одним семейством, где он стал бывать в гостях. Глава этой семьи был сумасбродным сектантом и лицемером и совершенно не заботился о семействе. Его жена была пожилой, болезненной и слабой женщиной и, в довершение всего, ожидала ребенка. Детей было уже шесть человек; семья жила в большой бедности. Больной почувствовал большую склонность к этой женщине и делился с ней тем немногим, что у него было. Женщина эта жаловалась на свою судь-

бу и говаривала, что предчувствует смерть от родов. После этого он обещал ей — он, не имевший никаких средств, — взять детей и воспитать их. Действительно, женщина эта умерла во время родов. Вмешался, однако, сиротский суд и постановил оставить на руках больного только одного ребенка. И вот у него был ребенок, семьи же не было, и воспитывать ребенка один он был, конечно, не в состоянии. Поэтому он пришел к мысли о необходимости жениться. Но он испытывал большое затруднение, так как до сих пор ему еще ни разу не случалось влюбиться в девушку. Тогда ему пришло в голову, что его старший брат развелся с женой, и он решил жениться на ней.

Он написал ей в Париж об этом своем намерении. Она была, правда, семнадцатью годами старше, однако ничего не имела против его плана. Она пригласила его приехать в Париж для личных переговоров. Однако судьбе было угодно, чтобы накануне отъезда он наступил на большой железный гвоздь и ранил себе ногу; поездка не могла состояться. Некоторое время спустя рана зажила, и он все-таки поехал и нашел, что он иначе представлял себе свою невестку и будущую жену — покрасивее и помоложе, чем это было в действительности. Свадьба состоялась, а спустя три месяца по инициативе жены имело место и первое половое сношение. Он сам совсем не стремился к этому. Они принялись совместно воспитывать ребенка: он — по-швейцарски, жена его — по-парижски, так как она была француженкой. Ребенок достиг девятилетнего возраста и погиб, попав на улице под велосипед. Тогда больной наш стал чувствовать какое-то странное одиночество в своей квартире. Он предложил своей жене взять в дом молодую служанку, на что жена реагировала дикой ревностью. И вот тут-то впервые в жизни он влюбился в молодую девушку, и одновременно с этим начался невроз, он впал в глубокую депрессию, почувствовал нервное истощение, так как его семейная жизнь тем временем успела превратиться в ад.

Я предложил ему разойтись с женой, он наотрез отказался, мотивировав это тем, что он не может взять на себя инициативы сделать несчастной старую женщину. Он, очевидно,

предпочита
вания детст
в настояще
Эпикриз
ется в зако
лее сильну
шение к от
отношения
этот в выс
шением к о
своего стар
ри. Эта же
цей его ум
роль сурро
мент, когда
фантильнос
ни прибли
суальной
обнаружи
ции, так
лишь узко
Случай
го уровня
детей. Ма
Больная п
причинам
странную
ные сны,
сия. Все
все это о
не прав
вздор и в
ся от эт
она долж
хорошо.
Псих
следую
душепо

предпочитает, чтобы его и впредь мучили, так как воспоминания детства, по-видимому, для него милее всякой радости в настоящем.

Эпикриз. В этом случае также человек всю жизнь вращается в заколдованном кругу семейной констелляции. Наиболее сильную и роковую, доминирующую роль играет отношение к отцу: мазохистски-гомосексуальная окраска этого отношения всегда выступает совершенно отчетливо. И даже этот в высшей степени несчастный брак детерминирован отношением к отцу, так как пациент женится на разведенной жене своего старшего брата, т. е. иными словами — на своей матери. Эта женщина одновременно является и заместительницей его умершей во время родов подруги, которая играла роль суррогата матери. Невроз дебютирует как раз в тот момент, когда либидо явным образом высвобождается из инфантильно констеллированного соотношения и впервые в жизни приближается к индивидуально детерминированной сексуальной цели. В этом случае, как и в предшествующем, обнаруживается значительный перевес семейной констелляции, так что стремлению индивидуальности остается всего лишь узкое поле неvroза.

Случай третий. 36-летняя крестьянка, среднего умственного уровня, здорового вида, крепкого сложения, мать троих детей. Материальное положение вполне удовлетворительное. Больная поступает на амбулаторное лечение и вот по каким причинам: уже несколько недель она испытывает какую-то странную тяжесть и боязливость, спит плохо, видит страшные сны, да и днем на нее нередко нападают страх и депрессия. Все эти явления будто бы совершенно беспричинны, все это очень удивляет ее, и она должна признать, что вполне прав ее муж, который все время уверяет, что все это — вздор и воображение. Однако она никак не может освободиться от этого. Часто нападают на нее и странные мысли, что она должна умереть и попасть в ад. С мужем она ладит очень хорошо.

Психоаналитическое освещение случая дало прежде всего следующее: несколько недель тому назад ей попали в руки душеполезные сочинения, которые давно лежали у них дома

без всякого внимания. И вот она прочла, что тот, кто про-
клиная, попадает в ад. Это запало ей в душу, и с тех пор ей
все время приходит в голову, что она должна удерживать
людей от проклятий, так как иначе и она тоже попадет в ад.
Примерно дней за четырнадцать до чтения этих сочинений
внезапно умер от удара ее отец, живший в ее семье. В мо-
мент его смерти ее не было дома, она вернулась домой, когда
его уже не было в живых. Испуг ее и горе было очень велики.

Первые дни после его смерти она много думала о том,
почему отцу суждено было умереть так внезапно. Во время
этих размышлений она внезапно вспомнила, что последние
слова, слышанные ею от отца перед его смертью, были следую-
щие: «Я тоже из тех, что упали с чертовой тележки». Воспо-
минание это встревожило ее, она припомнила также, как часто
отец извергал проклятия и цинично ругался.

Она стала думать и о том, есть ли жизнь за гробом, а если
есть, то где ее отец: в раю или в аду. Во время этих мудр-
ствований ей и попали под руку душеполезные трактаты, и
она принялась читать их, пока не дошла до места, где говори-
лось, что ругатели попадают в ад. Тогда на нее напала трево-
га и большой страх, она стала осыпать себя упреками, обви-
няла себя в том, что не удерживала отца от брани и должна
быть наказана за это. За это она должна умереть и будет
осуждена попасть в ад. С этого момента она стала тосклива,
задумчива, надоедала мужу своими навязчивыми мыслями,
стала избегать общества и всякого развлечения.

Вот какова история жизни нашей пациентки (изложен-
ная частью ее собственными словами).

В семье было пятеро детей; больная — самая младшая и
была всегда любимцей отца. Отец из любви к ней делал все,
что он только мог. Когда, например, ей хотелось получить но-
вое платье и мать отказывалась исполнить ее желание, она
могла быть вполне уверена, что в следующую же поездку в го-
род отец привезет ей желанное платье. Мать умерла доволь-
но рано. В 24 года больная против воли отца вышла замуж за
человека, избранного ею самой. Отец не мог привести ка-
ких-либо особых доводов против этого человека, однако про-
сто не одобрял выбора дочери. После свадьбы она взяла отца

к себе в дом. По ее мнению, это само собой разумелось, так как никто из ее братьев и сестер не заявлял о желании жить с отцом. Надо сказать, что отец был пьяница, сквернослов, любитель заводить ссоры. Зять и тесть, как легко понять, не ладили, не уживались вместе. Всегда бывали у них ссоры и перебранки, причем больная в таких случаях добросовестно сама приносила отцу водки из трактира. Пациентка находит, правда, что муж ее — человек «справедливый». Он хороший и терпеливый, но у него один недостаток: он слишком мало слушается отца. Она находит это совершенно непонятным, и ей было бы гораздо приятнее, если бы муж совершенно подчинился отцу. Отец ведь всегда остается отцом. Во время частых ссор и сцен она принимала участие и поддерживала всегда отца. Хотя против мужа и возразить нечего и он обычно совершенно прав, когда предъявляет те или иные требования отцу, — все-таки «надо же помочь отцу».

Уже давно дело нередко доходило до того, что больная начинала чувствовать свою неправоту по отношению к отцу и видела свою вину именно в браке против его воли; часто после ссоры она чувствовала, что вся ее любовь к мужу куда-то исчезает. А с тех пор, как отец умер, она вообще не может больше любить своего мужа, так как он и его непослушание были самой частой причиной тех приступов злобы и ругани, которые находили на отца. Как-то муж, будучи не в силах переносить раздора, даже убедил жену поселить отца на другой квартире. Отец прожил там два года. В это время супруги жили мирно и счастливо. Однако мало-помалу у больной появились упреки совести; она стала думать, что она не вправе заставлять отца жить одного, так как, несмотря ни на что, он все-таки отец. И, в конце концов, несмотря на протесты мужа, она опять взяла отца к себе, так как она говорит, что она, в сущности, сильнее любила отца, чем мужа. Стоило старику только появиться в доме, как тотчас же возобновилась война. И так шло дело до его внезапной смерти.

Рассказав все это, больная разразилась целым рядом жалоб: она должна развестись с мужем и сделала бы это уже давно, если бы не было детей. Дело в том, что она поступила очень плохо, тяжко согрешила, когда вышла за своего те-

перешнего мужа против отцовской воли. Она должна была взять в мужья человека, которого советовал ей отец. Тот, конечно, повиновался бы отцу, и все тогда было бы по-хорошему. Увы! — мужу далеко до отца, от отца можно было всего добиться, от мужа же — ничего. Отец давал ей все, чего она желала. И теперь ей больше всего хотелось бы умереть, чтобы быть с отцом.

Когда все эти возгласы прекратились, я с любопытством осведомился, почему же она, собственно, отказала жениху, предложенному ей отцом?

Отец, мелкий земледелец, арендовавший тощее именье, взял к себе в дом в работники маленького, жалкого мальчугана, подкидыша. Это было как раз в ту пору, когда только что родилась у него младшая дочь. Мальчуган развивался самым неудачным образом: он оказался настолько глуп, что не выучился ни чтению, ни письму и долго не мог выучиться говорить как следует. Он был набитым дураком. Когда он возмужал, у него распух ряд желез на шее, некоторые из них вскрылись и из них постоянно текла гнойная жидкость. Это придавало отталкивающий вид этому человеку, и без того некрасивому и грязному. Его интеллект не развился и в дальнейшем, и он остался поэтому в работниках без определенного жалованья в хозяйстве нашего крестьянина.

За такого молодого человека хотел отдать свою любимую дочь отец.

К счастью, девушка не согласилась с этим, а теперь она жалеет об этом, так как подобный идиот несомненно более повиновался бы ее отцу, чем ее молодчина-муж.

Эпикриз. В данном случае мы должны еще раз определенно подчеркнуть, что наша пациентка ничуть не слабоумна, равно как и больной, описанный в предшествовавшем случае. Умственные способности в обоих случаях нормальны, но интеллект снабжен шорами инфантильной констелляции, являющимися помехой. Это с совершенно особенной очевидностью вытекает из истории болезни. Отец в данном случае превыше всяких дискуссий! Это ничего не значит, что он — сварливый пьяница и явная причина всяческой розни и разлада; наоборот, законный супруг должен даже подчиниться

этому пугалу, и в довершение всего больной приходится даже раскаиваться, что отцу не удалось раз и навсегда уничтожить все счастье ее жизни. Зато теперь она сама старается сделать это при помощи невроза, навязывающего ей желание умереть, чтобы попасть в ад, где — *pota bene* <лат.: заметь хорошо, обрати внимание> — уже находится отец.

Если вы хотите взглянуть на работу демонической силы рока, взгляните в эти мрачные и молчаливые трагедии, медленно и мучительно совершающиеся в душах наших невротиков. Одни из них шаг за шагом, в постоянной борьбе с незримыми силами, освобождаются из когтей демона, готовящего им все новые и новые удары судьбы; другие поднимаются на ноги и завоевывают себе свободу с тем, чтобы снова попасть в петли невроза и вступить на свою прежнюю дорожку. Никто не вправе говорить, что эти злосчастные люди — невротики или дегенераты. Если мы, нормальные, будем психоаналитически обследовать нашу собственную жизнь, то и мы увидим властную руку, неощутимо ведущую нас к нашим судьбам, и руку эту не всегда придется назвать милостивой.⁸ Часто мы говорим, что это божья десница или рука дьявола, власть инфантильной констелляции с течением тысячелетий превратилась в убедительный материал для религии. Мы не хотим этим сказать, что мы должны сваливать вину наследственного греха на наших родителей. Если слишком чувствительный ребенок с величайшим вчувствованием повторяет в своей душе нецелесообразные особенности своих родителей, то вина в том, что его судьба принимает роковой характер, лежит в нем самом, в особенностях его организации. Однако, как показываем наш последний случай, так бывает не всегда: и родители могут внести несчастье в душу ребенка, когда они пользуются его незрелостью, чтобы сделать его рабом своих собственных комплексов; к сожалению, это происходит слишком часто. В нашем случае отец, несомненно, собирается поступить именно так. Ведь невозможно скрыть, с какой целью собирается он отдать свою дочь замуж за этого отвратительного полуживого человека: ему хотелось сохранить ее для себя и сделать ее навсегда своей рабыней. То, что он делает, в сущности говоря, показывает нам в ярких и

преувеличенных красках то же самое, что делается тысячами так называемых порядочных и образованных родителей, считающих своим долгом проделывать обычную бестолочь традиционного воспитания. Вспомним про отцов, уничтожающих своей критикой зародыши всякого самостоятельного чувствования и мышления в своих детях; отцов, балующих дочерей, не умея прикрыть, как следует, свою эротику и тиранию чувства; опекающих сыновей и властно толкающих их по пути той или иной профессии, с тем чтобы, в конце концов, подыскать им «подходящую» партию; вспомним и про матерей, окружающих ребенка уже в колыбели нездоровой нежностью, делающих из него затем куклу-собственность и позволяющих себе в дальнейшем ревниво копаться в их эротике, — все они ведут себя в принципе не иначе, чем наш малокультурный крестьянин.

Возникает вопрос, в чем же эта волшебная сила родителей, приковывающая к ним детей иногда на всю жизнь. Психоаналитику известно, что она ни в чем ином, как в обоюдосторонней сексуальности.

До сих пор еще сопротивляются и не хотят признать, что у ребенка есть сексуальность. Но это происходит исключительно вследствие нарочитой неосведомленности, снова довольно определенно заявляющей о себе как раз в последнее время.⁹

Я не дал никакого настоящего анализа только что изложенных случаев. Мы не знаем поэтому, что творилось с этими роковыми людьми, когда они были детьми. В одной из своих статей Фрейд дает возможность заглянуть в живую душу ребенка на неслыханную до этой работы глубину. И если после мастерских описаний Фрейда я беру на себя смелость выступить с небольшим вкладом в деле изучения детской души, то я делаю это потому, что психоаналитическая казуистика представляется мне вообще чрезвычайно ценной.

Случай четвертый. 8-летний мальчик, умненький, несколько хрупкого вида; мать приводит его ко мне по поводу недержания мочи. Мать — молодая красивая женщина; во время консультации мальчик все цепляется за нее. Брак родителей вполне счастлив; отец только строгий, и мальчик (старший

ребенок) немного побаивается его. Мать компенсирует строгость отца соответственной дозой нежности, на что сын отвечает тем, что вообще не отходит от материнской юбки. Он не играет никогда со школьными товарищами, не ходит никогда один на улицу, разве только когда ему надо идти в школу. Он боится грубости и насилия со стороны ребят-школьников, предпочитает играть дома в разные умные игры или же помогает матери в ее домашних женских работах. К отцу он относится очень ревниво; он терпеть не может, когда отец бывает нежен с матерью.

Я уединился с мальчиком и стал расспрашивать его про его сновидения.

Он часто видит во сне черную змею, которая хочет ужалить его в лицо. Он вскрикивает тогда, и мать должна прийти к его кровати из соседней комнаты.

По вечерам он ложится спать совершенно спокойно. Но когда он засыпает, то ему кажется, будто в его постели лежит злой черный человек с саблей или с ружьем — высокий, худощавый человек, который хочет убить его.

Родители спят в соседней комнате. Ему часто снится, что там происходит что-то страшное, будто там находятся большие черные змеи и злые люди, которые хотят убить маму. Тогда он должен кричать и мать приходит утешать его.

Каждый раз, когда он мочится под себя, он зовет мать и она должна переменить ему белье.

Отец его высокого роста, худощавый. Каждое утро он раздевается догола и основательно моется у умывальника на глазах у мальчика. Мальчик также рассказывает мне, что он часто внезапно просыпается ночью от какого-то странного шума в соседней комнате, и ему всегда делается ужасно страшно, будто там происходит что-то страшное, какая-то борьба, но мать успокаивает его и говорит, что ничего нет.

Не представляет никаких затруднений понять, откуда происходит черная змея, кто этот злой человек и что происходит в соседней комнате. Легко понять также и ту цель, которую преследует мальчик, когда он зовет мать к себе: он ревнует и хочет разлучить ее с отцом. Это он делает и днем, как только отец становится нежен к матери. В этом смысле маль-

чик не больше и не меньше, как соперничающий с отцом любовник матери.

Но к этому присоединяется еще то обстоятельство, что змея и злой человек угрожают и ему, с ним происходит то же самое, что и с матерью в соседней комнате. Следовательно, он идентифицирует себя самого с матерью и ставит себя в то же отношение к отцу, которое существует и у матери. Это его гомосексуальный компонент: по отношению к отцу он чувствует по-женски. С точки зрения Фрейда нетрудно понять, что означает в данном случае недержание мочи. Это разъясняют нам сновидения на тему о позыве на мочу. Я отсылаю читателя к подобному анализу в моей работе «L'analyse des rêves» (*Année psychologique*. 1909). Недержание мочи имеет значение сексуального суррогата и применяется в сновидениях и у взрослых в качестве излюбленного маскировочного материала, покрывающего собой позывы полового инстинкта.

Этот маленький пример показывает нам, что творится в душе 8-летнего ребенка, уже попавшего в отношение зависимости к родителям, не без вины со стороны слишком строгого отца и слишком нежной матери.

Как видим, инфантильная установка не что иное, как инфантильная сексуальность. Если мы теперь еще раз оглянемся на все то, что в силах произвести инфантильная констелляция, то мы должны сказать, что наши жизненные судьбы по сути дела идентичны с судьбами нашей сексуальности. И если Фрейд и его ученики в первую очередь занимаются тем, чтобы проследить именно судьбы этой сексуальности, то делается это, право, не с целью отыскания пикантных ощущений, а в для достижения более глубокого понимания тех движущих сил, которые лежат в основе судьбы каждого отдельного индивидуума. И этим сказано отнюдь не слишком много, скорее, слишком мало. Так как, если нам удастся разгадать проблемы судьбы в индивидуальном человеке, то наш горизонт тотчас же расширится, и мы перейдем от истории индивидуума к истории народов.

Мы обратимся в первую голову к истории религий, к истории фантастических систем целых народов и эпох. Ветхозаветная религия подняла *pater familias* <лат.: отца семей-

ства> на высоту иудейского Иеговы, которому народ должен был в страхе повиноваться. Промежуточной ступенью к божеству являются «патриархи». Невротический страх еврейской религии (несовершенный или неудавшийся опыт сублимации, проделанный слишком еще варварским народом) порождает из себя педантическую строгость моисеева закона, навязчивый церемониал невротика.¹⁰ Освобождаются от него только пророки, которым удается идентификация с Иеговой, эта совершенная сублимация. Они становятся отцами народа. Христос — исполнитель завета пророков и учит людей тому, что истинное отношение к божеству — это «любовь». Этим он разрушает навязчивый церемониал закона и подает пример личного любовного отношения к богу. Несовершенные сублимации в христианской массе в дальнейшем приводят снова к церемониалу церкви, от которого лишь изредка в состоянии освободиться способный к сублимации мозг святых и реформаторов. Не даром, поэтому, современная теология говорит об освобождающем значении «внутреннего», или «личного», переживания, так как пыл любви всегда растворяет страх и насилие в более высоких и свободных формах чувствования.

То, что мы видим во всемирно-историческом процессе, мы опять находим также и у индивидуума (т. е. происхождение и эволюцию божества). Как высший рок, направляет ребенка власть родителей. Но когда он подрастает, начинается борьба инфантильной констелляции и индивидуальности, родительское влияние, связанное с доисторическим (инфантильным) периодом, вытесняется, попадает в бессознательное, вместе с тем оно не элиминируется, но с помощью невидимых нитей управляет индивидуальными (как это кажется) творениями созревающего духа. Как все, что очутилось в бессознательном, и инфантильная констелляция посылает в сознание некие темные, загадочные ощущения, чувства таинственного руководства и потустороннего влияния. Здесь корни первых религиозных сублимаций. Вместо отца с его констеллирующими добродетелями и пороками появляется, с одной стороны, божество на абсолютной вершине, с другой же стороны, — дьявол; последний в новое время по большей части стусевывается в связи с интуицией собственной моральной

ответственности. Первому подчиняется высшая любовь, последнему — низменная сексуальность. Как только мы вступаем в область невроза, эта противоположность оказывается напряженной до максимума. Бог становится символом высшего сексуального вытеснения, дьявол же — символом сексуального наслаждения. Таким образом сознательные выражения отцовской констелляции, как и всякое выражение бессознательного комплекса, появляющееся в сознании, приобретает лик Януса, приобретает компоненты утверждения и отрицания. Любовный эпизод в книге Товия представляет собой на редкость хороший пример этой коварной игры бессознательного: Сарра, дочь Рагуэля из Экбатаны, хочет выйти замуж; однако ее злой судьбе угодно так, что она семь раз подряд так выбирает себе мужа, что он умирает в свадебную ночь. Злой дух Асмодей, преследующий ее, убивает ее мужей. Она молит Иегову, чтобы он лучше послал ей смерть, чем заставил ее переживать этот позор и дальше. Служанки ее отца издевались над нею за это. Восьмого жениха, Товита, посылает ей сам бог. Его ведут в брачный покой. Но старик Рагуэль только прикинулся, что пошел спать, он встает с постели, выходит на двор и предусмотрительно копает зятю могилу, а утром шлет в брачный покой слугу, чтобы констатировать ожидаемую смерть. Однако на этот раз роль Асмодеев кончилась: Товит оказался жив.

Соображения врачебной тайны, к сожалению, запрещают мне рассказать про один случай истерии, вполне подходящий к этой схеме, с той лишь разницей, что не семь, а только трое мужчин были неудачными избранниками, и это также при наличии всех признаков инфантильной констелляции. Первый случай относится сюда же, а в третьем случае мы видим, как старик-крестьянин собирается отдать свою дочь на погибель.

В качестве благочестивой и послушной отцу дочери (ср. ее прекрасную молитву в III главе), Сарра проделала обычную сублимацию и расщепление отцовского комплекса: ее инфантильная любовь возвысилась до благоговения перед богом, навязчивая же власть отца превратилась в преследующего ее демона судьбы Асмодеев. Легенда так прекрасно изложена, что и отец Рагуэль изображается в своих двух ролях:

с одной стороны, — зятя. Я очевиден в качестве случаев, где что она всесторонне найти себе с находящимися влиянием и по отношению сыновей. У нее имеет «Psychologie» Psychology По моему мнению, важнее и валося от принадле мой опыт жайшего кие ходы попытат больше бой дем

¹ Лан...
ние дре...
ский Се...
² См...
³ Lib...
и «стр...
denomi...
⁴ S...
Joerge...
Zierme...
Eigens...

с одной стороны, это — неутешный отец невесты, с другой стороны, — тайный, предусмотрительный могильщик своего зятя. Я очень ценю эту прекрасную сказку и пользуюсь ею в качестве примера при моих анализах: ведь столь нередки случаи, где демон-отец протягивает руку к своей дочери, так что она всю жизнь, даже и выйдя замуж, не в состоянии найти себе мужа по душе, потому что его образ не совпадает с находящимся в бессознательном и постоянно оказывающим влияние инфантильным идеалом отца. И это верно не только по отношению к дочерям, это распространяется и на судьбу сыновей. Хороший пример подобной отцовской констелляции имеется в недавно появившейся работе д-ра Брилль (Brill) «Psychological Factors in dementia praecox» (*Journal of Abnormal Psychology*. 1908. Vol. VIII. P. 219).

По моим наблюдениям, для детского воображения отец важнее и опаснее; если такую роль играет мать, то мне удалось открыть за ее спиной деда, которому она внутренне принадлежала. Вопрос этот я должен оставить открытым: мой опыт недостаточен для его решения. Исследования ближайшего будущего, вероятно, позволят пробить более глубокие ходы в эти пока еще столь темные области. Я мог только попытаться бегло осветить их. Будем надеяться, что удастся больше изучить таинственную мастерскую правящего судьбой демона, о котором Гораций говорит следующее:

Scit Genius natale comes qui temperat astrum,
Naturae deus humanae, mortalis in unum.
Quodque caput, vultu mutabilis, albus et ater.

¹ Лат.: Желаящего идти судьба ведет, а не желаящего — влачит. Изречение древне-греческого философа Клеанфа, известное по переводу на латинский Сенеки. (Прим. ред.)

² См. особенно: Freud. Die Traumdeutung. II. Aufl. Wien: Deuticke, 1909.

³ Libido — это то, что старые психиатры называли «хотением» (Wollen) и «стремлением» (Streben). Выражение Фрейда представляет собой denominatio a potiori <лат.: наименование по преобладающему признаку>.

⁴ Sommer. Familienforschung und Vererbungslehre. Leipzig: Barth, 1907; Joerger. Die Famine Zero // Arch. f. Rassen- und Gesellschaftsbiologie. 1905; Ziermer M. (Pseudonym). Genealogische Studien über die Vererbung geistiger Eigenschaften // Arch. f. Rassen- und Gesellschaftsbiologie. 1908.

⁵ Fürst E. Statistische Untersuchungen über Wort ssoziationen und über familiäre Uebereinstimmung im Reaktionstypus bei Ungebildeten. X. Beitrag der diagnostischen Assoziationsstudien, herausgegeben von Dr. C. G. Jung // Journal für Psychologie und Neurologie. 1907. Bd. IX. (Erscheint später im II. Band der angegebenen Sammlung); Jung C. G. Associations d'idees familiales // Arch. de Psychologie. 1907. T. VII.

⁶ Это тот тип реакции, когда словом-раздражителем связывается не какой-нибудь объективный момент, а субъективно окрашенный предикат, например: цветок — приятный; лягушка — отвратительная; рояль — страшный; соль — плохая; петь — мило; варить — полезно.

⁷ См.: Vigouroux, Juqueliers. La contagion mentale. Paris: Doin, 1905. Ch. VI.

⁸ В то же время мы полагаем, что каждое мгновение являемся господами наших поступков. И все-таки, когда мы оглядываемся на пройденный нами жизненный путь, особенно же когда мы вглядываемся в наши несчастливые поступки и их последствия, то часто мы не можем понять, как могли мы сделать то-то или не сделать этого, и создается впечатление, будто нашими шагами руководила некая чуждая сила. Вот почему и говорит Шекспир:

«Fate show thy force: ourselves we do not owe;
What is decreed must be, and be this so!»

<Англ.: Судьба, яви свою силу: мы не принадлежим себе;
Чему предписано быть, пусть будет!>

Шопенгауэр: О кажущейся преднамеренности в судьбе отдельного человека. Parerga und Paralipomena.

⁹ Мы испытали это на Амстердамском конгрессе в 1907 г., где один выдающийся французский ученый уверял, что учение Фрейда только «une plaisanterie» <фр.: шутка, пустяк>. Этот господин, как было доказано, не читал ни последних работ Фрейда, ни моих работ и, следовательно, понимает во всем этом деле не более малого ребенка. К столь блестяще обоснованному суждению вполне присоединяется в своем сообщении о конгрессе также один известный немецкий профессор. Приходится преклониться перед подобной основательностью. На том же конгрессе увековечил свое имя и другой видный германский невропатолог. Вот его остроумное рассуждение: «Если истерия, в согласии с воззрениями Фрейда, действительно была бы обусловлена вытесненными аффектами, то вся немецкая армия была бы истеричной».

¹⁰ Ср.: Freud. Zeitschrift für Regionspsychologie. 1907.

¹¹ Лат.: Знает гений рожденья, приходящий, чтоб оберегать судьбу,
Бог человеческой природы, что смертно все:
И рассудок, и изменчивый облик, и добро, и зло. (Прим. ред.)

ЗНАЧЕНИЕ ДЕДА В СУДЬБЕ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Эрнст Джонс

В чрезвычайно интересной статье, о которой читатель вспомнит, прочтя заглавие предлагаемой работы, Юнг уже охарактеризовал то значение, которое личность отца может иметь для развития человека, и с данными Юнга приходится согласиться каждому психоаналитику, так как каждый новый изучаемый нами случай только подтверждает эти данные. И все-таки мне кажется, что, быть может, следует с большим, чем до сих пор, вниманием отнестись также и к вопросу о влиянии деда¹, так как став на точку зрения, учитывающую и это влияние, мы приобретаем возможность получить целый ряд ценных указаний, освещающих немало черт характера, не одну невротическую реакцию. Ранк (Rank)² в своих мифологических исследованиях, правда, неоднократно вскрывал ту роль, которую образ деда может играть в деятельности воображения, однако чисто клинической стороне этой темы до сих пор уделялось сравнительно немного внимания.

Вполне вероятно, что направленные на личность деда интерес, восхищение и фантазии в конечном счете всегда обусловлены аналогичной установкой по отношению к личности отца, существовавшей еще раньше, но есть некоторые важные пункты, которыми фигура деда отличается от прочих повторений «образа отца» (Vater-Imago). Образ деда, в первую очередь,

отличается от всех остальных уже тем, что он старше из всех, и часто может быть прослежен до самого раннего детства. Особенное значение личность деда может приобрести в ту пору, когда мальчик начинает переживать свой «семейный роман» (Фрейд), когда он пытается освободиться от своего фактического отца, замещая его в своем воображении какой-нибудь другой более или менее удовлетворяющей его фигурой (эта фигура впоследствии превращается в бога; происходит это в течение второго периода великих вытеснений, в пору полового созревания); в данном случае дед может оказаться вполне приемлемым заместителем. После исследований Ранка мы знаем, что такая замещающая личность всегда снабжается качествами, принадлежащими отцу, так что анализ фантазии в данном случае опять-таки приводит нас к личности отца. Естественно, что выбор часто падает на деда, так как дед в высокой степени подходит к только что указанным требованиям ввиду его сходства с отцом и родственной близости между ними (если это дед по отцу). Большая нежность и терпимость, отличающая по большей части отношение пожилых людей к детям, часто поддерживает этот процесс замены отца дедом (строгий отец нередко превращается в очень снисходительного дедушку; происходит это отчасти, быть может, и потому, что у старых людей параллельно с ростом их житейской мудрости притупляется чувство ответственности за воспитание ребенка). Впоследствии, когда ребенок подрастает, эта ассоциация, уже успевшая установиться, еще более усиливается, так как теперь сходство отца с сохранившимся в воспоминании образом деда становится еще больше.

Ассоциация эта имеет и более глубокое основание, а именно следующее: у очень многих детей возникает желание превратиться со временем в отца (или мать) своих собственных родителей, и у детей иногда бывает даже фантастическая вера, что в той же мере как им самим предстоит расти и становиться больше, их родителям предстоит делаться все меньше и меньше, так что с течением времени роли их по отношению друг к другу переменятся. Эта своеобразная фантазия, являющаяся, вероятно, одним из источников веры в пере-

воплощение, само собой разумеется, тесно связана с инцестуозными желаниями, она доводит до предела другое, более часто встречающееся желание — желание быть своим собственным отцом. Однако она может связываться также и с враждебной установкой по отношению к родителям и осуществлять желание такой перемены в наличной ситуации, при которой ребенок мог бы командовать над теми, кому он теперь подчинен. Фантазия эта иногда курьезным образом приближается к своему осуществлению в действительной жизни, а именно в тех случаях, когда сын женится на матери второй жены своего отца, т. е. на отцовской теще, делаясь, так сказать, отцом своего отца, причем в газете такое событие отмечается, например, под следующим заголовком: «Человек превратился в своего собственного деда».

Что касается деда со стороны матери, то здесь присоединяется еще один фактор. Если мать чрезмерно привязана к своему отцу, а бывает это очень часто (инфантильная фиксация), то ее сын инстинктивно чувствует, что именно дед — его соперник по отношению к матери в гораздо, может быть, большей степени, чем отец. В таких случаях создается эдипоподобная ситуация, в которой роль Лая переходит к деду. В мифологии существует ряд прекрасных примеров, иллюстрирующих эту ситуацию: на эти примеры указал Ранк. Типичной формой здесь является следующая комбинация: тиран держит взаперти свою дочь, препятствуя ее выходу замуж, однако влюбленный в нее герой побеждает все препятствия, а месть совершает затем его сын, убивая деда, стремившегося к обладанию его матерью.

До сих пор мы вели наши рассуждения, имея в виду точку зрения мальчика, но все это верно и относительно девочек. Дед и для них — заместитель отца. Мы только что разбирали фантазию, которой мы могли бы дать название фантазии «перестановки поколений»: если подобная фантазия появляется у девочки, то, воображая себя матерью своих родителей, она, конечно, в то же время мнит себя женой своего деда; вполне аналогичное происходит и с мальчиком, который, при наличии тех же предпосылок, считает себя мужем своей бабушки. Тех, кто способен с улыбкой обойти эти явле-

ния, считая их вздорной выдумкой, я попросил бы обратить внимание на то, что в христианской религии (как обстоит дело в других религиях, я не исследовал) существует даже особая официальная заповедь: «Ты не должен вступать в брак со своею бабкой (respective <англ.: соответственный>с дедом)». Ни одна религия не запрещает с такой серьезностью вещей, сделать которые никому не приходит в голову. Вполне справедливо, что нам, современным людям, подобное специальное запрещение кажется совершенно лишним, но нельзя забывать, что целый ряд влечений, удовлетворение которых в настоящее время возможно исключительно в затаенных фантазиях, в прошлые времена встречали куда более слабые сопротивления и легко претворялись в действительность.

Отметим теперь некоторые результаты «дедовского» комплекса. Самый яркий — тенденция к геронтофилии, т. е. склонность к старым людям; склонность эта может корениться также и в том, что возраст отца при рождении ребенка был старше среднего. Стоит только вспомнить о том своеобразном предпочтении, которое иногда оказывают старым людям некоторые женщины, а молодые девушки в особенности; сейчас, когда я пишу эти строки, мне сообщают про случай брака между 84-летним стариком и 19-летней девушкой, причем деньги здесь абсолютно не играют никакой роли; подобные случаи вовсе не так уж редки. Параллель с мужской стороны: притягательное действие пожилых женщин на мужчин; наблюдается оно почти так же часто.

В некоторых случаях этот же комплекс можно обнаружить и в основе повышенного интереса к своему происхождению и к предкам, хотя, вероятно, гораздо чаще дело здесь сводится к любознательности в сфере проблемы деторождения. Мне вспоминается одна пациентка, психика которой была совершенно заполнена подобными изысканиями. Она посвятила им двадцать лет жизни, изучила генеалогическое дерево своей семьи во всех его разветвлениях, проследив некоторые линии более чем на четыреста лет. Отец ее умер, когда она была еще ребенком, а воспитывалась она в доме деда, перед которым благоговела. Вещь хорошо известная, что в тех частях Азии, где к старикам относятся с особым почитанием

и послушанием, обыкновенно господствует какая-нибудь форма культа предков, в виде ли прямого поклонения предкам или в форме священного благоговения.³ В своем последнем этюде на египетские темы, помещенном в «Imago», Абрахам превосходно иллюстрировал тот способ, с помощью которого могут переноситься на менее близких лиц чувства, некогда направленные непосредственно на отца.

Неоднократно констатировалось, до какой степени мальчик иной раз «выходит» в деда (в отношении характера, или некоего общего направления ума, или даже в некоторых мелочах манеры держаться); случаев сходства внука с дедом так много, и это столь общеизвестно, что на эту тему существует даже целый ряд пословиц и поговорок. С особенной яркостью это сказалось при изучении гениальности: выяснилось, что гораздо чаще, чем гениальность в двух смежных поколениях, существуют два такие ряда: «посредственность—гений—посредственность» или «гений—посредственность—гений». В настоящее время эта закономерность достаточно хорошо обоснована фактически; мне не приходится приводить примеров, они многочисленны; каждый читатель и сам располагает такими примерами. Все это повело к формулировке целого ряда остроумных законов и правил, в которых устанавливается и обосновывается «чередование гениальности по поколениям». Однако все эти положения, может быть, станут совершенно ненужны, если мы ясно представим себе, как, с одной стороны, влияние великого отца может уничтожающе действовать на сына и как, с другой стороны, для внука может стать предметом глубочайшего интереса личность деда. Все это в одинаковой мере относится не только к гениальности, но и к другим качествам: особенно хороший пример — пьянство.

Существует интересный продукт той фантазии, «перестановки поколений», о которой мы говорили выше. Он также имеет определенное отношение к нашей теме. Фантазия эта становится одним из источников инцестуозной склонности родителей к детям, пожалуй, даже и нормальной родительской любви и педофилии вообще. Я наблюдал например, как правило, что у тех мужчин, у которых отмечается ненормально

сильная привязанность к дочерям, обыкновенно наряду с этим имеется и столь же сильная инфантильная фиксация по отношению к матери. Такой человек переживает фантазии, в которых он рождает свою мать (например, спасая ее), делается ее отцом и в дальнейшем приходит к тому, что его фактическая дочь оказывается отождествленной с матерью. В душевной жизни одного и того же поколения предыдущее и последующее поколения сливаются таким образом воедино, как и вообще прошлое и будущее в продуктах фантазии: фантазия нередко отождествляет прошлое и будущее и смешивает одно с другим. Мы видим, как тесно связаны между собой материнский и дочерний комплексы, равно как и отцовский и сыновний. То же самое относится, конечно, и к другим эмоциональным установкам; то, что верно по отношению к любви, применимо, например, и к ненависти; знаменитый случай графа Ченчи — разительный пример.

В заключение посвятим несколько слов одному члену семейства, на которого обыкновенно обращается еще менее внимания, а именно незамужней тетке. У меня было порядочно пациентов, интересы и привязанность которых концентрировались на личности такой тети; склонность эта в дальнейшем обобщалась, и они относились нежно ко всем старым девам вообще; один из них влюблялся в каждую незамужнюю женщину старше сорока лет, которую ему приходилось встречать в жизни. Смысл подобной установки чувства ясен: незамужняя тетка замещает образ матери-девушечки. Представление это оказало сильнейшее влияние на многие религии.

В своих исследованиях, посвященных браку близких родственников, Абрахам⁴ раскрыл смысл любви к племянникам и племянницам и доказал ее инцестуозное происхождение. Излагая свои соображения, я стремился расширить результаты, достигнутые Абрахамом, указывая на установку чувства по отношению к другим членам семьи. Можно совершенно спокойно решиться на обобщение и сказать, что все члены семейной группы (от брата до деда и от сестры до тетки) играют исключительно роли заместителей в первоначальной троице, образуемой отцом, матерью и ребенком.

1. М
относит
говорит
2. С
в поэзи
3. В
против
старик
да «ке
можно
ми и пр
4. J

1. Mutatis mutandis <лат.: с соответствующими изменениями> — это относится и к влиянию бабки. Однако в целях упрощения дела мы будем говорить только о влиянии деда.

2. См. в особенности «Миф о рождении героя» и «Мотив инцеста в поэзии и в сказаниях».

3. В других странах, более «цивилизованных», часто наблюдается полная противоположность: враждебное отношение вместо почитания. Там же, где старики не пользуются особым уважением и где считается постыдным, когда «кем-нибудь руководит его дед», обыкновенно в соответствии с этим можно констатировать и отсутствие гордости своими семейными традициями и происхождением.

4. Jahrbuch. 1909. Bd. 1. S. 110 etc.

МАЛЕНЬКИЙ ПЕТУШАТНИК

Шандор Ференци

Одна дама, в качестве бывшей пациентки принимающая участие в психоаналитическом движении, обратила мое внимание на случай, который, как она предполагала, должен был заинтересовать и нас.

Это был детский случай. Ребенку было тогда пять лет. Мальчик этот, по имени Арпад, развивался вполне правильно и душевно, и телесно вплоть до 3,5-летнего возраста и был совершенно нормальным ребенком; в этом не расходятся показания всех родных; он прекрасно говорил и проявлял в своих речах хороший интеллект.

Вдруг все изменилось. Летом 1910 г. вся семья отправилась в один из австрийских курортов, в тот же самый, в котором семья проводила и предшествовавшее лето; квартиру сняли ту же самую, что и в прошлом году. Тотчас же по приезде туда ребенок переменился весьма странным образом. До этого времени он и дома, и вне дома проявлял интерес решительно ко всему, что способно вызвать интерес ребенка; теперь у него был только единственный интерес, предмет которого оказался курятник, помещавшийся на дворе около дачи. С раннего утра он спешил к птицам, разглядывал их с неутомимым любопытством, подражал их крикам и движениям, кричал и плакал, если его насильно удаляли из курятника. Но и вне курятника все его времяпрепровождение, все его занятия сводились исключительно к клохтанью, кудахтанью и воркованью. Он проделывал это, не переставая,

целыми часами; на вопросы он отвечал только по-птичьи, так что мать не на шутку опасалась, как бы он не разучился говорить.

Такая странность держалась у маленького Арпада в течение всего времени пребывания на даче. Когда семья вернулась в Будапешт, он опять заговорил по-человечески, однако в разговорах своих по-прежнему продолжал заниматься почти исключительно петухами и курами да разве еще кроме того гусями и утками.

У него была все та же обычная игра, бесконечное число раз повторявшаяся им в течение дня: он мял газетную бумагу, делал из нее петухов и кур, предлагал их в виде продажного товара, затем он брал какой-нибудь предмет (большей частью маленькую плоскую метелку), называя его ножом, нес бумажных птиц к раковине водопровода (где кухарка имела обыкновение и в действительности резать кур) и отрезал им шею. Затем он показывал, как птица истекает кровью, и мастерски имитировал ее агонию голосом и телодвижениями. Если на дворе появляется торговец, предлагающий купить кур, то Арпад становится неутомим, беспрестанно выбегает к дверям и обратно и не успокаивается до тех пор, пока мать не купит их. Он определенно желает присутствовать при убое курицы, зато у него порядочный страх перед живыми петухами.

Родители чрезвычайно часто спрашивали Арпада, почему петух его так пугает, и он всегда рассказывал одну и ту же историю: однажды он отправился в курятник и стал мочиться там, но в этот момент подоспел петух или каплун желтого цвета (иногда он говорит — коричневого цвета) и больно клюнул его прямо в половой орган. Горничная Илона перевязала ему ранку, а петуху отрезали шею, так что он «подох».

Родители действительно помнят об этом происшествии, случившемся во время первого проведенного на этом курорте лета, когда мальчику было два с половиной года. В один прекрасный день мать услышала ужасный крик мальчика и узнала от горничной, что он страшно напуган петухом, схватившим его за половой орган. Так как Илона у них больше не служит, то нельзя точно выяснить, было ли действительно

нанесено ребенку ранение или, как помнится матери, Илона сделала ему перевязку только для вида, чтобы успокоить его.

Но вот что своеобразно во всей этой истории: психическое последствие этого переживания сказалось у ребенка после скрытого периода, продолжавшегося целый год, когда семья во второй раз поселилась на даче в прежней квартире, при чем в течение всего скрытого периода не произошло ничего такого, чем можно было бы объяснить внезапный возврат страха перед птицами и интереса к ним. Несмотря на отрицательный характер этого рассказа, я все же не мог не поставить близким ребенка следующего вопроса, вполне законного с точки зрения психоаналитического опыта: я спросил, не угрожали ли ребенку за этот период времени отрезать половой орган в наказание за склонность к ощупыванию половых частей. Ответ, данный с неохотой, был следующий: в настоящее время (т. е. в возрасте пяти лет) мальчик действительно охотно играет своим членом, за что его частенько наказывают; отнюдь «не невозможно», что кто-нибудь из взрослых действительно пригрозил ему «в шутку», что ему могут отрезать член; скверная привычка играть членом отмечается у ребенка уже довольно давно, трудно, однако, сказать, существовала ли она и в тот период времени между двумя поездками на дачу на курорт.

Из дальнейшего выяснится, что позже Арпаду действительно приходилось слышать подобные угрозы, так что мы считаем себя вправе думать, что наше предположение о действительной причине страшного волнения ребенка при вторичном посещении курорта — места первого страшного переживания, когда его члену угрожала опасность, — вполне вероятно: причина эта — угрозы кастрацией, слышанные им в промежутке между этими поездками. Конечно, невозможно совершенно исключить и еще одну, другую возможность: может быть, ребенок слышал эти угрозы до первой поездки на дачу, потому-то и страх его, когда его задел петух, оказался таким преувеличенным, — резкое же волнение при виде птиц на даче во второй раз возникло в результате повышения либидо у ребенка за этот промежуток времени. Восстановить все эти события, к сожалению, было уже невозможно, и нам при-

ходится поэтому довольствоваться предположением о вероятности указанных нами причинных соотношений.

При исследовании ребенка не удалось отметить чего-либо резкого или ненормального. Однако едва он очутился в моей комнате, как из всех находящихся в ней в большом числе безделушек его внимание тотчас же остановилось как раз на маленьком бронзовом глухаре; он взял его в руки, подошел ко мне и спросил: «Не подаришь ли ты мне его?» Я дал ему бумагу и карандаш, и он тотчас же (и очень недурно) нарисовал петуха. Затем я предложил ему рассказать мне всю эту историю про петуха. Но он уже испытывал скуку, и ему хотелось домой, к своим игрушкам. Итак, прямое психоаналитическое обследование оказалось невозможным, и мне пришлось ограничиться тем, чтобы просить даму, заинтересованную этим случаем, делать заметки, записывать его странные изречения и поступки: дама эта имела возможность в качестве соседки и близкой знакомой наблюдать его целыми часами. Сам я мог констатировать только то, что мальчик умственно очень подвижен и не лишен одаренности; правда, его умственные интересы и дарования странным образом сосредоточены на царстве пернатых. Он мастерски клохчет и поет «кукуреку». По утрам он просыпается раньше всех и будит все семейство звучным «кукурику» — настоящий Chanteclair <фр.: певец зари>. Он музыкален, но поет исключительно такие песенки, в которых встречаются упоминания о петухах, курах или о чем-либо подобном; особенно же любит он песенку:

«В Дебрецен хочу поехать,
чтоб купить там индюка».

Затем еще две песенки:

«Куточка, куточка, цып, цып, цып, цып»,
«Под окошком два цыпленочка.
Два петушка и куточка».

Кроме того он рисует, как уже сказано, но изображает исключительно птиц с большим клювом, правда, очень удачно. Мы видим, таким образом, те направления, по которым он пытается сублимировать свой патологически чрезмерный интерес к этим животным. Родителям пришлось, в конце

концов, примириться с этими вкусами ребенка, так как запреты были совершенно бесполезны: они согласились даже на покупку целого ряда игрушек, изображавших птиц, сделанных из небьющегося материала; мальчик устраивал разные игры-фантазии с этими игрушками.

В общем, Арпад — мальчуган веселый, но он чрезвычайно упрям, если его задевают или бьют. Он почти никогда не плачет, никогда не станет просить извинений. Наряду с этими качествами у него ясно заметны намеки на настоящие невротические черты: он пуглив, видит много сновидений (конечно, о птицах) и часто беспокойно спит.

Моя сотрудница отметила целый ряд странных поступков и изречений мальчика; по большей части эти данные говорят об исключительной склонности к фантазиям на тему о жестоких истязаниях птиц. Я уже говорил о типичной для него игре, подражании убийству кур; должен добавить, что и в сновидениях о пернатых он по большей части видит «дохлых» кур и петухов. Я дословно приведу некоторые изречения мальчика:

«Мне хотелось бы, — сказал он как-то совсем неожиданно, — чтобы у меня был живой ощипанный потух. Без крыльев, без перьев и без хвоста, с одним гребнем. Но он должен ходить».

Кухарка только что зарезала курицу, и Арпад начинает играть этой курицей. Затем он внезапно идет в соседнюю комнату, берет там на туалетном столике щипцы для завивания, идет к курице и восклицает: «Сейчас я выколю слепые глаза этой подохшей курице». Когда на кухне режут птиц, то это для него настоящий праздник. Он способен целыми часами в крайнем возбуждении прыгать и танцевать вокруг убитой птицы.

Кто-то из домашних спросил его однажды, указывая на зарезанную курицу: «Хотелось бы тебе, чтобы она опять ожила?» — «Черта я хочу, я сейчас же убил бы ее сам».

Он часто играет картофелем или репой (объявляя, что это — куры), изрезывая их ножом на мелкие кусочки. Ему как-то во чтобы то ни стало хотелось разбить об пол горшок, на котором были изображены куры.

Но чувства, которые он питает по отношению к пернатым, отнюдь не исчерпываются одной ненавистью и жестокостью: чувства эти явственно амбивалентны. Очень часто он гладит и целует убитую им птицу или же, подражая кухарке, «кормит» маисом деревянного гуся, при этом он все время клохчет и пищит. Однажды он разгневался на свою небьющуюся куклу (курицу) за то, что ее нельзя разорвать, и тут же бросил ее в печку, но сейчас же вытащил ее обратно, почистил и расцеловал. Зато на долю животных, изображенных в его альбоме с картинками, выпала более горькая судьба: он изорвал их в куски и не мог потом вернуть им жизнь, что очень его огорчало.

Если бы подобные симптомы наблюдались у взрослого душевнобольного, то психоаналитик, не колеблясь, истолковал бы эту чрезмерную любовь и ненависть к птицам в смысле перенесенности бессознательных аффектов, направленных по сути на людей, вероятнее, всего на близких родственников, но вытесненных и способных проявиться лишь подобным искаженным и смещенным способом.

Желание ошипать и ослепить птицу он истолковал бы как символ кастрационных замыслов и стал бы рассматривать весь симптомокомплекс как реакцию на чувство страха, вызванное в ребенке мыслью, что он будет кастрирован. Амбивалентное в установке вызвала бы у аналитика подозрение, что в душевной жизни больного борются противоречивые чувства, на основании многочисленных фактов опыта он должен был бы предположить, что эта амбивалентность, по всей вероятности, направлена на отца, которого он вообще чтит и любит, но которого в то же время должен и ненавидеть, так как он налагает на него строгие сексуальные ограничения. Одним словом, аналитическое толкование свелось бы к следующему: пестух во всем симптомокомплексе означает отца.¹ Что касается маленького Арпада, то тут нам не придется трудиться над толкованием. Работа вытеснения не успела еще окончательно замаскировать у него действительное значение всех этих странностей; первичное и вытесненное еще просвечивает в его речах, а иногда оно даже совершенно ясно проступает наружу, к тому же с изумительной откровенностью и грубостью.

Его жестокость часто проявляется и в отношении к людям, причем замечательно, что часто она направлена на половые органы взрослых. «Я вот задам им по заднице», — сказал он однажды с удовольствием одному мальчику, несколько постарше себя. «Я им вырежу середину», — сказал он в другой раз с еще большей ясностью.

Его нередко занимает идея ослепления. «Можно ли ослепить человека огнем или водой?» — спросил он однажды соседа.

(Замечательно, что он очень интересуется половыми органами птиц. Всякий раз, когда режут птицу, он требует, чтобы ему сказали, какого она пола.)

Он подбежал к постели одной взрослой девушки и воскликнул: «Я отрежу тебе голову, положу ее на твой живот и съем ее».

Однажды он сказал совершенно неожиданно: «Я хотел бы покушать запеченную мать (по аналогии с запеченной курицей); надо бы положить мою мать в горшок и сварить ее, получилась бы запеченная мать, и я мог бы поесть». (При этом он ухмыляется и танцует.) «Я бы отрезал ей голову и стал бы есть — вот так». (При этом он делает руками движения, имитирующие употребление ножа и вилки во время еды.)

Но тотчас же после проявления этих каннибальских позывов у него появляются противоположные настроения, как бы раскаяние: он проявляет мазохнистическую жажду жестоких наказаний.

«Я хочу сгореть, — восклицает он теперь. — Отломайте мне одну ногу и положите ее на огонь».

«Я отрежу себе голову. Я хотел бы изрезать себе рот, чтобы у меня не было рта».

И как бы для того, чтобы нельзя было сомневаться, что под петухом, курицей и цыпленком он подразумевает собственную семью, он как-то вдруг неожиданно говорит: «Мой отец — это петух!». В другой же раз: «Теперь я маленький, я теперь цыпленок. Когда я буду больше, я стану курицей. А когда стану еще больше, то буду петухом. Когда я буду больше всего, то я буду кучером». (Кучер, правящий лошадьми, по-видимому, импонирует ему даже больше отца.)

После подобного признания со стороны мальчика — признания вполне самостоятельного, не вынужденного чьим-нибудь влиянием, мы начинаем несколько больше понимать то страшное волнение, с которым он в свое время неустанно наблюдал жизнь кур и петухов на птичьем дворе.

Все семейные тайны, которые тщательно скрывались от него домашними, он мог вполне удобно изучать на птичьем дворе; «сердобольные животные» открыто показали ему все то, что ему хотелось видеть, главным же образом свою оживленную половую жизнь, кладку яиц, вылупливание из яиц молодого поколения. (Расположение квартиры, занимаемой семьей Арпада, таково, что мальчик без всякого сомнения мог подслушивать и дома те же процессы. Интерес, пробудившийся в нем таким образом, он должен был удовлетворять потом бесконечным рассматриванием птиц.)

Арпад и дальше не остался у нас в долгу: он подтвердил и ту часть моего предположения, которая сводила патологическую боязнь петухов в последнем счете к угрозе кастрации в наказание за онанизм.

Как-то утром он спросил соседку: «Скажите, почему люди умирают?»

Ответ. «Потому что они стареют и утомляются».

«Гм! Значит, и моя бабушка тоже была старой? Нет! Она была не старая и все-таки умерла. О, если существует бог, то почему он допускает, чтобы я постоянно падал (он подразумевает: спотыкался, падал на дороге). И почему он делает так, что люди должны умирать?». Затем он начинает интересоваться ангелами и душами, но ему дается объяснение, что все это только сказки. Он совершенно застывает от страха и говорит: «Нет! Неправда! Ангелы бывают. Я сам видел одного из них, он носит мертвых детей на небо». Потом он спрашивает в ужасе: «Почему умирают дети?», «Как долго можно жить на свете?». С трудом удастся успокоить его.

После же выясняется, что в тот же день утром горничная внезапно подняла его одеяло, и увидав, что он манипулирует со своим членом, пригрозила, что ему отрежут член. Соседка пытается успокоить его и говорит, что ему не сделают ничего дурного. Она говорит ему, что и все прочие дети делают

то же самое, что сделал он. В ответ на это Арпад вскрикивает с негодованием: «Это — неправда! Не все дети! Мой папа никогда не делал этого».

Теперь нам более понятна его ненасытная ненависть к петуху, который хотел сделать с его членом именно то, чем угрожали ему взрослые; понятно также и его глубокое уважение к этому сексуальному животному, которое дерзает делать то, чего, как ему внушено, он должен страшно опасаться; нам понятны теперь и те жестокие кары, которые он призывает на свою голову (в наказание за онанизм и садистские фантазии).

Точно желая дать нам полную картину, он начинает в последнее время усиленно интересоваться религиозными идеями. Все бородатые евреи внушают ему великое, смешанное со страхом, почтение. Он просит мать, чтобы она пригласила этих нищих войти в квартиру. Но если кто-нибудь из них на самом деле придет в дом, то он прячется и рассматривает гостя на почтительном расстоянии; однажды он сказал при уходе такого гостя: «Теперь я — курица нищего». Старые евреи, как он говорит, интересуют его потому, что они приходят «от бога» (из храма).

В заключение приведем еще одно из выражений Арпада; оно показывает, что он не даром так долго наблюдал за половой жизнью кур. Однажды он совершенно серьезно сказал соседке: «Я женюсь на вас, и на вашей сестре, и на моих трех кузинах, и на кухарке, нет, лучше на маме вместо кухарки». Он, значит, действительно собирается стать «петухом в курятнике».

¹В очень большом числе проанализированных сновидений и неврозов за фигурой животного скрывалась личность отца. См. у Фрейда «Анализ фобии пятилетнего мальчика» (*Jahrbuch für Psychoanalyse*. Bd. 1. S. 1) и «Сказочные сюжеты в сновидениях» (тот же журнал, тетрадь 2). В личной же беседе Фрейд сообщил мне, что в одной из своих работ, которая будет опубликована в «*Imago*», он воспользуется этой идентичностью для объяснения тотемизма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РЕБЕНОК В ЗЕРКАЛЕ ПСИХОАНАЛИЗА. В. Луков	3
ТРИ ОЧЕРКА ПО ТЕОРИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТИ. З. Фрейд	4
I. Сексуальные отклонения	4
II. Инфантильная сексуальность	36
III. Преобразования при половом созревании	65
АНАЛИЗ ФОБИИ ПЯТИЛЕТНЕГО МАЛЬЧИКА. (Фрагмент). З. Фрейд	112
ИССЛЕДОВАНИЯ О САМОЙ РАННЕЙ ПРЕГЕНИТАЛЬНОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ ЛИБИДО. К. Абрахам	117
КОНФЛИКТЫ ДЕТСКОЙ ДУШИ. К.-Г. Юнг	154
ЗНАЧЕНИЕ ОТЦА В СУДЬБЕ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА. К.-Г. Юнг	185
ЗНАЧЕНИЕ ДЕДА В СУДЬБЕ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА. Э. Джонс	207
МАЛЕНЬКИЙ ПЕТУШАТНИК. Ш. Ференци	214

ПСИХОАНАЛИЗ ДЕТСКОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Ответственный редактор *В. А. Луков*
Компьютерный набор *К. В. Спасская*
Компьютерная верстка *Н. И. Луковой*

Издательство «Союз», ЛР № 040712 от 14.04.95 г.
195197, Санкт-Петербург, ул. Васенко, д. 6.

Сдано в набор 03.09.97. Подписано в печать 24.09.97. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Журнальная Новая. Печ. л. 14,0. Тираж 15 000.
Печать офсетная. Бумага типографская. Заказ № 963.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии им. Володарского Лениздата.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 57.

Издательская и книготорговая Фирма

«СОЮЗ»

Предлагает широкий ассортимент книг
различной тематики:

- учебная
- развивающая
- методическая
- книги по психологии
- словари
- справочники и т. п.

Приглашаем к сотрудничеству!

Оптовым покупателям
предоставляются скидки

Наш адрес:

195197, Санкт-Петербург,
ул. Васенко, д. 6.
тел./факс: 541-32-21

ниготоргов

ассортимент кни
атики:

дая
кая
сихологии

и и т. п.

дничеству!

елям
идки

бург,

1

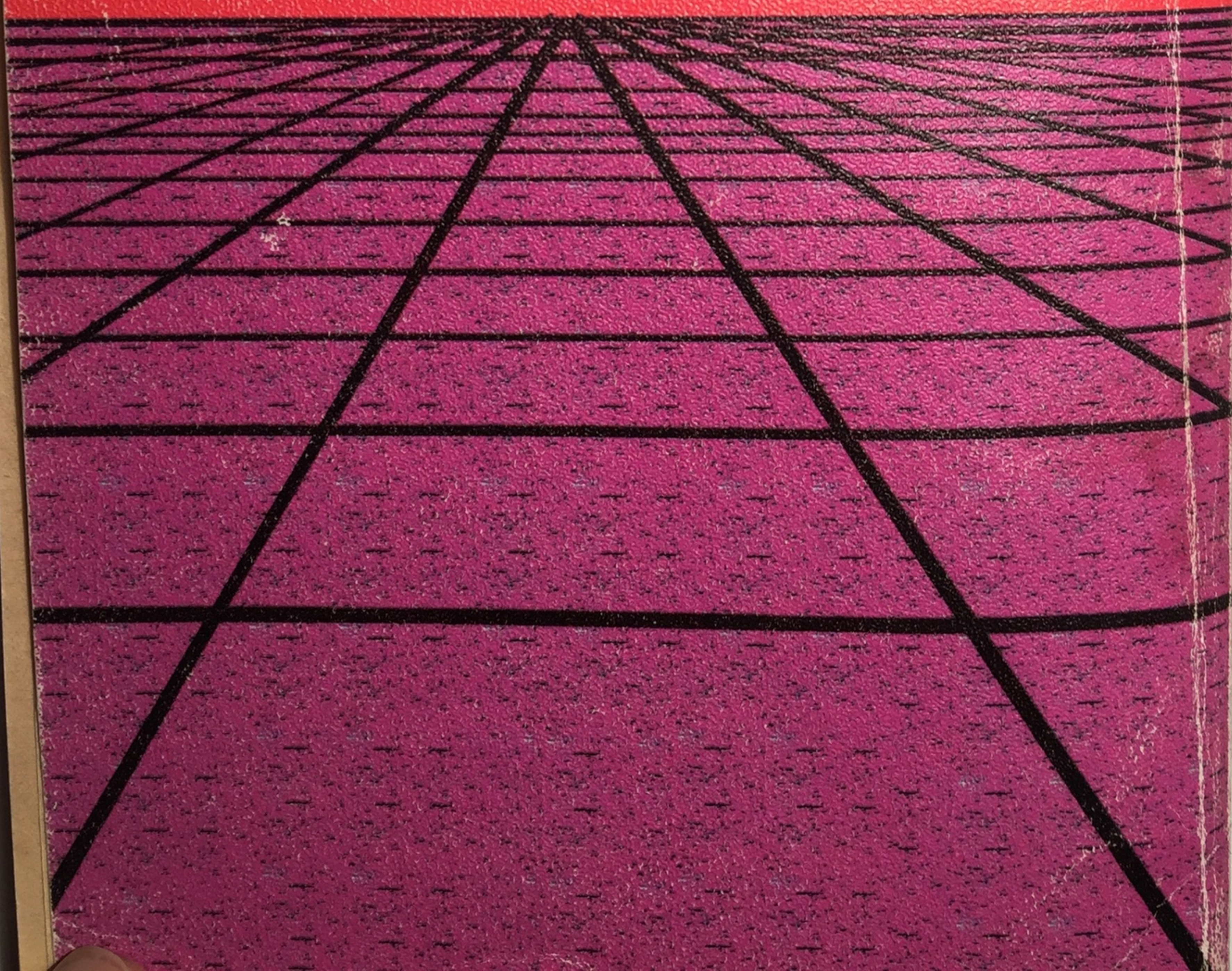
M U

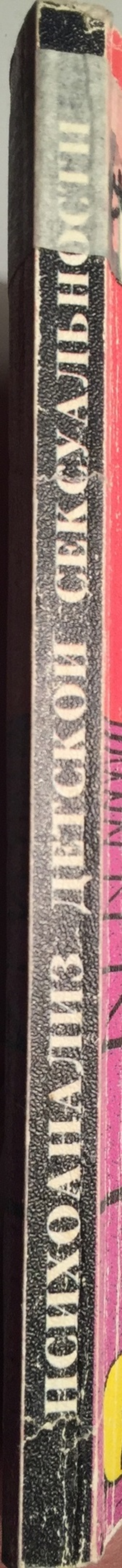
ЦЕС №2 СВАО
Библиотеки Москвы
СВАО, Библиотека №61-1

0 280009 727027

10p

OXFORD

UNIVERSITY

PRESS

OXFORD

UNIVERSITY

PRESS